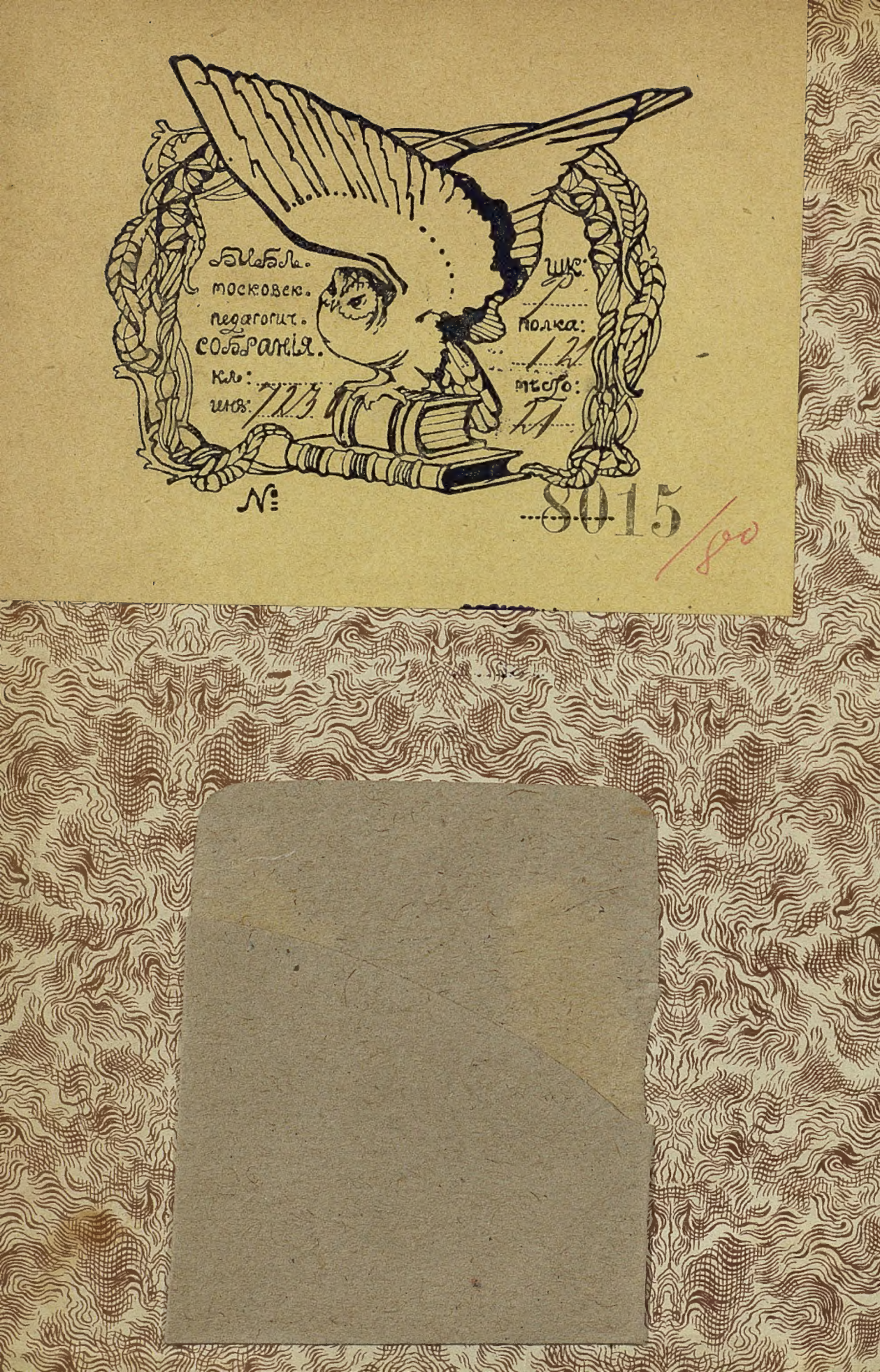
ДБ
300
Т14
Таинственный
старец Феодор
Козьмич в Сиб.
Харьков, 191


Библ.
московск.
педагогич.
собранія.
кл:
инв: 723
шк:
полка:
мѣсто:
№
8015
/80

9(97)„18"(003)

ТАИНСТВЕННЫЙ СТАРЕЦЪ

ѲЕОДОРЪ КОЗЬМИЧЪ

въ Сибири

и

Императоръ Александръ I.

СОСТАВЛЕНО

ТОМСКИМЪ КРУЖКОМЪ ПОЧИТАТЕЛЕЙ
СТАРЦА ѲЕОДОРА КОЗЬМИЧА.

Инв. 7280/8015

Изданіе Д. Г. Романова.

Государств. публичная
Историческая
библиотека СССР
7230/8°

ХАРЬКОВЪ.
Типографія „Мирный Трудъ“, Дѣвичья улица, № 14-й.
1912.

Прочтите книгу эту со вниманьемъ,
Проникнувъ въ смыслъ ея правдивыхъ словъ;
Знакомьтеся съ таинственнымъ сказаньемъ
О старцѣ, въ глубинѣ спасавшемся лѣсовъ:
Ее съ любовью долго собирали,
Въ нее вписали все, что говоритъ страна,
Чтобъ со страницъ ея правдиво выступали
Полузабытыя средь жизни имена.
Судите, кто былъ Старецъ сей смиренный,
Задумайтесь надъ подвигомъ святымъ,
Проникнувъ въ смыслъ его, въ смыслъ жизни совершенной,
И преклонитесь тихо передъ Нимъ...

„Легенды распускаются, подобно роскошнымъ цвѣтамъ, подъ лучезарнымъ блескомъ, озаряющимъ жизнь героевъ. Человѣкъ уже снизошелъ въ могилу, а легенда переживаетъ его. Она слѣдуетъ за его переходомъ въ вѣчность, подобно слѣду, оставленному метеоромъ, и вскорѣ разрастается, разцвѣтаетъ, становится болѣе блестящей, болѣе сіяющей“...

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Предисловіе 1
Какъ Феодоръ Козьмичъ попалъ въ Сибирь 7
Феодоръ Козьмичъ въ Сибири 13
Образъ жизни старца Феодора Козьмича 44
Болѣзнь, кончина и погребеніе старца Феодора Козьмича . . 58
Прозорливость старца 76
Таинственныя явленія послѣ смерти старца Феодора Козьмича . 76
Кто онъ? 85
Описаніе рисунковъ 138

ПРИЛОЖЕНІЯ:

I. Легенда о Цесаревичѣ Константинѣ Павловичѣ 165
II. Легенда объ Императрицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ . . . 168
III. 44-я годовщина со дня смерти Феодора Козьмича . . . 173
IV. Кто онъ? (стихотвореніе) 176
V. Старецъ Феодоръ Козьмичъ и скопцы 179
VI. С. Ф. Хромовъ 182

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Широко распространенная среди сибирскаго населенія легенда о тождественности погребеннаго въ оградѣ Томскаго Богородице Алексѣевскаго монастыря таинственнаго старца Феодора Козьмича съ Императоромъ Александромъ Благословеннымъ съ давнихъ поръ обратила на себя глубокое вниманіе пишущаго эти строки. Онъ съ 1891 года началъ собирать матеріалъ и въ результатѣ получилось изданіе въ 1900 году небольшой брошюрки подъ заглавіемъ „Таинственный Старецъ“. Брошюрка эта, изданная въ количествѣ 2000 экземпляровъ, разошлась менѣе, чѣмъ въ три мѣсяца. Такой успѣхъ породилъ желаніе составить и издать нѣчто болѣе солидное. Но собираніе матеріаловъ подвигалось довольно туго. Лѣтомъ минувшаго 1907 года обстоятельства сложились несравненно благопріятнѣе. Въ предпріятіи принялъ живѣйшее участіе достоуважаемый о. настоятель Томскаго Алексѣевскаго монастыря, архимандритъ Іона (Изосимовъ), старинный и искреннѣйшій, убѣжденнѣйшій почитатель таинственнаго сибирскаго старца. О. архимандритъ предоставилъ въ мое распоряженіе массу матеріаловъ, печатныхъ и рукописныхъ, въ высокой степени цѣнныхъ и ранѣе мнѣ неизвѣстныхъ. Дѣло оставалось за матеріальными средствами. Но и тутъ судьба пришла на помощь. Томскій житель Д. Г. Романовъ, такъ-же искренній почитатель таинственнаго сибирскаго старца, изъявилъ желаніе предоставить необходимыя средства на изданіе такой книги о старцѣ

Феодорѣ Козьмичѣ, которая заключала бы въ себѣ все, до сихъ поръ о немъ извѣстное. Когда матеріальная сторона дѣла была обезпечена, началась болѣе интенсивная работа по собиранію матеріаловъ. Большую услугу въ этомъ отношеніи принесъ дѣлу почтенный Иванъ Георгіевичъ Чистяковъ, зять Семена Феофановича Хромова, въ домѣ котораго жилъ и скончался старецъ Феодоръ Козьмичъ. Его личные разсказы и указанія, доставленныя имъ рукописи послужили богатѣйшимъ матеріаломъ при составленіи настоящей книги. Считаю своимъ священнымъ долгомъ отъ имени всѣхъ участвующихъ въ настоящемъ изданіи принести глубокоуважаемому Ивану Григорьевичу нашу искреннѣйшую, сердечную благодарность.

Собираніе матеріаловъ производилось затѣмъ и на мѣстахъ, гдѣ жилъ старецъ Феодоръ Козьмичъ первое время своего пребыванія въ Сибири—въ станицѣ Бѣлоярской, въ с. Зерцалахъ, въ с. Краснорѣченскомъ, т. е. въ предѣлахъ Ачинскаго уѣзда, Енисейской губерніи, и Маріинскаго уѣзда Томской губ. Въ этихъ мѣстностяхъ пришлось собирать довольно цѣнныя свѣдѣнія отъ стариковъ, лично знавшихъ покойнаго благословеннаго старца. Въ полученіи этихъ свѣдѣній большое содѣйствіе оказали—настоятель церкви села Бѣлоярскаго о. Василій, давшій мнѣ возможность познакомиться и переговорить съ нѣсколькими стариками, лично знавшими Феодора Козьмича, и настоятель церкви с. Зерцалъ о. Георгій Бѣлоруссовъ, съ большой любезностью показавшій мнѣ икону Почаевской Божіей Матери и хранящійся въ ней вензель съ иниціаломъ „А“, а также доставившій мнѣ полную копію съ записокъ покойнаго Семена Феофановича Хромова. Всѣмъ этимъ лицамъ также приношу мою глубочайшую благодарность. Не могу не принести благодарности и ачинскимъ купцамъ-евреямъ г.г. Б—ку и Б—ну, которые оказали мнѣ громадное и цѣнное содѣйствіе въ моихъ поѣздкахъ по Ачинскому уѣзду. Не могу не замѣ-

тить при этомъ, что многіе евреи съ глубокимъ почтеніемъ относятся къ памяти Феодора Козьмича, и у многихъ изъ нихъ имѣются его портреты...

Вѣроятно, многіе читатели обратятъ вниманіе и, можетъ быть, упрекнутъ составителя настоящаго труда въ излишнихъ подробностяхъ, которыя онъ приводитъ въ жизнеописаніи благословеннаго старца Феодора Козьмича.

Но этому были причины.

Цѣлью нашего труда было не категорическое безусловное доказательство истинности существующей легенды, но собираніе всѣхъ существующихъ данныхъ, которыя бы служили къ разъясненію и обнаруженію тайны, которою былъ окруженъ этотъ загадочный сибирскій отшельникъ.

А въ этомъ отношеніи, думается намъ, каждое маленькое свѣдѣніе, маленькое соображеніе, каждая песчинка—важны...

Но, кромѣ тѣхъ задачъ, осуществленію которыхъ мы, смѣемъ надѣяться, могли бы помочь до извѣстной степени, встаютъ передъ нами и иныя соображенія.

Феодоръ Козьмичъ,—человѣкъ, несомнѣнно, получившій высокое для того времени образованіе, движимый гуманными идеями, цѣлями и побужденіями, человѣкъ, какъ видно, не мало потрудившійся на вѣку своемъ на пользу дорогого его сердцу отечества, до самой своей смерти не измѣнилъ своимъ альтруистическимъ убѣжденіямъ.

Изучая жизнь этого таинственнаго старца, невольно приходитъ на мысль: неужели этотъ развитой, съ такимъ богатствомъ знаній и тактичности человѣкъ не могъ въ то время занять соотвѣтствующее своимъ способностямъ мѣсто и не заявить себя ничѣмъ особеннымъ?

Неужели онъ во цвѣтѣ лѣтъ совершилъ какое-нибудь преступленіе и принужденъ былъ, удалившись отъ міра, бродить по городамъ и весямъ Великой Имперіи, отыскивая по монастырямъ и отдаленнымъ селамъ временный пріютъ и скудное пропитаніе?

Но, даже если отбросить все прошедшее этого человѣка, т. е. всю его жизнь до прибытія въ предѣлы Сибири, то и тогда онъ заслуживаетъ памяти потомства, какъ одинъ изъ незамѣтныхъ муравьиныхъ труженниковъ, неутомимо разбрасывающихъ сѣмена гуманныхъ идей въ отдаленныхъ уголкахъ нашей великой родины.

Нечего и говорить, какое огромное воспитательное значеніе въ средѣ неразвитой массы народа имѣютъ такіе безкорыстные труженники, подавая примѣръ безупречной жизни и наглядно указывая на способы ея упорядоченія...

Считаю долгомъ указать на тѣ печатные труды, которыми я пользовался при составленіи настоящаго жизнеописанія старца Феодора Козьмича.

1) Князь Н. С. Голицынъ. „Народная легенда объ Александрѣ-отшельникѣ“ („Русская Старина“, 1888 г., ноябрь).

2) Записки княгини Д. Х. Ливенъ—о кончинѣ Императора Павла I. („Историческій Вѣстникъ“, 1906 г., май).

3) Н. К. Шильдеръ. „Императоръ Александръ I, Его жизнь и царствованіе“. 4 тома. Цѣна 30 руб.

4) И. А. Галактіоновъ. „Императоръ Александръ I и Его царствованіе“. Петербургъ, 1877 г. Цѣна 3 руб.

5) Н. А. Гурьевъ. „Таинственный Старецъ“. Томскъ, 1900 года, Изданіе автора. Цѣна 5 коп.

6) В. Долгорукій. „Отшельникъ Александръ (Феодоръ въ Сибири)“. „Русская Старина“, 1887 г., октябрь.

7) И. Смирновъ. „Отшельникъ Феодоръ“ (замѣтка) „Русская Старина“, 1887 г., октябрь.

8) Епископъ Петръ. „Сибирскій старецъ Феодоръ Козьмичъ“. „Русская Старина“, 1892 г., январь.

9) М. Ф. Мельницкій. „Старецъ Феодоръ Козьмичъ“. („Русская Старина“, 1892 г., январь).

10) Баронъ Корфъ. „Восшествіе на престолъ Императора Николая I“. Составлено по Высочайшему повелѣнію. 2-е изданіе (для публики). Спб., 1857 г. Считаемъ долгомъ замѣтить, что первое изданіе этого цѣннаго труда было напечатано лишь въ 25-ти экземплярахъ, единственно для членовъ Императорскаго Дома и немногихъ приближенныхъ, какъ семейная тайна. Изъ этой книги заимствовано, между прочимъ, письмо Александра Павловича къ Виктору Павловичу Кочубею.

11) Н. П. Кузнецовъ-Красноярскій. „Старецъ Феодоръ Козьмичъ“. „Историческій Вѣстникъ“, 1895 г., май.

12) Р. Кузовниковъ. „Кто былъ старецъ Феодоръ Козьмичъ". „Историческій Вѣстникъ", 1895 г., іюль.

13) Великій Князь Николай Михайловичъ. „Легенда о кончинѣ Императора Александра I въ Сибири въ образѣ старца Феодора Козьмича". Спб., 1907 г.

14) „Загадочный Старецъ Феодоръ Козьмичъ, скончавшійся въ Томскѣ 20 января 1864 г.". Изданіе Е. И. Коноваловой. Москва, 1898 г. Цѣна 30 коп.

15) „Сибирскій замѣчательный и загадочный старецъ Феодоръ Козьмичъ, умершій въ Томскѣ 20 января 1864 года и о томъ, какъ жили въ Сибири русскіе люди въ его время". Очеркъ К. Г—ва. Изданіе книгопродавца А. А. Холмушкина. Петербургъ, 1905 г.

16) „Старецъ Феодоръ Козьмичъ". 1837—1864 г. Кто былъ Феодоръ Козьмичъ. О жизни Феодора Козьмича въ Сибири. Томскъ. Паровая типо-литографія Макушина. 1907 г.

17) „Сказаніе о жизни и подвигахъ старца Феодора Козьмича, подвизавшагося въ предѣлахъ Томской губерніи съ 1837 г. по 1864 г.". Брошюра эта представляетъ собою почти дословный пересказъ записокъ Хромова.

18) „Кто онъ". Историческій очеркъ С. Я. Монахова. Москва, 1906 г. Умѣло и литературно составленная брошюра, вкратцѣ излагающая главнѣйшія данныя изъ жизни старца. Авторъ пытается подойти къ раскрытію тайны Феодора Козьмича.

19) „Богородице-Алексіевскій мужской монастырь въ Томскѣ". „Кормчій", № 10, отъ 3 марта 1907 г.

20) „Изъ прошлаго". Легенда о кончинѣ Императора Александра Павловича. Небольшая брошюрка (8 страницъ), изданная извѣстнымъ почитателемъ покойнаго старца Елисѣемъ Захаровичемъ Захаровымъ въ 1897 году. Брошюрка эта представляетъ собою извлеченіе изъ извѣстнаго труда Н. К. Шильдера.

21) „Воспоминаніе о Л. Н. Толстомъ". Александръ I. Статья г. И. Тенеромо. „Огонекъ"—иллюстрированное приложеніе къ „Биржевымъ Вѣдомостямъ" № 17, отъ 15 мая 1905 г. Въ статьѣ излагается взглядъ гр. Л. Н. Толстого на одну изъ легендъ о кончинѣ Императора Александра Павловича.

22) „Огонекъ"—иллюстрированное приложеніе къ „Бирж. Вѣдомостямъ", № 14 отъ 2 іюля 1907 г. Статья „Разговоръ Императора Александра I съ Вел. Княземъ Николаемъ Павловичемъ". Здѣсь приводятся выдержки изъ книги А. Ф. Гримма „Русская Императрица Александра Феодоровна", касающіяся предполагаемаго отреченія Императора Александра Павловича отъ престола.

23) „Русскій Архивъ", августъ, 1907 г. Разборъ книги Великаго Князя Николая Михайловича, о которой упомянуто выше, (подъ № 13) составленный П. Бартеневымъ.

24) „Записки Василія Марковича Флоринскаго". („Русская Старина", 1906 г.). Въ интересныхъ запискахъ В. М. Флоринскаго, бывшаго долгое время Попечителемъ Западно-Сибирскаго округа, при-

водится не мало любопытныхъ данныхъ о таинственномъ старцѣ Феодорѣ Козьмичѣ.

25) Къ статьѣ „Одна изъ послѣднихъ легендъ“. Замѣтка г-на Д. Д. „Волга“, № 272, отъ 20 дек. 1907 г.

26) „Загадочный человѣкъ“. (Колоколъ, № 438, отъ 19 іюля 1907 г.). Перепечатка статьи г. Н. Л-аго, помѣщенной первоначально въ „Новомъ Времени“ и представляющей собою критическій разборъ вышеупомянутой книги Вел. Князя Николая Михайловича.

27) „Одна изъ послѣднихъ легендъ“, статья г. Д. Д. въ газетѣ „Волга“ отъ 25 іюля 1907 г.

28) „Замѣтка о скопцахъ“ („Восточное Обозрѣніе“ № 16 за 1893 г.). Здѣсь говорится объ отношеніи скопцовъ къ старцу Феодору Козьмичу.

29) Павелъ Россіевъ. „Живучая легенда“ („Историч. Вѣстникъ“, августъ, 1907 г.).

30) Павелъ Россіевъ. „Старецъ Феодоръ Козьмичъ“. („Историч. Вѣстникъ“, сентябрь, 1907 г.).

Кромѣ того я пользовался цѣлымъ рядомъ мелкихъ газетныхъ замѣтокъ, ссылки на которыя сдѣланы въ текстѣ. Не мнѣ, конечно, судить, на сколько полнымъ и удовлетворительнымъ оказался настоящій скромный трудъ. Но мнѣ хотѣлось бы покорнѣйше просить всѣхъ желающихъ указать на неточности и недостатки. Каждое замѣчаніе будетъ принято съ глубочайшею благодарностью. Съ такою же глубокой, искренней благодарностью будетъ принято каждое новое свѣдѣніе о таинственномъ сибирскомъ старцѣ Феодорѣ Козьмичѣ, сколь мелкимъ и незначительнымъ оно бы ни казалось.

I.

Какъ Феодоръ Козьмичъ попалъ въ Сибирь.

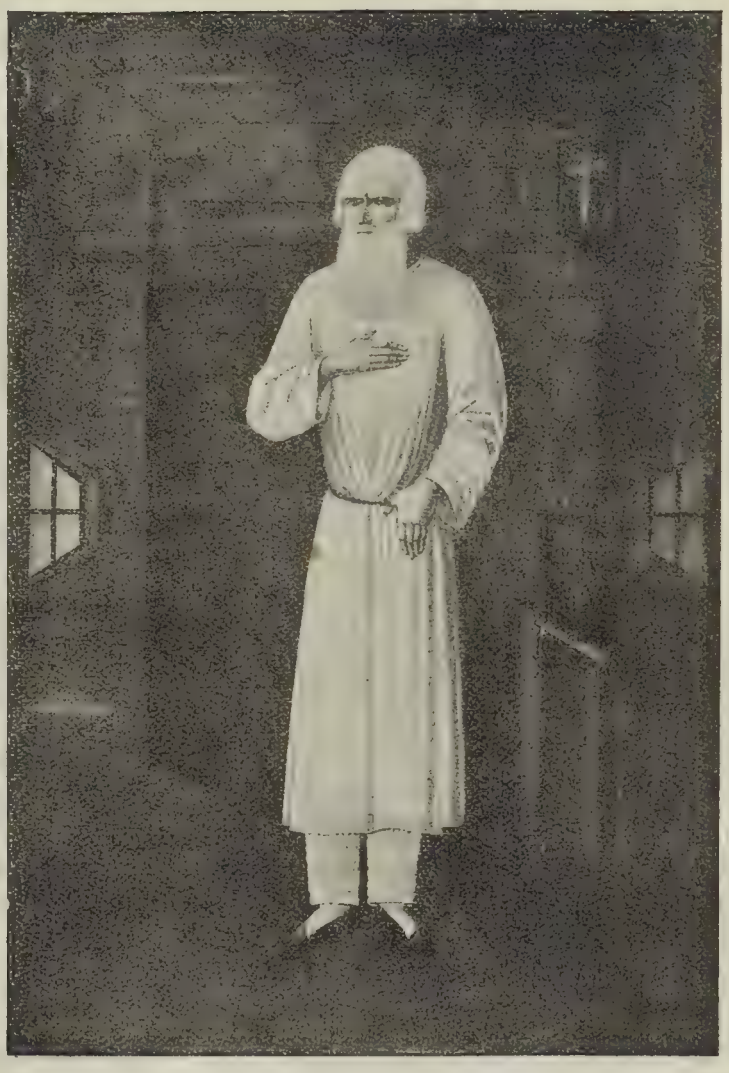
Это было ранней осенью 1836 года.

Къ одной изъ кузницъ близь г. Красноуфимска, Пермской губерніи, подъѣхалъ на очень хорошей, породистой лошади всадникъ, высокій, плечистый, красивый старикъ, по виду лѣтъ около 60-ти, одѣтый въ обыкновенный черный крестьянскій кафтанъ. Подковывая по его просьбѣ лошадь, кузнецъ обратилъ вниманіе на несовсѣмъ обычную наружность прибывшаго. Не смотря на то, что на немъ былъ надѣтъ простой крестьянскій костюмъ, онъ вовсе не походилъ на крестьянина ни своею наружностью, ни манерою говорить.

Ясно было видно, что это—человѣкъ не простой.

Кузнецъ началъ разспрашивать незнакомца, кто онъ такой, откуда и куда ѣдетъ, гдѣ пріобрѣлъ такую прекрасную лошадь... Но тотъ отвѣчалъ нехотя и настолько уклончиво, что возбудилъ подозрѣніе и у кузнеца, и у собравшагося около кузницы народа. Старикъ безъ всякаго съ его стороны сопротивленія былъ задержанъ и отправленъ въ городъ.

На допросѣ онъ назвалъ себя крестьяниномъ Феодоромъ Козьмичемъ, заявилъ, что лошадь принадлежитъ ему, но отъ дальнѣйшихъ показаній отказался, объявивъ себя бродягою, не помнящимъ родства. Вслѣдствіе этого старика посадили въ тюрьму, затѣмъ судили за бродяжество и приговорили къ ссылкѣ въ Сибирь, а, предварительно, къ двадцати ударамъ плетей.



Старецъ Феодоръ Козьмичъ.

Такъ разсказывается о появленіи въ Сибири старца Феодора Козьмича въ многочисленныхъ брошюрахъ, появившихся въ послѣднее время и посвященныхъ этой таинственной личности.

Существуетъ еще такой разсказъ, который, будтобы, самъ Феодоръ Кузьмичъ сообщалъ жителямъ селъ и деревень, въ которыхъ онъ жилъ.

Когда онъ скрылся изъ своего первоначальнаго мѣстопребыванія, то его стали розыскивать, и, поймавъ, представили начальству; но онъ, воспользовавшись какимъ то случаемъ, бѣжалъ. Странствуя по Россіи, онъ жилъ нѣкоторое время въ Москвѣ, у митрополита Филарета, при отбытіи отъ котораго получилъ благословеніе и совѣтъ скрыть свое настоящее происхожденіе и принять видъ скитающагося отшельника. Находясь съ двумя товарищами въ одномъ городѣ, онъ былъ признанъ за „великаго человѣка“, снова былъ взятъ со своими спутниками и посаженъ въ острогъ. Но такъ какъ начальство никакой вины ни за нимъ, ни за его товарищами не нашло, то и предложило имъ выйти на свободу. Спутники его согласились на это и были изъ тюрьмы выпущены, но Феодоръ Козьмичъ не согласился выйти и остался въ острогѣ. Объ этомъ дано было знать Императору Николаю Павловичу и по его распоряженію, будто-бы, въ тотъ городъ былъ секретно посланъ Великій Князь Михаилъ Павловичъ, который, по пріѣздѣ, отправился къ Феодору Козьмичу въ тюрьму и, разсердившись, по своему горячему нраву, хотѣлъ было строго наказать власти, но старецъ уговорилъ Великаго Князя оставить дѣло и просилъ только, чтобы его осудили въ Сибирь на поселеніе подъ именемъ Феодора Козьмича.

Такой разсказъ мы нашли въ брошюрѣ неизвѣстнаго автора, изданной въ г. Томскѣ [1]).

Подобный же разсказъ слышалъ отъ С. Ф. Хромова и нынѣ здравствующій настоятель Томскаго

[1]) „Старецъ Феодоръ Козьмичъ, въ 1837—1864 г.г.“. Кто былъ Феодоръ Козьмичъ. О жизни Феодора Козьмича въ Сибири. Томскъ. 1907 г. Цѣна 15 коп.

Богородице-Алексѣевскаго мужского монастыря о. Іона (Изосимовъ).

А вотъ что говорятъ оффиціальныя данныя:

Бывшій много лѣтъ управляющимъ тюменскимъ приказомъ о ссыльныхъ, покойный нынѣ дѣйствительный статскій совѣтникъ Рафаилъ Ивановичъ Кузовниковъ нашелъ въ архивѣ приказа слѣдующіе документы:

1) Предварительное увѣдомленіе Красноуфимскаго городничаго отъ 13 октября 1836 г. за № 1212 о высылкѣ въ Сибирь бродяги Феодора Козьмина Козьмина-же.

2) Рѣшеніе о немъ Красноуфимскаго уѣзднаго суда отъ 10 сентября того же года.

3) Статейный списокъ на этого ссыльнаго.

На основаніи этихъ документовъ, напечатанныхъ Р. И. Кузовниковымъ въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ [1]), представляется слѣдующая точная картина того, какъ попалъ въ Сибирь таинственный старецъ Феодоръ Козьмичъ.

4 сентября 1836 года въ кленовской волости, Красноуфимскаго уѣзда, Пермской губерніи, задержанъ проѣзжавшій на лошади, запряженной въ телѣгу, неизвѣстный человѣкъ, который при допросѣ въ Красноуфимскомъ земскомъ судѣ показалъ, что онъ—Феодоръ Козьминъ Козьминъ-же, 70 лѣтъ, неграмотенъ, исповѣданія греко-россійскаго, холостъ, непомнящій своего происхожденія съ младенчества своего, пропитывался у разныхъ людей, напослѣдокъ вознамѣрился отправиться въ Сибирь, но дорогой, въ Кленовской волости, крестьянами былъ задержанъ. По двукратному свидѣтельствованію Феодора Козьмина, произведенному въ Красноуфимскомъ земскомъ и уѣздномъ судахъ, у него оказались слѣдующія примѣты: роста—2 арш. $6^1/_2$ вершковъ, волосы на головѣ и бородѣ—свѣтло-русые съ просѣдью, носъ и ротъ посредственные, подбородокъ кругловатый, отъ рода имѣетъ не болѣе 65 лѣтъ, на спинѣ есть знаки наказанія кнутомъ или плетью.

[1]) Іюль, 1895 года, стр. 245—246.

Феодоръ Козьминъ былъ преданъ суду Красноуфимскаго уѣзднаго суда; 10 сентября дѣло о немъ было разобрано.

Сохранились разсказы о томъ, что необыкновенно величественная наружность, чарующее выраженіе лица, пріятное обхожденіе и манера говорить таинственнаго старца сразу выдавали его знатное происхожденіе. Это бросилось судьямъ въ глаза, необыкновенно расположило ихъ къ незнакомцу, вызвало всеобщее сочувствіе къ его судьбѣ. Но самыя усиленныя увѣщанія открыть свое званіе и этимъ спастись отъ кары остались тщетными: старецъ упорно продолжалъ называть себя бродягою.

На основаніи существовавшихъ въ то время законовъ, судъ присудилъ Феодора Козьмича за бродяжество къ наказанію, черезъ полицейскихъ служителей, двадцатью ударами плетей и къ отдачѣ въ солдаты, куда окажется годнымъ, а въ случаѣ негодности—къ отсылкѣ въ Херсонскую крѣпость, за неспособностью же къ работамъ—къ ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе. Приговоръ этотъ въ присутствіи уѣзднаго суда 3 октября 1836 года былъ объявленъ Феодору Козьмину, который приговоромъ остался доволенъ и довѣрилъ за себя росписаться мѣщанину Григорію Шпыневу. Затѣмъ означенное рѣшеніе уѣзднымъ судомъ было представлено на утвержденіе къ Пермскому губернатору. Послѣдній, возвративъ рѣшеніе, предписалъ, чтобы „бродяга“ Козьминъ, какъ имѣющій 65 лѣтъ отъ роду, а слѣдовательно неспособный ни къ военной службѣ, ни къ крѣпостнымъ работамъ, былъ сосланъ въ Сибирь на поселеніе.

Въ силу объявленнаго рѣшенія уѣзднаго суда и распоряженія Пермскаго губернатора, Феодоръ Козьминъ 12 октября 1836 года былъ наказанъ при посредствѣ полицейскихъ служителей двадцатью ударами плетьми, а на слѣдующій день отправленъ въ Сибирь подъ конвоемъ внутренней стражи.

Въ Тюмень Феодоръ Козьминъ доставленъ 7 декабря 1836 года въ 44-ой партіи, подъ № 117, 10 числа того же декабря назначенъ въ разрядъ неспо-

собныхъ въ Томскую губернію, куда и отправленъ 11 декабря 1836 г., въ 43-ей партіи.

Сохранились разсказы, что во время длиннаго слѣдованія этапнымъ порядкомъ по сибирскимъ дорогамъ Феодоръ Козьмичъ своимъ поведеніемъ, услужливою заботливостью о слабыхъ и больныхъ арестантахъ, теплыми бесѣдами и утѣшеніемъ расположилъ къ себѣ всю партію злосчастныхъ своихъ спутниковъ. Этапные офицеры и конвойные солдаты также оказывали ему особое уваженіе, охраняли его отъ непріятностей, отъ негодныхъ людей, на ночлегахъ отводили ему особое помѣщеніе, и старецъ во время пути ни въ чемъ не нуждался. Для него было даже сдѣлано особое исключеніе изъ существовавшихъ тогда правилъ пересылки ссыльныхъ: Феодоръ Козьмичъ не былъ скованъ, какъ прочіе арестанты.

Въ Томскѣ, мѣстной экспедиціей о ссыльныхъ, Феодоръ Козьмичъ былъ приписанъ къ деревнѣ Зерцаламъ, Боготольской волости, Ачинскаго (нынѣ Марінскаго) уѣзда, куда и прибылъ 26 марта 1837 года, вмѣстѣ съ партіей ссыльныхъ.

Настоятель Томскаго Алексѣевскаго монастыря о. Архимандритъ Іона отъ томскаго мѣщанина И. В. Зайкова слышалъ слѣдующій разсказъ, относящійся ко времени прибытія старца по этапу въ Томскъ.

Одна женщина страстно желала увидѣть Царя. И вотъ однажды она видитъ сонъ: является ей какой то неизвѣстный старецъ и говоритъ: „выйди завтра на Воскресенскую гору (часть г. Томска) и твое желаніе исполнится. Женщина вышла, куда ей было указано во снѣ, и видитъ, что приближается арестантская партія. Когда партія поравнялась съ ней, изъ среды партіи выдѣлился какой то нескованный, благообразнаго вида старикъ, подошелъ къ женщинѣ и тихо сказалъ ей:

— Ты хотѣла видѣть Царя,—смотри...

Это, будто-бы, былъ Феодоръ Козьмичъ.

Въ другихъ источникахъ мы не нашли подтвержденія изложеннаго разсказа и потому оставляемъ его на совѣсти разсказчика.

II.

Феодоръ Козьмичъ въ Сибири.

Итакъ, 26 марта 1837 года Феодоръ Козьмичъ прибылъ въ с. Зерцалы. Онъ тотчасъ же былъ помѣщенъ на существовавшій тогда казенный каторжный Краснорѣченскій винокуренный заводъ, въ 15 верстахъ отъ Зерцалъ и въ 2-хъ верстахъ отъ с. Краснорѣченскаго, Боготольской волости. Здѣсь онъ прожилъ около 5 лѣтъ, но не участвовалъ ни въ какихъ принудительныхъ работахъ. О жизни его на Краснорѣченскомъ заводѣ не сохранилось никакихъ болѣе или менѣе точныхъ и достовѣрныхъ свѣдѣній. По дошедшимъ до насъ разсказамъ, обходились съ нимъ очень хорошо, смотритель завода любилъ Феодора Козьмича и доставлялъ ему все необходимое, а прочіе служащіе и рабочіе-каторжники относились къ старцу съ особой заботливостью.

Около 1842 года одинъ изъ сосѣднихъ жителей, казакъ Семенъ Николаевичъ Сидоровъ, замѣтивъ у Феодора Козьмича желаніе удалиться куда нибудь подалѣе отъ народа, построилъ около своего дома въ станицѣ Бѣлоярской,—находящейся въ нѣсколькихъ верстахъ отъ с. Краснорѣченскаго въ сторону Ачинска,—небольшую келью-избушку и уговорилъ старца переселиться къ нему.

Пишущему эти строки въ октябрѣ 1907 года удалось осмотрѣть эту келію. Она помѣщается въ усадьбѣ племянника С. Н. Сидорова—Михаила Матвѣевича Сидорова,—на заднемъ, скотномъ дворѣ. Не легко было пробраться къ келіи черезъ груды навоза.

Кругомъ ходитъ скотъ, вездѣ отбросы, нечистоты. Самая келія представляетъ собою старую, полуразвалившуюся, съ двумя крошечными окнами, скорѣе отдушинами, избушку, состоящую изъ сѣней и небольшой комнатки. Въ послѣдней, налѣво отъ входа —печь съ лежанкой. На лежанкѣ простая широкая доска, обитая грубымъ холстомъ и служившая старцу постелью. Деревянный обтесанный чурбанъ замѣнялъ мѣсто подушки. По разсказу М. М. Сидорова, доска-постель старца сначала не была обита холстомъ и только во второе свое пребываніе въ ст. Бѣлоярской, Феодоръ Козьмичъ попросилъ обить ее: „тяжело тѣлу становится", — замѣтилъ онъ при этомъ... Правый уголъ занятъ иконами и небольшимъ столикомъ, надъ которымъ передъ иконами виситъ большая церковная, бѣлаго металла, лампада съ нѣсколькими восковыми свѣчами. Никакихъ вещей, принадлежавшихъ старцу, въ этой келіи не сохранилось.

Для предохраненія келіи отъ окончательнаго разрушенія въ самомъ близкомъ будущемъ, необходимо, какъ можно скорѣе, ремонтировать ее и соорудить надъ нею навѣсъ, хотя бы по образцу навѣса, построеннаго надъ томской келіею старца. Необходимо затѣмъ убрать отъ келіи скотный дворъ.

Хотѣлось бы, чтобы люди, чтущіе память великаго сибирскаго подвижника,—а такихъ не мало,— пришли на помощь и матеріально способствовали бы тому, чтобы былое мѣстопребываніе Феодора Козьмича было приведено въ подобающій сему мѣсту приличный видъ.

Въ домѣ, гдѣ въ настоящее время живетъ М. М. Сидоровъ, виситъ рядомъ прекрасный литографированный портретъ Императора Александра I и большого формата карточка Феодора Козьмича, съ слѣдующей надписью на оборотѣ:

„Великій рабъ Божій старецъ Феодоръ Козьмичъ, скончался 20 января 1864 года въ Томскѣ, въ келіи при домѣ купца Хромова. Тѣло его погребено въ Томскомъ Алексѣевскомъ монастырѣ. Здѣсь же былъ

изъ бродягъ, пришелъ въ Сибирь въ 1837 году въ 43-ей партіи".

Разсказываютъ, что во время пребыванія старца въ ст. Бѣлоярской, онъ однажды встрѣтилъ у Сидорова казака Березина, долгое время служившаго въ Петербургѣ. Березинъ призналъ, будто-бы, въ лицѣ Феодора Козьмича Императора Александра I. Феодоръ Козьмичъ тотчасъ же ушелъ къ себѣ и съ тѣхъ поръ старался менѣе показываться людямъ, а въ особенности лицамъ, жившимъ въ столицахъ.

— „Какъ же это могло случиться,—говорилъ Березинъ,—что я участвовалъ при похоронахъ Императора Александра Павловича, а между тѣмъ вижу его теперь живымъ"...

Отъ современника старца—престарѣлаго казака Антона Ивановича Черкашенина—авторъ настоящаго очерка лично слышалъ также слѣдующій разсказъ:

Когда старецъ жилъ въ Бѣломъ Яру, священникомъ здѣсь былъ о. Іоаннъ Александровскій (нынѣ покойный). О. Іоаннъ служилъ ранѣе въ Петербургѣ, гдѣ былъ военнымъ священникомъ, но затѣмъ въ наказаніе за какой то проступокъ былъ смѣщенъ съ должности и затѣмъ попалъ въ ст. Бѣлоярскую. Такъ этотъ то священникъ открыто говорилъ, что въ образѣ Феодора Козьмича онъ хорошо узналъ Императора Александра Павловича, котораго неоднократно видѣлъ, и ошибиться въ данномъ случаѣ не могъ...

Въ Бѣлоярской станицѣ Феодоръ Козьмичъ жилъ недолго. Крестьяне сосѣднихъ деревень на перебой начали заманивать къ себѣ старца, предлагая еще большія удобства, очевидно, съ разсчетомъ имѣть около себя свѣдущаго человѣка и добросовѣстнаго совѣтника. Просьбы эти, не давая покоя старцу, заставили его, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ жизни въ Бѣлоярской станицѣ, поселиться на мѣстѣ своей приписк и,въ с. Зерцалахъ. Здѣсь Феодоръ Козьмичъ, несмотря на приглашенія нѣсколькихъ зажиточныхъ крестьянъ, прожилъ цѣлую зиму въ избушкѣ бѣдняка-поселенца Ивана Ивановича Малыхъ, только что окончившаго срокъ каторжныхъ работъ, который, не

смотря на большую семью и крайнюю бѣдность, съ большимъ радушіемъ принялъ старца въ свою убогую хижину.

Замѣтивъ, что жизнь въ общей избѣ, видимо, тяготитъ старца, Малыхъ предложилъ крестьянамъ устроить ему отдѣльную келію гдѣ нибудь возлѣ деревни. Крестьяне охотно откликнулись на это предложеніе и общими силами, по указанію самого старца, сдѣлали ему келію изъ стараго овечьяго хлѣва.

Автору настоящаго очерка удалось посѣтить и эту келію. Ея состояніе еще печальнѣе, чѣмъ состояніе келіи въ с. Бѣлоярскомъ. Нижнія звенья подгнили, полы наполовину провалились, печь вотъ-вотъ разсыплется, не сегодня-завтра можетъ обрушиться и вся келія. Внутри—мерзость запустенія: никакого убранства, кромѣ иконы; грязь, пыль... Кругомъ—скотъ, навозъ, отбросы... Эта келія нуждается въ поддержкѣ еще болѣе, чѣмъ Бѣлоярская.

Въ этой келіи Феодоръ Козьмичъ прожилъ около десяти лѣтъ, хотя и не безъ перерывовъ. Онъ нерѣдко посѣщалъ сосѣднія деревни, часто гостилъ въ Бѣлоярской станицѣ, а однажды лѣтомъ ушелъ въ Енисейскую тайгу на золотые пріиски Попова и проработалъ на нихъ нѣсколько мѣсяцевъ въ качествѣ простого рабочаго. Поповскими пріисками управлялъ тогда извѣстный впослѣдствіи всей Сибири промышленникъ Асташевъ; онъ обратилъ на Феодора Козьмича особое вниманіе и всегда отзывался о немъ съ большимъ уваженіемъ.

Возможно, что въ этотъ періодъ времени старецъ прожилъ нѣкоторое время и въ г. Красноярскѣ.

Въ замѣткѣ Г. В. Долгорукова [1]) приведенъ такой случай:

Вспоминая однажды въ разговорѣ Красноярскъ и его начальство и будучи чѣмъ то недоволенъ, старецъ сказалъ Сидорову:

„Стоитъ только мнѣ гаркнуть слово въ Пе-

[1]) „Русская Старина", октябрь, 1887 г.

тербургъ, то весь Красноярскъ содрогнется отъ того, что будетъ".

Онъ произнесъ эту фразу, смотря прямо въ глаза Сидорову, такъ громко и строго, что тотъ весь задрожалъ.....

Въ одной изъ брошюръ, посвященныхъ Феодору Козьмичу, принадлежащей перу нѣкоего г. К. Г-ва [1]) —мы нашли одинъ эпизодъ изъ пребыванія Феодора Козьмича въ Красноярскѣ.

У насъ нѣтъ подтвержденій приводимаго ниже разсказа, многое въ немъ не вполнѣ соотвѣтствуетъ обычаямъ старца [2]), и мы помѣщаемъ разсказъ, не ручаясь за его достовѣрность, только ради полноты свѣдѣній, имѣющихся о таинственномъ сибирскомъ отшельникѣ.

Вотъ этотъ разсказъ.

Стоялъ трескучій сибирскій морозъ градусовъ въ 35.

Торжественный звонъ колоколовъ Красноярскаго Спасскаго собора, разносясь по морозному воздуху, сообщалъ жителямъ Красноярска о наступающемъ праздникѣ.

На этотъ призывъ толпами спѣшили горожане обоего пола, плотно закутанные, кто въ мѣховыя шубы, а кто въ простыя оленьи малицы.

Отъ самой ограды до дверей собора въ два ряда вытянулись нищіе, калѣки и убогіе.

Вдругъ вся эта нищая братія встрепенулась и, уже не обращая вниманія на прохожихъ, устремила свои взоры въ одну сторону.

— Идетъ, идетъ,—послышались возгласы.

Лица нищихъ оживились; они начали креститься.

Остановилась и толпа богомольцевъ, также обратившихъ вниманіе на приближающагося, страннаго по виду, человѣка.

---

[1]) „Сибирскій замѣчательный и загадочный старецъ Феодоръ Козьмичъ, умершій въ Томскѣ 20 января 1864 года, и о томъ, какъ жили въ Сибири русскіе люди въ его время". Очеркъ К. Г-ва. Изданіе книгопродавца А. А. Холмушкина. С.-Петербургъ, 1905 г.

[2]) Послѣдній, напримѣръ, никогда не ходилъ босикомъ, а зимой всегда носилъ лосиную доху.

То былъ высокій старикъ, съ длинною сѣдой бородой, одѣтый въ холщевую рубаху, тиковые шаровары и босой, т. е. въ костюмѣ, совсѣмъ не соотвѣтствующемъ царившему холоду.

Съ перваго взгляда, лицо его съ крупными чертами казалось суровымъ; но при взглядѣ на его свѣтлые кроткіе голубые глаза, оно казалось чрезвычайно симпатичнымъ.

Въ рукѣ его былъ простой деревянный посохъ, за спиною—мѣшокъ, куда добрые люди клали свое подаяніе. Самъ же этотъ диковинный старикъ ни у кого ничего не просилъ и руками не принималъ. Жертвователи сами клали въ суму деньги и хлѣбъ и т. п.

Онъ шелъ быстро, дѣлая большіе шаги своими красными отъ холода ногами такъ же спокойно, какъ и слѣдовавшая за нимъ толпа людей, одѣтыхъ въ теплыя шубы, лисьи салопы и оленьи дохи.

Этотъ старецъ появился въ Красноярскѣ совершенно неожиданно.

Первымъ его увидалъ ночной сторожъ, или, какъ тогда называли, будочникъ.

Стоя около своей будки противъ собора, онъ замѣтилъ у ограды неподвижно стоявшаго человѣка, босого, съ непокрытой головой, устремившаго неподвижный взоръ на икону Спасителя, помѣщенную надъ притворомъ.

Былъ такой свирѣпый морозъ, что будочнику, одѣтому въ теплый тулупъ и валенки, было холодно, а тутъ вдругъ появился человѣкъ, одѣтый совсѣмъ не по сезону.

— Должно быть закоченѣлъ,—подумалъ будочникъ, глядя на неподвижную фигуру невѣдомаго старца, и подошелъ къ нему.

— Ей, почтенный,—сказалъ онъ, взявъ незнакомца за рукавъ рубахи,—пойдемъ въ часть: тамъ тебя накормятъ и обогрѣютъ.

Старецъ медленно повернулъ къ будочнику свою голову, обдалъ его какимъ то особеннымъ взглядомъ и тихо промолвилъ:

— Оставь меня, я молюсь...

Будочникъ даже отшатнулся,—настолько сильное впечатлѣніе произвелъ на него взглядъ этихъ кроткихъ голубыхъ глазъ.

Въ это самое время мимо проѣзжалъ кто то изъ начальствующихъ лицъ.

Увидя босого старика, съ непокрытой головой и въ одной рубахѣ, при такомъ трескучемъ морозѣ, онъ остановилъ кучера и приказалъ отправить незнакомца въ часть.

Солдатъ нерѣшительными шагами приблизился къ нищему, вокругъ котораго начала уже собираться толпа. Всѣ съ изумленіемъ смотрѣли на старца, удивляясь, какъ можетъ человѣкъ стоять въ такомъ видѣ въ такой сильный морозъ.

Тотъ, не обращая ни на что вниманія, кончилъ свою молитву, сдѣлалъ земной поклонъ и, взявъ свою палку, бодро пошелъ дальше. Толпа, возрастая на пути все больше и больше, послѣдовала за нимъ. Казалось какая то особенная сила влекла этихъ людей. Всѣ шли за нимъ молча, какъ бы боясь обезпокоить невѣдомаго старца вопросомъ, кто онъ, откуда и куда идетъ. Многіе клали ему въ суму милостыню, чего, казалось, старецъ даже не замѣчалъ.

Но вдругъ всѣ остановились въ изумленіи.

Шедшій впереди ихъ старецъ вдругъ исчезъ, внезапно сдѣлавшись невидимымъ.

Объ этомъ необычайномъ случаѣ заговорилъ весь городъ и въ особенности, конечно, люди, слѣдовавшіе за старцемъ и бывшіе очевидцами чудеснаго исчезновенія. Они почувствовали какое то особое влеченіе къ таинственному незнакомцу и, когда онъ исчезъ на ихъ глазахъ, всѣмъ показалось, будто они потеряли что то очень близкое, дорогое. Многіе говорили, что ничего не пожалѣли бы, чтобы только вновь увидать дивнаго старца.

И желаніе это исполнилось.

На другой день ровно въ тотъ же часъ и на томъ же мѣстѣ у собора снова появился загадочный старецъ.

На этотъ разъ и будочникъ не только не рѣшился его безпокоить, но, наоборотъ, смотрѣлъ на него со страхомъ и уваженіемъ.

— „Это святой человѣкъ“,—рѣшилъ онъ про себя.

Такъ рѣшили и остальные жители Красноярска и спѣшили къ нему со всѣхъ сторонъ. Всѣ видѣли, какъ этотъ странный нищій, почувствовавъ, что его сума становится полной отъ пожертвованій, снималъ ее и, становясь въ группу окружившихъ его нищихъ и убогихъ, начиналъ раздавать все, что тамъ было: деньги, хлѣбъ, вещи,—говоря:

— Берите, православные, это вѣдь не мое... Вонъ сколько наложили добрые люди.

И раздавъ все до послѣдняго гроша, до послѣдняго куска хлѣба, онъ надѣвалъ на себя опустѣвшую суму и вновь принимался за молитву...

И вотъ мы видимъ его у собора въ праздничный день, когда стеченіе народа особенно велико.

Какъ и всегда, онъ вошелъ въ ограду, помолился и, снявъ съ плечъ суму, сталъ раздавать нищимъ все ея содержимое, а затѣмъ направился къ церковнымъ дверямъ и началъ слушать литургію. Несмотря на большое стеченіе народа, всѣ держали себя такъ, чтобы не мѣшать старцу молиться. Кончилась обѣдня. Народъ хлынулъ изъ церкви. Вышелъ и старецъ. Онъ шелъ окруженный толпою и сопутствуемый восклицаніями благодарности со стороны щедро одаренной нищей братіи, какъ вдругъ лицомъ къ лицу встрѣтился съ богато одѣтымъ и важнаго вида господиномъ.

Увидя старца, онъ пристально взглянулъ на него, причемъ на его лицѣ выразилось крайнее изумленіе.

— Что это такое?—воскликнулъ онъ въ ужасѣ. —Кого я вижу?.. Вы-ли это?..

Онъ взялъ смутившагося старца за руки и увлекъ его за собою.

— Да вы ли это?—повторилъ снова господинъ.

— Да, это—я,—отвѣчалъ старецъ, смотря на него своими ясными и добрыми глазами.—Но, чему ты удивляешься?.. Развѣ я сдѣлалъ что либо дурное?

— Нѣтъ, не то... Но, вѣдь какая страшная въ васъ перемѣна. Объясните мнѣ, ради Бога, что все это значитъ?..

— Это значитъ то, что я пожелалъ странствовать по свѣту Божію, къ чему и приготовился.

— Да, приготовились: это я вижу. Но на что вы стали похожи... Исхудали, посѣдѣли, сгорбились... Краше въ гробъ кладутъ.

— Да развѣ въ одной плоти вся наша сила и красота?—возразилъ старецъ.—Не знаю, что ты особеннаго во мнѣ находишь, но, прямо говорю, что только теперь я чувствую въ себѣ бодрость духа, силу и крѣпость.

Онъ немного подумалъ и затѣмъ промолвилъ:

— Завтра я иду въ дальній путь.

— Въ такіе морозы, босой и неодѣтый?...

— Я сюда прибылъ безъ копейки денегъ, безъ куска хлѣба,—задумчиво продолжалъ старецъ,—но, видишь, сума все наполняется. Но это мнѣ не нужно и я все раздаю братьямъ.

— Вотъ что,—прервалъ вдругъ рѣшительно господинъ.—Это такъ продолжаться не можетъ. Я раскрою ваше настоящее имя и тогда...

Старецъ выпрямился и грозно взглянулъ на собесѣдника.

— Тише, ни слова,—сказалъ онъ такимъ тономъ, что господинъ отступилъ на шагъ назадъ.—Увѣряю тебя, что я никогда не былъ такъ счастливъ и богатъ, какъ въ настоящую минуту. Вспомни хорошенько, одѣлялъ ли я въ свое время такъ щедро нищихъ и убогихъ, какъ одѣляю теперь? Взгляни на этотъ мѣшокъ: мало ли въ немъ накопилось хлѣба и денегъ за тотъ короткій промежутокъ, пока я шелъ изъ храма?

Старецъ торжествующе похлопалъ ладонью по сумѣ, въ которой раздалось бренчанье монетъ.

— И все это я могу отдать калѣкамъ и убогимъ: это ли не благодать Господня? А былъ ли я когда такъ свободенъ, какъ сейчасъ. Могъ ли я тогда ходить босой по снѣгу въ какой угодно морозъ. Развѣ это не признакъ закаленнаго здоровья?

— Ахъ не говорите,—воскликнулъ господинъ.— Но, откуда у васъ эти высохшія руки, эти ссадины?..

— Что же тутъ особеннаго,—добродушно улыбнулся старецъ.—Вотъ уже около года я хожу такъ, какъ ты видишь, не имѣю ни дома, ни пристанища, ровно ничего. Знай, что изнѣженное въ роскоши наше тѣло убиваетъ нашъ духъ... А что ты считаешь важнѣе: тѣло или душу?

Собесѣдникъ печально поникъ головою и не отвѣтилъ ничего.

— Нѣтъ,—продолжалъ старецъ,—оставь меня тѣмъ, каковъ я теперь, потому что было время, когда я служилъ людямъ и вмѣстѣ съ тѣмъ заботился больше о своемъ тѣлѣ, имѣя въ пренебреженіи душу свою. А теперь насталъ и мой чередъ. Пора пренебречь тѣломъ и позаботиться о болѣе важномъ. Не много уже мнѣ остается жить на свѣтѣ. Прощай... Объ одномъ прошу: забудь о нашей встрѣчѣ. Я давно уже умеръ для людей и живу духовно.

Старецъ поклонился и отошелъ къ ожидавшей его толпѣ.

— Батюшка, Федоръ Кузьмичъ,—воскликнулъ какой то казакъ, бросившись ему на встрѣчу.—Не чаялъ я встрѣтить тебя здѣсь.

А знатный господинъ долго смотрѣлъ въ слѣдъ странному старцу и крупныя слезы катились изъ его глазъ.

Въ тотъ же день онъ поспѣшилъ выѣхать въ Петербургъ.

Вѣроятнѣе всего, что приведенный разсказъ ни что иное, какъ плодъ народной фантазіи. Но онъ представляетъ извѣстную цѣнность, какъ характеристика старца съ народной точки зрѣнія и, какъ лишняя подробность изъ жизни интересующей насъ таинственной личности. Потому мы и сочли нужнымъ привести его въ нашемъ очеркѣ.

Но, обратимся къ дальнѣйшему изложенію подробностей жизни Феодора Козьмича въ Сибири.

По возвращеніи изъ пріисковъ, старецъ окончательно поселился въ своей кельѣ въ Зерцалахъ и

прожилъ здѣсь около 6 лѣтъ, посѣщая время отъ времени сосѣднія села и деревни.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1907 г. авторъ настоящаго очерка спеціально ѣздилъ въ село Зерцалы съ цѣлью отъ современниковъ Феодора Козьмича разузнать подробности объ его пребываніи въ этомъ селѣ. Изъ лицъ, хорошо знавшихъ и помнящихъ старца, мнѣ удалось разыскать только 70-ти-лѣтнюю старушку Марію Петровну Меньшикову, которая услуживала старцу. Ничего новаго о немъ сообщить она не могла, если не считать ея разсказа о томъ, что каждую субботу Феодоръ Козьмичъ выходилъ за околицу, встрѣчалъ тамъ партію пересыльныхъ арестантовъ и щедро надѣлялъ ихъ милостыней.

Затѣмъ настоятель Зерцаловской церкви о. Георгій Бѣлоруссовъ разсказывалъ мнѣ, со словъ современника старца, крестьянина Семена Андреевича Митрофанова, что послѣднему хорошо врѣзалось въ память, какъ Феодоръ Козьмичъ неоднократно говаривалъ:

— „Да, панокъ, тяжело Государю царствовать. Министры все дѣло въ руки забрали“.

Пришлось еще побесѣдовать съ нѣсколькими Зерцаловскими стариками, но они говорили только, что старца видѣли, но никакихъ подробностей объ его жизни не помнятъ.

Въ 1849 году одинъ богатый и благочестивый краснорѣченскій крестьянинъ Иванъ Гавриловичъ Латышевъ, пользовавшійся всеобщимъ уваженіемъ и любовію за свою нравственную жизнь и доброту, устроилъ около своей пасѣки, верстахъ въ двухъ отъ с. Краснорѣченскаго, на живописномъ берегу р. Чулыма новую маленькую келейку и пригласилъ съ себѣ таинственнаго старца-отшельника.

Помѣщеніе Феодора Козьмича у Латышева состояло изъ тѣсной клѣтушки, въ которой была кровать, сдѣланная изъ двухъ досокъ, съ деревяннымъ брускомъ вмѣсто подушки, маленькій столикъ и двѣ-три скамейки. Въ переднемъ углу были помѣщены нѣсколько иконъ Спасителя и Божьей Матери, и маленькій образокъ Александра Невскаго. Стѣны этой

кельи были украшены картинками религіозно-нравственнаго содержанія; это были подарки многочисленныхъ почитателей Ѳеодора Козьмича, особенно странниковъ. Эти послѣдніе всегда считали долгомъ посѣтить знаменитаго старца и принести ему что нибудь въ даръ. Вотъ почему на стѣнахъ кельи Ѳеодора Козьмича красовались виды Іерусалима, Аѳона, многихъ русскихъ православныхъ монастырей и пр. Маленькій столикъ также почти весь былъ занятъ: на немъ стояло небольшое распятіе, художественно сдѣланное изъ слоновой кости, Кіево-Печерскій молитвенникъ и маленькая книжка подъ заглавіемъ „Семь словъ Спасителя“.

Во время пребыванія старца у Латышева его посѣтилъ однажды преосвященный Аѳанасій, епископъ Иркутскій. Отслуживъ въ лѣтней церкви божественную литургію, владыка, въ сопровожденіи причта, почетныхъ лицъ и множества крестьянъ, отправился къ кельѣ старца. Въ самую келью архіерей вошелъ одинъ и долго бесѣдовалъ съ Ѳеодоромъ Козьмичемъ, и, какъ передаютъ, усиленно просилъ его открыть свое происхожденіе, но старецъ наотрѣзъ отказался, заявивъ при этомъ, что на предпринятый имъ подвигъ онъ имѣетъ благословеніе Московскаго митрополита Филарета. Не рѣшаясь болѣе настаивать, владыка при прощаніи съ смиреннымъ старцемъ выразилъ ему знаки особаго уваженія.

Современница старца, старушка, извѣстная въ Томскѣ подъ именемъ Аринушки, разсказываетъ еще слѣдующія подробности о посѣщеніи Ѳеодора Козьмича преосвященнымъ Аѳанасіемъ, очевидно, въ другой разъ.

— „Когда я была еще молодой дѣвушкой, наше село Краснорѣченское посѣтилъ архіерей Аѳанасій. Мы, молодыя дѣвки, собрались около дома, гдѣ онъ остановился: любопытно было посмотрѣть архіерея, котораго раньше никогда не видали. Это было лѣтомъ. Окна были открыты и мы хорошо видѣли архіерея и слышали, что онъ говорилъ. Онъ сталъ распрашивать про старца Ѳеодора. Ему сказали, что онъ

живетъ на пасѣкѣ. Архіерей пожелалъ видѣться съ нимъ. Тотчасъ же запрягли въ телѣжку лошадь и поѣхали за старцемъ, а мы съ большимъ любопытствомъ стали смотрѣть въ окна въ ожиданіи Феодора Козьмича. Когда старецъ пріѣхалъ и вошелъ въ горницу, то подошелъ къ архіерею подъ благословеніе. Архіерей, преподавъ благословеніе, сталъ ходить съ нимъ по горницѣ. Долго они ходили и говорили между собою не понашенски (не по-русски). А мы тогда много дивились;

— „Кто такой нашъ старецъ, что ходитъ съ архіереемъ и говоритъ не понашенски".

Въ „Литературныхъ Приложеніяхъ" къ „Волжскому Вѣстнику" за 1899 г. есть статья, посвященная старцу, а въ ней имѣется указаніе, что Феодоръ Козьмичъ хорошо зналъ по-французски и неоднократно разговаривалъ на этомъ языкѣ съ пріѣзжающими къ нему особами.

Къ этому же времени относится и слѣдующій эпизодъ, разсказанный, между прочимъ, и Н. К. Шильдеромъ въ его прекрасной исторіи царствованія Императора Александра I.

Въ одной изъ сосѣднихъ съ селомъ Краснорѣченскимъ деревень жили двое ссыльныхъ, бывшихъ придворныхъ служителей. Одинъ изъ нихъ тяжко заболѣлъ и, не имѣя возможности самому отправиться къ Феодору Козьмичу, попросилъ своего товарища посѣтить старца и испросить исцѣленія. Товарищъ, при помощи одного человѣка, имѣвшаго доступъ къ Феодору Козьмичу, былъ принятъ послѣднимъ въ его келіи, а провожатый остался въ сѣняхъ. Посѣтитель, войдя въ келію, бросился въ ноги старцу и, стоя передъ нимъ на колѣняхъ, съ поникшей головой, съ невольнымъ страхомъ разсказалъ ему, въ чемъ было дѣло. Кончивъ, онъ чувствуетъ, что старецъ обѣими руками поднимаетъ его, и въ то же время онъ слышитъ и не вѣритъ ушамъ своимъ—чудный, кроткій, знакомый голосъ. Встаетъ, поднимаетъ голову—взглянулъ на старца—и съ крикомъ, какъ снопъ, безъ чувствъ повалился на полъ. Передъ нимъ стоялъ

и говорилъ въ лицѣ отшельника (какъ онъ утверждалъ), самъ Императоръ Александръ Павловичъ, со всѣмъ его наружнымъ обликомъ, но только старцемъ, съ сѣдой бородой. Феодоръ Козьмичъ отворилъ дверь и кротко сказалъ провожатому:

— „Возьмите и вынесите его бережно: онъ очнется и оправится, но скажите ему, чтобы онъ никому не говорилъ, что онъ видѣлъ и слышалъ. Больной же товарищъ его выздоровѣетъ".

Такъ, дѣйствительно, и случилось. Очнувшійся посѣтитель повѣдалъ, однако, провожатому и товарищу, что въ лицѣ старца онъ узналъ Императора Александра Павловича.

Съ этихъ поръ въ Сибири и распространилась народная молва о таинственномъ происхожденіи Феодора Козьмича.

Вообще, со времени пребыванія Феодора Козьмича у Латышева, личность старца начинаетъ привлекать къ себѣ всеобщее вниманіе, а таинственныя посѣщенія и внезапные пріѣзды къ нему какихъ то важныхъ господъ стали возбуждать любопытство въ окружающихъ и разнаго рода догадки относительно его происхожденія. Съ молвой росла и слава о немъ въ Сибири, и скоро не было нигдѣ тѣлесно или духовно страждущихъ или руководимыхъ благочестивыми чувствами людей, которые не старались бы посѣтить, видѣть и слышать во что бы то ни стало дивнаго старца. Во все время пребыванія Феодора Козьмича на пасѣкѣ у Латышева, въ періодъ времени съ 1849 по 1851 годъ, народъ цѣлыми толпами осаждалъ его со всевозможными просьбами. У одного заболѣетъ корова, у другого пропала лошадь, у третьяго приключилось еще какое нибудь несчастіе,—и старецъ съ большой охотой надѣлялъ каждаго своими совѣтами.

Замѣтивъ, что слухи о немъ распространяются все далѣе и далѣе, привлекая громадныя толпы всякаго люда, желавшаго часто изъ одного празднаго любопытства посмотрѣть удивительнаго старца, Феодоръ Козьмичъ однажды, не сказавшись никому, кромѣ Латышева, скрылся въ тайгу и, побродивши въ ней

нѣкоторое время, выбралъ себѣ около деревни Коробейниковой, расположенной верстахъ въ 10 отъ с. Краснорѣченскаго къ сѣверу, въ самой тайгѣ, удобное мѣсто и попросилъ Латышева перенести туда свою келью.

Мало по малу народъ узналъ, однако, новое, мѣстопребываніе своего любимаго старца и снова началъ осаждать его разными просьбами.

Ненаходя, очевидно, никакого другого исхода, а въ то же время нуждаясь въ соотвѣтствующемъ своимъ лѣтамъ покоѣ, Феодоръ Козьмичъ сталъ чаще запирать свою келію и впускать въ нее только нѣкоторыхъ, большинству же сталъ или вовсе отказывать въ пріемѣ или принималъ и разговаривалъ съ посѣтителями на улицѣ. Въ этотъ періодъ времени онъ иногда по цѣлымъ днямъ просиживалъ въ своей келіи и совершенно не показывался посѣтителямъ.

Ко времени пребыванія старца въ д. Коробейниковой относится слѣдующій эпизодъ, разсказанный старшею дочерью С. Ф. Хромова, Анною Семеновною Оконешниковой и приведенный въ статьѣ Великаго Князя Николая Михайловича: „Легенда о кончинѣ Императора Александра I въ Сибири въ образѣ старца Феодора Козьмича“.

— „Когда Феодоръ Козьмичъ,—разсказывала А. С. Оконешникова,—жилъ въ с. Коробейниковскомъ, то мы съ отцомъ (Хромовымъ) пріѣхали къ нему въ гости. Старецъ вышелъ къ намъ на крыльцо и сказалъ:

— „Подождите меня здѣсь: у меня гости“.

Мы отошли немного въ сторону отъ келіи и подождали у лѣсочка. Прошло около двухъ часовъ времени; наконецъ, изъ келіи, въ сопровожденіи Феодора Козьмича, выходятъ молодая барыня и офицеръ въ гусарской формѣ, высокаго роста, очень красивый и похожій на покойнаго Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича. Старецъ проводилъ ихъ довольно далеко и когда они прощались, мнѣ показалось, что гусаръ поцѣловалъ ему руку, чего Феодоръ Козьмичъ никому не позволялъ. Пока они не исчезли другъ у друга изъ виду, они все время другъ другу

кланялись. Проводивши гостей, Феодоръ Козьмичъ вернулся къ намъ съ сіяющимъ лицомъ и сказалъ моему отцу:

— Дѣды то меня какъ знали, отцы то меня какъ знали, дѣти какъ знали, а внуки и правнуки вотъ какимъ видятъ!

Проживши около Коробейниковой три года (1851—1854), онъ снова переѣхалъ въ с. Краснорѣченское, гдѣ Латышевъ устроилъ ему въ сторонѣ отъ дороги, въ самой горѣ, надъ обрывомъ, въ густомъ кустарникѣ, новую келейку. Эта келія была послѣднимъ обиталищемъ старца въ этой мѣстности. Онъ продолжалъ здѣсь вести затворническую жизнь и рѣже сталъ посѣщать сосѣднія деревни. Очевидно расшатанное здоровье не позволяло ему уже совершать отдаленныхъ прогулокъ и отнимало возможность работать физически. Окруженный истинными почитателями, старецъ, повидимому, тяготился пріобрѣтенною имъ популярностью и всячески старался укрываться отъ новыхъ посѣтителей.

Особеннымъ его расположеніемъ пользовались только немногіе. Такъ, изъ крестьянъ онъ болѣе другихъ любилъ бывшаго своего хозяина въ Зерцалахъ Ивана Ивановича Малыхъ, казака Семена Николаевича Сидорова, кр. дер. Коробейниковой Ивана Яковлевича Коробейникова, жену его Феклу Степановну и въ особенности маленькую дочь ихъ Феоктисту. Затѣмъ Ивана Гавриловича Латышева, сына его Архипа Ивановича, крестьянина Ачинскаго округа, деревни Мазули, Ивана Федотовича Ерлыкова, дочь его Марію Ивановну и маленькаго сына, котораго, между прочимъ, въ три мѣсяца выучилъ грамотѣ. Изъ высокопоставленныхъ лицъ въ это время лучшимъ его другомъ былъ преосвященный Иркутскій Афанасій, неоднократно пріѣзжавшій къ Феодору Козьмичу изъ Иркутска и останавливавшійся въ его келіи по нѣскольку дней сряду.

Но особенною, отеческою любовью и заботливостью окружалъ онъ одну молодую дѣвушку, дочь бѣднаго Краснорѣченскаго крестьянина Александру Никифо-

ровну, еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ проживавшую въ Томскѣ и хорошо извѣстную многимъ мѣстнымъ жителямъ подъ именемъ „майорши Федоровой“.

Въ виду того, что жизнь этой женщины, довольно тѣсно связанная съ жизнью старца Феодора Козьмича, сама по себѣ представляетъ извѣстный интересъ, мы нѣсколько остановимся на ея судьбѣ, пользуясь данными, изложенными въ интересной статьѣ М. Ф. Мельницкаго [1]). Нужно добавить, что Мельницкій писалъ со словъ самой А. Н. Федоровой.

Александра Никифоровна родилась въ 1827 году, въ селѣ Краснорѣченскомъ и, рано лишившись родителей, попала подъ покровительство мѣстнаго священника о. Поликарпа.

Находясь постоянно при церкви, подъ непосредственнымъ вліяніемъ священнослужителей, она скоро стала религіозной, а природный умъ, мягкое сердце и необыкновенная отзывчивость къ чужому горю съ самыхъ раннихъ лѣтъ заставили ее всецѣло отдаться служенію на пользу ближняго.

Ей было около 12 лѣтъ, когда она въ первый разъ увидала Феодора Козьмича. Толки объ его строгой, подвижнической жизни и чудодѣйственной силѣ, величественная фигура, общее уваженіе къ старцу невольно заставляли смотрѣть ее на него, какъ на нѣчто высокое, таинственное и недосягаемое. Мало по малу чувство это перешло въ слѣпое, безсознательное почитаніе, а дѣтское любопытство возбудило желаніе поближе познакомиться съ нимъ. Нерѣдко видѣла она Феодора Козьмича работавшимъ въ огородѣ, или окруженнаго толпою крестьянъ, внимательно слушавшихъ его поучительныя бесѣды, и каждый разъ непреодолимая сила влекла ее къ нему поближе: ей хотѣлось послушать этого добраго старика, сдѣлать ему какое нибудь удовольствіе, или просто поговорить и приласкаться къ нему, но братья ее не пускали, говоря:

---

[1]) „Старецъ Феодоръ Козьмичъ въ 1836—1864 гг.“ („Русская Старина“, январь 1892 года).

— „Нечего тебѣ безпокоить старца: онъ съ тобою и говорить не будетъ".

Проходя какъ то изъ лѣсу съ корзиночкою брусники мимо сосѣдняго огорода, она увидѣла въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя копающаго картофель старца и не утерпѣла... Быстро перепрыгнувъ черезъ изгородь, она подбѣжала къ нему и съ затаеннымъ сердечнымъ трепетомъ протянула къ старцу свою корзиночку со словами:

— Не хочешь ли, дѣдушка, ягодокъ?

Старецъ поднялъ голову, подошелъ къ дѣвочкѣ и въ добрыхъ глазахъ его показались слезы умиленія.

Онъ наклонился къ ней, взялъ обѣими руками ея головку и поцѣловалъ въ лобъ.

— Спасибо, миленькая... Развѣ ты не боишься приходить ко мнѣ: вѣдь тебя за это бранить будутъ...

— Пускай бранятъ, дѣдушка. Я васъ полюбила, ягодокъ принесла... Я давно хотѣла убѣжать къ вамъ, да все боялась,—говорила, ласкаясь къ нему, дѣвочка.

Старецъ опять поцѣловалъ ее въ лобикъ, приласкалъ и велѣлъ приходить къ жившимъ на заводѣ двумъ сосланнымъ старушкамъ Маріи и Марфѣ, у которыхъ онъ бывалъ довольно часто.

Однажды дѣвочка пригласила старца къ себѣ пить чай. Онъ согласился:

— „Пойду, пойду, панушка, къ тебѣ".

— „Отъ обѣдни,—разсказывала Александра Никифоровна,—я повела Феодора Козьмича къ себѣ.

Приходитъ онъ къ намъ и говоритъ:

— „Миръ въ вашемъ домѣ и благодать вашему дому".

Выпилъ два стакана чаю безъ молока, съ прикуской,—вафлями и заварными калачиками,— и все время, пока былъ у насъ, не присѣлъ ни на минуту. Выпивши чаю, онъ походилъ по комнатѣ.

Потомъ поставили мы на столъ пирогъ съ рыбой. Онъ закусилъ, не садясь, этого пирога и поблагодарилъ. Братъ просилъ его сѣсть, но старецъ отказался.

— „Не мнѣ,—говорилъ онъ,—на этакой мебели сидѣть; человѣкъ я грѣшный".

Потомъ, спустя немного времени, отправился домой, сказавъ на прощанье:

— Кабы вы знали, какой гость былъ у васъ... Грѣшника, а такъ уважаете. Кабы знали, какой грѣшникъ и разбойникъ былъ у васъ, такъ вы бы и въ домъ не приняли меня"...

Съ теченіемъ времени Александра Никифоровна окончательно привязалась къ доброму старцу и сдѣлалась первой его любимицей. Цѣлые дни проводила она у него, исполняя его порученія, сопровождая его во время прогулокъ, чинила ему платье и вообще всякими способами оказывала ему свое расположеніе.

Разсказы о жизни въ Россіи, о святыхъ мѣстахъ, о богатствахъ лавръ, о святыхъ подвижникахъ земли русской совершенно вскружили голову молодой дѣвушкѣ.

Феодоръ Козьмичъ зналъ всѣ монастыри и лавры, и разсказывалъ о нихъ съ такими подробностями, такъ увлекательно, что Александра Никифоровна порѣшила во чтобы то ни стало отправиться странствовать по Россіи. Братья и родственники ни за что не хотѣли отпускать ее изъ родной семьи и, чтобы измѣнить ея намѣренія, стали подыскивать ей подходящую партію. Настроенная религіозно, она наотрѣзъ отказалась отъ мысли о замужествѣ. Феодоръ Козьмичъ оказалъ ей въ этомъ отношеніи немалую поддержку.

— Погоди,—говорилъ онъ ей,—успѣешь еще выйти замужъ: тебѣ не годятся эти женихи. Ты, непремѣнно, выйдешь замужъ за какого нибудь офицера.

Дѣвушка, привыкшая безпрекословно повиноваться своему покровителю, еще болѣе утвердилась въ своихъ намѣреніяхъ и, воодушевляемая разсказами старца, однажды категорически заявила о своемъ неизмѣнномъ желаніи отправиться къ святымъ мѣстамъ на богомолье.

Въ это время Александрѣ Никифоровнѣ было уже 20 лѣтъ отъ роду.

Феодоръ Козьмичъ составилъ ей подробный планъ путешествія, отмѣтилъ монастыри, въ которыхъ она должна побывать во время своего странствованія,

указалъ на лицъ, гостепріимно принимающихъ странниковъ, надѣлилъ всевозможными совѣтами и благословилъ свою любимицу на дальнее странствованіе.

— Какъ бы мнѣ въ Россіи увидать Царя?—спрашивала Александра Никифоровна Феодора Козьмича, собираясь въ дорогу и распрашивая его о разныхъ высокопоставленныхъ лицахъ.

— А развѣ тебѣ хочется видѣть Царя?

— Какъ же, батюшка, не хочется. Всѣ говорятъ: Царь, Царь—а какой онъ изъ себя и не знаешь.

— Погоди,—задумчиво замѣтилъ ей на это старецъ,—можетъ быть и не одного Царя на своемъ вѣку увидать придется. Богъ дастъ, еще и разговаривать съ нимъ будешь и увидишь тогда, какіе Цари бываютъ.

Много пришлось Александрѣ Никифоровнѣ испытать разныхъ передрягъ и дорожныхъ приключеній, прежде чѣмъ она добралась наконецъ до Почаевскаго монастыря, гдѣ, по указанію Феодора Козьмича, должна была встрѣтить какую то „добрую и гостепріимную графиню".

Распросивъ кое-кого изъ мѣстныхъ жителей, бойкая дѣвушка очень скоро отыскала эту графиню и, заинтересовавъ ее своимъ грандіознымъ странствованіемъ въ такіе молодые годы, расположила къ себѣ добрую женщину.

Графиня эта, какъ оказалось впослѣдствіи, была жена извѣстнаго въ свое время благотворителя и богомольца графа Димитрія Ерофѣевича Остенъ-Сакена.

Проживши нѣсколько дней въ Почаевскомъ монастырѣ, Александра Никифоровна вмѣстѣ съ графинею Остенъ-Сакенъ отправилась въ Кременчугъ, гдѣ графъ Остенъ-Сакенъ жилъ въ это время со всѣмъ семействомъ и лѣчился отъ полученной имъ въ Венгріи раны.

Графъ и его семейство съ большимъ радушіемъ приняли молодую странницу и съ любопытствомъ разспрашивали ее о сибирской жизни; вскорѣ она пріобрѣла въ этомъ домѣ всеобщую любовь, и гостепріимные хозяева уговорили ее погостить у нихъ нѣ-

сколько мѣсяцевъ. Сибирскую гостью угощали, чѣмъ могли, и общество, собравшееся у графа, проводило время, слушая ея безхитростныя повѣствованія.

Въ это время, т. е. осенью 1849 года, въ Кременчугъ прибылъ Императоръ Николай Павловичъ и остановился въ домѣ Остенъ-Сакена.

Цѣлыя сутки провела Александра Никифоровна подъ одною кровлей со своимъ Царемъ при самомъ радушномъ его къ ней отношеніи. Государь, очевидно, заинтересовался молодой богомолкою и возможностью познакомиться, благодаря ея дѣтской наивности, съ жизненною обстановкой крестьянъ далекаго уголка своего государства и закидывалъ ее всякаго рода вопросами.

— И сколько у насъ попъ за свадьбы беретъ, и какъ себя дѣвушки ведутъ,—разсказывала Александра Никифоровна,—и чѣмъ народъ занимается, и что ѣстъ, и многое кое о чемъ разспрашивалъ, и все то я ему спроста поразсказывала, а они (т. е. Государь и Остенъ-Сакенъ) слушаютъ да смѣются.

— Вотъ,—говоритъ Государь Остенъ-Сакену,—какая у тебя смѣлая гостья пріѣхала.

— А чего же мнѣ, говорю, бояться: со мною Богъ, да, святыми молитвами, Великій старецъ Феодоръ Козьмичъ, а вы всѣ такіе добрые: ишь какъ меня угощаете.

Уѣзжая, Императоръ Николай Павловичъ приказалъ барону Остенъ-Сакену дать Александрѣ Никифоровнѣ записку-пропускъ, сказавъ ей:

— Если ты будешь въ Петербургѣ, заходи во дворецъ, покажи ту записку и нигдѣ тебя не задержатъ,—разсказала бы мнѣ о твоихъ странствованіяхъ. Если тебѣ въ чемъ будетъ нужда, обратись ко мнѣ: я тебя не забуду.

Записку Александра Никифоровна отъ Остенъ-Сакена получила, но надобности въ ней не представилось.

Проживъ около трехъ мѣсяцевъ въ домѣ графа Остенъ-Сакена, посѣтивъ затѣмъ нѣкоторые сосѣдніе

монастыри, Александра Никифоровна въ 1852 году возвратилась на родину.

Со слезами на глазахъ разсказывала о свиданіи съ ожидавшимъ ее съ нетерпѣніемъ старцемъ.

— Долго обнималъ меня Феодоръ Козьмичъ, прежде чѣмъ приступить ко мнѣ съ разспросами о моихъ странствованіяхъ, и все я разсказала ему: гдѣ была, что видѣла, съ кѣмъ разговаривала. Слушалъ онъ меня со вниманіемъ, обо всемъ разспрашивалъ подробно, а потомъ задумался.

— Смотрѣла я на него,—разсказывала дальше Александра Никифоровна,—да и говорю ему спроста:

— Батюшка, Феодоръ Козьмичъ, какъ вы на Императора Александра Павловича похожи...

— Какъ я это сказала, онъ весь въ лицѣ измѣнился, поднялся съ мѣста, брови нахмурилъ да строго такъ на меня:

— „А ты почемъ знаешь?.. Кто это тебя научилъ такъ сказать?“

— Я испугалась.

— Никто,—говорю,—это я такъ, спроста, сказала: я видѣла во весь ростъ портретъ Императора Александра Павловича у графа Остенъ-Сакена, мнѣ и пришло въ голову, что вы на него похожи и такъ же руку держите, какъ онъ.

— Ничего не сказалъ мнѣ на это старецъ, повернулся только и вышелъ въ другую комнату, и я замѣтила, какъ онъ рукавомъ своей рубашки обтеръ полившіяся изъ глазъ слезы.

Около 5 лѣтъ прожила затѣмъ Александра Никифоровна возлѣ старца, продолжая по прежнему окружать его нѣжною заботливостью.

Въ свою очередь и старецъ отдавалъ ей предпочтеніе передъ прочими, слѣдилъ за ней, какъ за родной дочерью, руководилъ всѣми ея поступками. Это было нѣчто въ родѣ идеальной любви убѣленнаго сѣдинами старца къ молодой, цвѣтущей, не запятнанной житейскими дрязгами дѣвушкѣ.

— Погоди, успѣешь еще выйти замужъ,—говорилъ онъ ей неоднократно, когда она сообщала ему

о безпрерывно повторявшихся предложеніяхъ со стороны деревенской молодежи.—За твою доброту Богъ не оставитъ тебя, и царь позаботится—наградитъ тебя за твое обо мнѣ попеченіе.

То же говорилъ онъ и ея братьямъ:

— Не трогайте ее: она не останется на вашей шеѣ и не будетъ нуждаться въ вашемъ хлѣбѣ; самъ царь наградитъ ее своею казною.

Въ концѣ 1857 года Феодоръ Козьмичъ снова вызываетъ въ ней желаніе отправиться на мѣста, гдѣ она можетъ встрѣтить особое гостепріимство и помощь, въ особенности упираетъ на то, чтобы она побывала въ Кіево-Печерской лаврѣ.

— Есть тамъ,—говорилъ ей старецъ,—такъ называемыя пещеры и живетъ въ этихъ пещерахъ великій подвижникъ—старецъ Парфеній и другой старецъ Афанасій. Одинъ живетъ въ Дальнихъ, другой —въ Ближнихъ пещерахъ. Отыщи ихъ тамъ непремѣнно, попроси ихъ помолиться за тебя, разскажи имъ о житьѣ своемъ. Въ особенности не забудь побывать у Парфенія. Если онъ спроситъ тебя, зачѣмъ ты пришла къ нему, скажи, что просить благословенія; ходила по святымъ мѣстамъ и пришла съ Красной рѣчки. Что бы онъ ни спрашивалъ тебя, говори чистую правду, потому что великій это подвижникъ и угодникъ Божій.

— А что, Сашенька,—вдругъ прервалъ старецъ,—меня ты не боишься?

— Что же мнѣ васъ бояться то, Феодоръ Козьмичъ, вѣдь вы ласковы ко мнѣ всегда были да и другихъ не обижаете...

— Это только теперь я съ тобой такой ласковый, а когда я былъ великимъ разбойникомъ, то ты, навѣрное, испугалась бы меня.

Въ тотъ разъ онъ много говорилъ о Петербургѣ, о царяхъ, о войнахъ, которыя такъ губятъ безвинный народъ.

Александра Никифоровна отправилась во второе странствованіе.

Всѣ, на кого указывалъ ей Феодоръ Козьмичъ, принимали ее съ особеннымъ гостепріимствомъ, указывали дальнѣйшій путь и безопасные пріюты и ограждали отъ разныхъ случайностей.

Въ Петербургѣ, благодаря содѣйствію какого-то генерала, ей пришлось проѣхаться на Валаамъ на одномъ пароходѣ съ покойною Императрицей Маріей Александровной, которая, узнавъ отъ своихъ фрейлинъ о томъ, что на пароходѣ находится молодая сибирячка, пригласила ее къ себѣ и долгое время разговаривала о Сибири.

Наконецъ, послѣ долгихъ странствованій, добралась она и до Кіева.

Отстоявъ утреню и обѣдню въ Лаврѣ, она отправилась въ скитъ и отыскала старца Парфенія.

Схимникъ встрѣтилъ ее очень сурово, но, узнавъ, откуда она, обласкалъ и благословилъ ее.

— Зачѣмъ тебѣ мое благословеніе,—замѣтилъ онъ, между прочимъ,—когда у васъ на Красной Рѣчкѣ есть великій подвижникъ и угодникъ Божій? Онъ будетъ столпомъ отъ земли до неба.

Послѣ этихъ словъ о. Парфеній долго разспрашивалъ Александру Никифоровну объ ея странствованіяхъ, намѣреніяхъ и жизни въ Сибири, а затѣмъ спросилъ, долго ли она думаетъ остаться въ Кіевѣ. Получивъ отвѣтъ, что хочется поскорѣе добраться до родины, старецъ Парфеній сказалъ ей:

— Нечего тебѣ дѣлать тамъ, въ Сибири, оставайся здѣсь, поговѣй у меня, а когда пріобщишься Св. Таинъ, я скажу тебѣ, куда отправиться.

Исполнивъ это приказаніе, Александра Никифоровна пришла къ нему за совѣтомъ.

— Если кто будетъ звать въ Почаевъ, то поѣзжай туда,—сказалъ о. Парфеній,—и приходи ко мнѣ: я благословлю тебя.

— Но, вѣдь я уже была тамъ,—замѣтила Александра Никифоровна.

— Все равно, поѣзжай.

Грустно сдѣлалось Александрѣ Никифоровнѣ,

всей душой стремившейся на родину къ дорогому старцу, но она не рѣшилась ослушаться.

На другой день долго и горячо молилась она за обѣднею, слезы такъ и лились изъ ея глазъ. Народъ уже выходилъ изъ церкви, когда она встала съ колѣнъ и оставила свою молитву. Смотритъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея стоитъ какой то пожилой офицеръ и пристально на нее смотритъ. Александрѣ Никифоровнѣ стало не ловко.

Вдругъ офицеръ обращается къ ней и спрашиваетъ:

— О чемъ вы такъ горько плакали?

— Не знаю, куда идти: хочется воротиться домой, а старецъ Парфеній совѣтуетъ отправиться въ Почаевъ.

— Поѣдемте вмѣстѣ въ Почаевъ, я тоже туда ѣду, а теперь пойдемте ко мнѣ чай кушать.

Александра Никифоровна еще больше растерялась.

— А вы семейный?—спрашиваетъ она въ замѣшательствѣ.

— Да, у меня большое семейство,—отвѣчалъ офицеръ.—Не бойтесь, у меня останавливаются разныя странницы, меня здѣсь всѣ знаютъ: я—маіоръ Федоровъ.

Войдя въ домъ маіора, она тотчасъ увидала все его семейство: это была цѣлая толпа разныхъ странницъ, странниковъ. Вся квартира представляла нѣчто вродѣ странноприимнаго дома. Здѣсь находили пріютъ и даровое угощеніе многіе богомольцы, и Александра Никифоровна почувствовала себя сразу, какъ у себя дома.

Маіоръ Федоровъ провелъ ее въ свои комнаты и позаботился угостить ее. Дня черезъ два они собрались ѣхать въ Почаевъ.

По прибытіи туда, Александра Никифоровна, по совѣту маіора, остановилась у двухъ знакомыхъ ему старушекъ.

На другой день послѣ обѣдни приходитъ монахъ и проситъ Александру Никифоровну пожаловать къ преосвященному Исидору [1]).

[1]) Экзархъ Грузіи, архіепископъ Тифлисскій,—иногда пріѣзжалъ въ Почаевъ и проживалъ тамъ по нѣскольку недѣль.

— Зачѣмъ я къ нему пойду, вѣдь преосвященный меня не знаетъ; не обманъ ли это какой?—подумала она, а потому и отказалась отъ приглашенія.

Черезъ нѣсколько времени монахъ вернулся и повторилъ просьбу преосвященнаго.

Тогда, скрѣпя сердце, и недоумѣвая, Александра Никифоровна отправилась къ нему.

Преосвященный тотчасъ же принялъ ее очень радушно, посадилъ за столъ, началъ угощать и въ то же время разспрашивалъ молодую странницу-богомолку.

— Какъ это вы не боитесь,—сказалъ онъ ей, между прочимъ,—въ такихъ молодыхъ годахъ пускаться въ такое далекое странствованіе? Мой совѣтъ —выходите-ка лучше замужъ, а я вамъ отыщу жениха хорошаго.

Нечего и говорить, какъ поразило такое предложеніе со стороны почтеннаго архипастыря набожную странницу.

Преосвященный позвонилъ и велѣлъ пригласить дожидавшагося у него въ кабинетѣ маіора Федорова.

— Вотъ,—сказалъ Преосвященный,—вы очень понравились маіору Федору Ивановичу, и онъ непремѣнно хочетъ просить вашей руки. Мой отеческій совѣтъ—не отказывайтесь.

Преосвященный Исидоръ отъ себя вытребовалъ изъ с. Краснорѣченскаго ея метрику, и Александра Никифоровна вышла замужъ за маіора Федора Ивановича Федорова.

Проживши въ Кіевѣ нѣсколько лѣтъ съ мужемъ, уже вышедшимъ въ отставку, она овдовѣла и, получивъ пожизненную пенсію въ 150 р. въ годъ, вернулась на родину, но не застала уже въ живыхъ старца Феодора Козьмича.

Часто она говаривала своимъ знакомымъ:

— Вотъ и сбылось предсказаніе старца Феодора Козьмича, который сулилъ мнѣ жениха-офицера и говорилъ:

— „Погоди, самъ Царь наградитъ тебя своею казною за твою доброту и попеченіе обо мнѣ“.

— Теперь я вдова, получаю пенсію и живу, какъ мнѣ хочется....

Въ 1857 году, какъ сообщаетъ неизвѣстный авторъ изданной въ Томскѣ въ 1907 году брошюры: „Старецъ Феодоръ Козьмичъ“, старецъ прожилъ нѣкоторое время въ д. Мазульской. По словамъ того же автора, крестьянкѣ этой деревни Ш. на вопросъ: изъ какого онъ сословія, отвѣтилъ, что „родные поминаютъ его за-упокой“. Отцу же этой крестьянки на тотъ же вопросъ сказалъ:

— Когда умру, тогда узнаютъ, кто я былъ, и, если обо мнѣ узнаютъ теперь, то жить здѣсь мнѣ не дадутъ, и не только въ Россіи будутъ знать, но и заграницей.

На вопросъ той же крестьянки, кто его родные, старецъ отвѣчалъ:

— „Я родился въ древахъ. Если бы эти древа на меня посмотрѣли, то безъ вѣтру вершинами покачали бы“.

Въ послѣдній годъ пребыванія Феодора Козьмича въ с. Краснорѣченскомъ пріѣзжала сюда изъ Красноярска погостить у какихъ то своихъ знакомыхъ очень богатая женщина, жена дѣйствительнаго статскаго совѣтника г-жа Куртукова, весьма набожная женщина. Увидя старца и побесѣдовавъ съ нимъ, она совершенно очаровалась его рѣчами и, во все время своего пребыванія въ с. Краснорѣченскомъ, не упускала ни одного случая увидѣть старца, побесѣдовать съ нимъ, оказать ему какую нибудь услугу. Уѣзжая, она предложила ему переѣхать въ Красноярскъ, обѣщая окружить лучшими удобствами, чѣмъ онъ пользуется, и снабжать всѣмъ необходимымъ. Однако старецъ Феодоръ Козьмичъ наотрѣзъ отказался и отъ переѣзда въ Красноярскъ и отъ какихъ бы то ни было вспомоществованій, и принялъ отъ нея только черный халатикъ изъ грубой матеріи, такъ какъ его старый халатъ износился до негодности, и носилъ этотъ халатикъ до самой своей смерти.

Въ это же, приблизительно, время сильное впечатлѣніе произвелъ старецъ на Красноярскаго священника Рачкова, который сразу, послѣ перваго разговора съ нимъ, призналъ его за великаго Божьяго угодника, обладавшаго необыкновенными познаніями, и на іеромонаха Израиля, прибывшаго съ Аѳона за

сборомъ податей, который, какъ передаютъ, вышелъ отъ Феодора Козьмича съ рыданіями и разсказывалъ потомъ, что, не смотря на его далекія и многолѣтнія странствованія, такого великаго человѣка ему приходится видѣть въ первый разъ въ жизни.

Въ 1852 году къ старцу пріѣхалъ томскій купецъ Семенъ Феофановичъ Хромовъ, который ранѣе много слышалъ о Феодорѣ Козьмичѣ, удивлялся его строгой подвижнической жизни и заочно глубоко уважалъ старца.

Въ своихъ запискахъ-воспоминаніяхъ С. Ф. Хромовъ излагаетъ подробно, какъ о своемъ первоначальномъ знакомствѣ съ Феодоромъ Козьмичемъ, такъ и объ его жизни въ его домѣ.

— „Въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1852 г.—пишетъ С. Ф. Хромовъ,—проѣзжая с. Краснорѣченское, я захотѣлъ увидѣть старца Феодора Козьмича, о которомъ мнѣ много говорилъ афонскій инокъ Парфеній, бывшій впослѣдствіи игуменомъ Гуслицкаго монастыря.

Старецъ жилъ въ то время на пасѣкѣ у Латышева.

Это было мое первое свиданіе со старцемъ. Пришедши въ келью, я тихо сотворилъ молитву Іисусову и вошелъ, такъ какъ дверь не была заперта. Вошедши въ келью, я помолился Богу и увидѣлъ сѣдинами украшеннаго старца. Поздоровался съ нимъ. Первый вопросъ его былъ:

— „Откуда, честь ваша?“

Я объяснился. Затѣмъ онъ спросилъ:

— „Куда ѣдете?“

Я отвѣтилъ, что ѣду въ Енисейскъ по дѣламъ золотопромышленности.

— Охота тебѣ заниматься этимъ промысломъ, и безъ него Богъ питаетъ тебя!—замѣтилъ старецъ—и началъ дѣлать мнѣ наставленіе, какъ слѣдуетъ жить каждому христіанину, не заботиться о насущномъ хлѣбѣ, а болѣе думать о будущей жизни.

— И, пока владѣешь пріисками,—заключилъ Феодоръ Козьмичъ,—не обирай рабочихъ.

Хромову очень полюбился дивный старецъ, и онъ всякій разъ, какъ бывалъ въ той мѣстности, считалъ своею священною обязанностью повидать Феодора Козьмича и послушать его наставленій.

Между прочимъ, старецъ почти при всякомъ посѣщеніи его Хромовымъ, совѣтовалъ ему не развивать золотопромышленнаго дѣла:

— „Съ тебѣ довольно, сытъ будешь“.

И при этомъ всегда настойчиво требовалъ, чтобы въ воскресные дни работа на пріискахъ не производилась.

— „Эта работа,—говорилъ старецъ,—отнимаетъ все полезное, а работа въ воскресные дни—великій грѣхъ“.

Съ теченіемъ времени Хромовъ все болѣе и болѣе привязывался къ старцу, и неотвязчивая мысль засѣла въ его головѣ: уговорить старца переселиться къ нему въ Томскъ на постоянное жительство.

Онъ не разъ заводилъ объ этомъ рѣчь съ Феодоромъ Козьмичемъ и тотъ говорилъ:

— „Впослѣдствіи буду жить у васъ въ Томскѣ“.

— „Когда же, батюшка?“

— „Когда—на то будетъ воля Божья“.

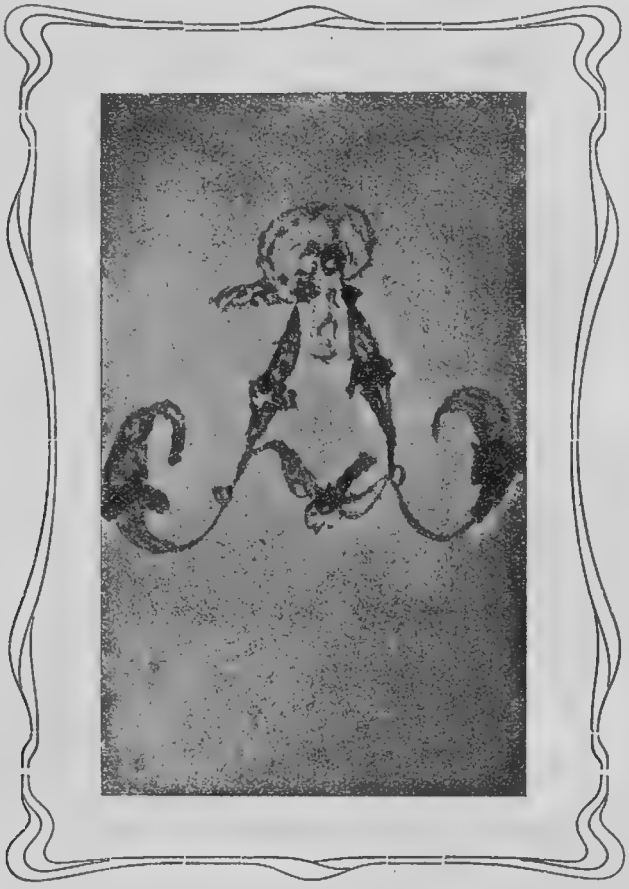
Съ мыслью перевести старца къ себѣ Хромовъ никогда не разставался, повѣдалъ ее своей женѣ, и они порѣшили выстроить на своей заимкѣ, что въ 4-хъ верстахъ отъ Томска, отдѣльную келью, гдѣ старцу было бы покойно и уютно.

Радостный для С. Ф. Хромова день насталъ: старецъ Феодоръ Козьмичъ внялъ, наконецъ, просьбамъ Хромова и 31 октября 1858 г. переѣхалъ на жительство въ Томскъ, гдѣ сначала проживалъ въ городскомъ домѣ Хромова (по Монастырской улицѣ, нынѣ д. Чистякова), въ мезонинѣ, а затѣмъ поперемѣнно въ келіяхъ, построенныхъ ему, какъ при означенномъ домѣ въ садикѣ, такъ и на вышеупомянутой заимкѣ въ 4-хъ верстахъ отъ города.

Передаютъ, что Феодоръ Козьмичъ еще въ 1837 г., вскорѣ послѣ своего прибытія на мѣсто поселенія, говорилъ нѣкоторымъ, что онъ будетъ жить впослѣдствіи въ Томскѣ у купца Хромова, между тѣмъ Хромова старецъ въ то время не зналъ и познакомился съ нимъ, какъ сказано выше, лишь въ 1852 г.

Оставляя мѣста, гдѣ онъ прожилъ столько лѣтъ, Феодоръ Козьмичъ перенесъ изъ своей кельи въ часовню села Зерцалы образъ Печерской Божьей Матери и Евангеліе.

Въ день отъѣзда онъ пригласилъ нѣсколькихъ крестьянъ въ часовню, отслужилъ молебенъ и, по его окончаніи, поставилъ въ часовнѣ раскрашенный разными красками вензель, изображающій букву „А“ съ короною надъ нею и летающимъ голубкомъ вмѣсто перечерка.



— „Храните этотъ вензель пуще своего глаза“, сказалъ старецъ при этомъ зерцаловскимъ крестьянамъ.

И буква эта до сихъ поръ хранится въ часовнѣ, помѣщаясь за поставленнымъ Феодоромъ Козьмичемъ образомъ Печерской Божьей матери.

Пишущему эти строки во время посѣщенія имъ въ Ачинскомъ и Маріинскомъ уѣздахъ мѣстъ, гдѣ жилъ старецъ, удалось, благодаря любезному содѣй-

ствію настоятеля церкви въ с. Зерцалахъ о. Георгія Бѣлоруссова, подробно осмотрѣть икону и вензель, оставленные старцемъ.

Икона Печерской Божьей Матери съ чудесами, стариннаго, довольно хорошаго письма, размѣромъ около полуаршина въ квадратѣ, сохранилась прекрасно. Икона помѣщена въ простой деревянный кіотъ, внутри отдѣланный золотымъ позументомъ. За стекломъ хранится самый вензель.

Вензель нарисованъ карандашемъ на простой писчей бумагѣ, пожелтѣвшей отъ времени, и раскрашенъ зеленовато-голубой и желтой красками. Онъ представляетъ собою букву „А“ съ изображеніемъ короны наверху и летающимъ голубкомъ на мѣстѣ горизонтальной перемычки.

Икона и вензель тщательно хранятся въ алтарѣ Зерцаловской церкви.

Въ Томскѣ старецъ Феодоръ Козьмичъ прожилъ до самой своей кончины, и только незадолго передъ смертью, уже больной, на короткое время вновь посѣтилъ с. Бѣлоярское.

Образъ жизни старца Феодора Козьмича.

Какой же образъ жизни велъ этотъ таинственный добровольный отшельникъ въ холодной непріютной Сибири?

Частная жизнь Феодора Козьмича,—какъ передаютъ хорошо знавшіе его люди, и, главнымъ образомъ, С. Ф. Хромовъ, отличалась особой строгостью. правильностью и воздержанностью. Обстановка всѣхъ его маленькихъ келій указывала на крайнюю неприхотливость хозяина. Мы уже описывали обстановку келіи на пасѣкѣ Латышева. Такова же была, приблизительно, обстановка и прочихъ келій, въ которыхъ онъ жилъ въ разное время [1]).

Не меньшею простотой, чѣмъ вся обстановка жизни этого таинственнаго отшельника, бросалась въ глаза его одежда.

Лѣтомъ онъ ходилъ въ одной бѣлой длинной рубашкѣ изъ деревенскаго холста (только въ двухъ экземплярахъ), подпоясанный тоненькимъ ремешкомъ или веревкою, такихъ же шароварахъ, а зимою надѣвалъ сверхъ рубахи длинный темно-синій халатъ или старую вылинявшую сибирскую доху (шуба мѣхомъ наружу), когда выходилъ на холодъ. На ногахъ носилъ обыкновенные бумажные, по зимамъ теплые, чулки и простыя кожаныя туфли.

Несмотря на такой незначительный гардеробъ, одежда на немъ была постоянно чистая; вообще старецъ былъ чрезвычайно аккуратенъ; держалъ себя

---

[1]) Подробности мы сообщимъ еще въ главѣ „Описаніе рисунковъ“.

и свою келію въ неподражаемой чистотѣ и не выносилъ никакого безпорядка.

Въ одной изъ брошюръ, посвященныхъ Феодору Козьмичу, („Кто онъ?“ Историческій очеркъ Е. Я. Монахова. Москва, 1906 г.) сказано, что его обувь составляли металлическіе башмаки, которые замѣняли собою вериги. Въ настоящее время, по словамъ г. Монахова, башмаки эти хранятся въ Томскомъ Богородице-Алексѣевскомъ монастырѣ, гдѣ ихъ удалось ему видѣть. Вѣсъ ихъ около 14 фунтовъ, на пяткахъ—сильно стерты.

Это совершенно неточно.

Намъ приходилось говорить по этому поводу съ настоятелемъ Алексѣевскаго монастыря, о. архимандритомъ Іоною и оказалось, что въ монастырѣ, дѣйствительно, хранятся подобные ботинки, но принадлежатъ они вовсе не старцу Феодору Козьмичу, а нѣкоему юродивому Константину, нашедшему пріютъ въ монастырѣ, скончавшемуся тамъ же нѣсколько лѣтъ тому назадъ и погребенному на монастырскомъ кладбищѣ рядомъ съ могилою Феодора Козьмича.

Но, вернемся къ послѣднему.

Несмотря на убогую одежду, его царственная осанка и удивительная внѣшность не исчезала за рубищемъ бѣдняка-простолюдина.

По описаніямъ архимандритовъ Алексѣевскаго монастыря, о.о. Виктора и Лазаря, С. Ф. Хромова и другихъ современниковъ старца, можно сдѣлать приблизительно слѣдующее описаніе его наружности:

Онъ былъ высокаго роста (2 аршина, 9—10 вершковъ), плечи высокія, статный; внѣшность величественная, лицо замѣчательно красивое, симпатичное, бѣлое, хотя старецъ, говорятъ, никогда не умывался (по крайней мѣрѣ, никто не видѣлъ этого). Глаза голубые, волосы на головѣ кудрявые (на карточкѣ они изображены невѣрно), борода длинная, немного вьющаяся, совершенно сѣдая. По словамъ архимандрита Лазаря, видѣвшаго старца въ 1862 году, волосы на его головѣ уже покрылись легкою желтизной—признакъ глубокой старости. Рѣчь тихая, но внушитель-

ная, образная. Иногда онъ казался строгимъ, повелительнымъ, но это бывало очень рѣдко; вообще характеръ его былъ добрый и мягкій, лишь немного вспыльчивый.

Передаютъ, что старецъ отличался большой физической силой.

Во время посѣщенія мною мѣстъ, гдѣ жилъ старецъ, въ Ачинскомъ и Маріинскомъ уѣздахъ, старики, знавшіе лично Феодора Козьмича, разсказывали, что онъ одинъ на вилы поднималъ цѣлую копну сѣна. Вдвоемъ съ проживавшимъ въ Зерцалахъ отшельникомъ, старцемъ Даніиломъ, они поднимали при плотничьихъ работахъ, которыми любилъ заниматься Даніилъ, 12-ти вершковыя большія бревна.

Поступь старца, его походка и всѣ манеры были, какъ у человѣка благовоспитаннаго и образованнаго. Все это давало возможность видѣть въ Феодорѣ Козьмичѣ человѣка не простого происхожденія, хотя онъ и старался соблюдать простоту въ рѣчахъ и вообще во всемъ образѣ жизни.

Вставалъ Феодоръ Козьмичъ очень рано и все свободное время посвящалъ, вѣроятно, молитвѣ. Никто, однако, не видѣлъ, когда онъ молился, потому что дверь его келіи была постоянно заперта. Только послѣ смерти колѣни его оказались покрытыми толстыми мозолями, что заставляетъ предполагать продолжительное и усердное стояніе на нихъ.

Умѣренный вообще, онъ былъ чрезвычайно воздержанъ въ пищѣ. Его обѣдъ состоялъ, обыкновенно, изъ чернаго хлѣба или сухарей, вымоченныхъ въ простой водѣ, для чего въ его келіи постоянно находился небольшой туюсокъ (сосудъ изъ березовой коры—весьма распространенная въ Сибири посуда) и деревянная ложка.

Почитатели Феодора Козьмича почти ежедневно приносили ему пищу, а въ особенности по праздникамъ, заваливали пирогами, лепешками, шаньгами и т. п. Старецъ охотно принималъ все это, но, отвѣдавъ немного, оставлялъ, какъ онъ выражался, „для гостей“, и раздавалъ затѣмъ заходящимъ къ нему

бродягамъ и странникамъ. Строго соблюдая посты, старецъ, однако, никогда не рисовался этимъ.

Однажды одна изъ его почитательницъ принесла ему горячій пирогъ съ нельмой (вкусная сибирская рыба изъ породы бѣлорыбицъ) и выразила сомнѣніе, будетъ ли онъ его кушать.

— Отчего же не буду?—возразилъ ей на это старецъ.—Я вовсе не такой постникъ, за какого ты принимаешь меня.

Вообще же онъ не брезгалъ никакою пищей и приводилъ обыкновенно евангельское выраженіе, что всякую предлагаемую пищу слѣдуетъ принимать съ благодарностію, хотя и просилъ постоянно, чтобы ему не приносили никакихъ явствъ, такъ какъ онъ уже давно отвыкъ отъ жирной и вкусной пищи.

Передаютъ, что Феодоръ Козьмичъ не отказывался даже отъ мяса, но ѣлъ его очень немного, очевидно, только для виду, но за то особенно любилъ оладьи съ сахаромъ.

— „Отъ такихъ оладей и самъ Царь не отказался-бъ“,—говаривалъ онъ, когда ему ихъ приносили.

Навѣщая своихъ любимцевъ, онъ не отказывался ни отъ какого угощенія, охотно пилъ чай, выпивая только два стакана. Но, что замѣчательно, такъ это то, что старецъ никогда даже не дотрогивался до вина и строго порицалъ пьянство.

У себя въ келіи старецъ Феодоръ Козьмичъ принималъ всѣхъ приходившихъ къ нему за совѣтами и рѣдко отказывалъ кому нибудь въ пріемѣ. Денегъ онъ ни съ кого никогда не бралъ и даже не имѣлъ ихъ у себя. Всякаго рода совѣты давалъ, само собой разумѣется, безвозмездно и разговаривалъ съ незнакомыми всегда стоя, или прохаживаясь взадъ и впередъ по комнатѣ, причемъ руки, обыкновенно, держалъ на бедрахъ, или засунувъ одну изъ нихъ за поясъ.

По нѣкоторымъ имѣющимся даннымъ можно заключить, что Феодоръ Козьмичъ имѣлъ обширную переписку съ разными лицами, черезъ разныхъ странниковъ, и постоянно получалъ всякаго рода свѣдѣнія о положеніи дѣлъ въ Россіи, но тщательно скры-

валъ отъ постороннихъ чернила и бумагу. Весьма тщательно скрывалъ Феодоръ Козьмичъ и свой почеркъ. Доказательствомъ послѣдняго обстоятельства можетъ служить слѣдующій разсказъ, переданный намъ о. архимандритомъ Іоной:

Однажды какой то странствующій инокъ посѣтилъ келію старца и увидѣлъ у него молитву, которая чрезвычайно понравилась иноку. Послѣдній попросилъ старца списать ее для него. Феодоръ Козьмичъ велѣлъ придти за ней на слѣдующій день. Инокъ пришелъ и получилъ отъ старца молитву, но не переписанную, а напечатанную. Печатный листокъ будто-бы только что вышелъ изъ типографіи: и бумага и краска были совершенно свѣжія. Дѣло происходило въ селѣ Краснорѣченскомъ, гдѣ, конечно, никакихъ типографій не было, да и быть не могло.

Приводимъ, кстати, и текстъ этой молитвы, любезно сообщенной намъ о. архимандритомъ Іоною:

— „О, Владыко, человѣколюбче Господи, Отецъ, Сынъ и Св. Духъ, Троица Святая; благодарю Тя, Господи, за Твое великое милосердіе и многое терпѣніе. Аще бы не Ты, Господи, и не Твоя благодать покрыла мя грѣшнаго во вся дни, и нощи, и часы, то уже бы азъ окаянный погиблъ, аки прахъ, предъ лицемъ вѣтра, за свое окаянство, и любность, и слабость, и за вся своя преестественные грѣхи. Уже бо не престаю и не престану часа того, что не сотворить грѣха, а когда восхощетъ пріити ко отцу своему духовному на покаяніе, отча лица устыдихся, грѣхи утаихъ и оные забыхъ и не могохъ всего исповѣдати срама ради и множества грѣховъ моихъ; тѣмъ же убо покаяніе мое нечистое есть и ложное рекомо, но Ты, Господи, вѣдый тайну сердца моего, молчатися разрѣши и прости въ моемъ согрѣшеніи и прости грѣшную мою душу, яко благословенъ еси во вѣки вѣковъ. Аминь“.

Переходя изъ деревни въ деревню, Феодоръ Козьмичъ дѣлалъ все, что только можетъ дѣлать хорошо воспитанный и образованный человѣкъ, поставленный въ необходимость жить въ массѣ неразви-

того крестьянскаго населенія. Онъ училъ крестьянскихъ дѣтей грамотѣ, знакомилъ со священнымъ писаніемъ, съ географіею и исторіей,—и во всемъ этомъ не было ничего тенденціознаго, преувеличеннаго. Всѣ свѣдѣнія и поученія, сообщаемыя имъ, всегда отличались правдивостью, глубоко врѣзывались въ головы слушающихъ и надолго запечатлѣвались. Взрослыхъ онъ увлекалъ религіозными бесѣдами, занимательными разсказами изъ событій отечественной исторіи, въ особенности о военныхъ походахъ и сраженіяхъ, причемъ, незамѣтно для самого себя, вдавался иногда въ такія мелкія подробности, напримѣръ, въ въ эпизодахъ войны 1812 года, что возбуждалъ общее недоумѣніе даже среди лицъ, сравнительно развитыхъ, какъ то: мѣстнаго духовенства, интеллигентныхъ ссыльныхъ и пр.

Разсказывая о событіяхъ отечественной войны, Феодоръ Козьмичъ, увлекаясь, высказывалъ вообще столько знанія объ этой исторической эпохѣ и такія широкія познанія въ военномъ дѣлѣ, что слушатели его изъ военныхъ—казаки и отставные солдаты—невольно дивились этому:

— Видно, не простымъ онъ былъ человѣкомъ въ свое время,—говорили они между собою.—Не былъ ли онъ когда нибудь офицеромъ?...

Тонкое пониманіе человѣческой натуры и, въ особенности, духовной ея стороны, въ связи съ необыкновеннымъ даромъ слова, позволяли ему исцѣлять душевные недуги, подмѣчать и указывать слабыя стороны человѣка, угадывая иногда тайныя намѣренія, что, взятое вмѣстѣ съ его образомъ жизни, умѣньемъ обращаться съ больными душей, облегчать ихъ страданія, возвысило его въ глазахъ простого народа и возбудило о немъ далеко за предѣлами его мѣстопребыванія всевозможные толки, какъ о великомъ угодникѣ Божіемъ.

Кромѣ того, онъ обнаруживалъ немалое знакомство съ крестьянскою жизнью, отдавалъ предпочтеніе земледѣльцамъ, дѣлалъ цѣнныя сельско-хозяйственныя указанія относительно выбора и обработки земли,

устройства огородовъ, о всякаго рода посѣвахъ и пр. Говорилъ часто о значеніи земледѣльческаго класса въ государственномъ строѣ, знакомилъ крестьянъ съ ихъ правами и обязанностями, училъ уважать власть и, вмѣстѣ съ тѣмъ, низводилъ великихъ государственныхъ дѣятелей до степени обыкновеннаго человѣка.

— И Цари, и полководцы, и архіереи—такіе же люди, какъ и мы—говорилъ онъ—только Богу угодно было однихъ надѣлить властію великою, а другихъ предназначить жить подъ ихъ постояннымъ покровительствомъ...

Отношенія его къ окружающимъ вполнѣ гармонировали съ подобнымъ воззрѣніемъ: онъ никогда не отдавалъ предпочтенія званію, и оцѣнивалъ человѣка только по его личнымъ качествамъ...

Нѣкоторые угадывали, что ранѣе Феодоръ Козьмичъ жилъ совсѣмъ въ другой обстановкѣ, при совершенно другихъ условіяхъ, и спрашивали его: почему онъ предпочелъ настоящую, полную лишеній, жизнь?

Старецъ отвѣчалъ приблизительно такъ:

— Почему вы обыкновенно думаете, что мое положеніе хуже, чѣмъ когда то прежде?.. Въ настоящее время я свободенъ, независимъ, а главное—покоенъ. Прежде мое спокойствіе и счастіе зависѣло отъ множества условій: нужно было заботиться о томъ, чтобы мои близкіе пользовались такимъ же счастьемъ, какъ и я, чтобы друзья мои меня не обманывали... Теперь ничего этого нѣтъ, кромѣ того, что всегда останется при мнѣ—кромѣ слова Бога моего, кромѣ любви къ Спасителю и ближнимъ. Теперь у меня нѣтъ никакого горя и никакихъ разочарованій, потому что я не завишу ни отъ чего земного или отъ того, что не находится въ моей власти. Вы не понимаете, какое счастье въ этой свободѣ духа, въ этой неземной радости. Если бы вновь вернули меня въ прежнее положеніе и сдѣлали бы вновь хранителемъ земного богатства, тлѣннаго и теперь мнѣ вовсе ненужнаго, тогда я былъ бы несчастнымъ человѣкомъ. Чѣмъ болѣе наше тѣло изнѣжено и выхолено, тѣмъ нашъ

духъ становится слабѣй. Всякая роскошь только растлѣваетъ наше тѣло и ослабляетъ нашу душу...

Въ доказательство того, что Феодоръ Козьмичъ нѣкогда занималъ высокое положеніе, приводились благодѣянія и услуги старца сибирякамъ и сибирячкамъ. Нужно было имъ устроить то или другое дѣло въ Петербургѣ. Время было дореформенное. Россія была „въ судахъ черна неправдой черной", „сплошного зла стояла твердыня, царила безсмысленная ложь"... Не надѣясь на правоту, очевидную въ ихъ дѣлахъ, маленькіе люди, будто-бы, являлись къ старцу Феодору Козьмичу, прося заступничества. И онъ не отказывалъ: давалъ письмо, всегда въ запечатанномъ конвертѣ, подъ непремѣннымъ условіемъ никому, кромѣ адресата, не показывать письма:

— „А то, смотри, пропадешь".

Затѣмъ онъ подробно наставлялъ, куда и къ кому въ Петербургѣ явиться.

И вмѣшательство Феодора Козьмича всегда, говорятъ, оказывало желанное дѣйствіе. Любопытно знать, нѣтъ ли доли правды въ этихъ разсказахъ? Не сохранились ли въ Петербургскихъ архивахъ, въ частныхъ и дворцовыхъ библіотекахъ какія либо изъ писемъ старца?

По большимъ праздникамъ, послѣ обѣдни, Феодоръ Козьмичъ заходилъ, обыкновенно, къ двумъ старушкамъ, Маріи и Марфѣ, и пилъ у нихъ чай. Старушки эти, давно уже покойныя, жили ранѣе около Печерскаго монастыря, Псковской губерніи, между Изборскомъ и Псковомъ, занимаясь огородничествомъ. Сосланныя въ Сибирь своими господами за какую то провинность, онѣ пришли со старцемъ въ одной партіи.

Въ день Александра Невскаго въ домѣ приготовлялись для него пироги и другія деревенскія явства. Старецъ проводилъ у нихъ все послѣобѣденное время и вообще, по сообщеніямъ знавшихъ его, весь этотъ день бывалъ необыкновенно веселъ, позволялъ себѣ покушать немного болѣе, чѣмъ обыкновенно, вспоминалъ о Петербургѣ и въ воспоминаніяхъ этихъ проглядывало нѣчто для него родное и задушевное.

— Какія торжества бывали въ этотъ день въ Петер-

бургѣ—разсказывалъ онъ.—Стрѣляли изъ пушекъ, развѣшивали ковры, вечеромъ по всему городу было освѣщеніе и общая радость наполняла сердца человѣческія...

Слушатели, не имѣвшіе понятія о Петербургѣ, съ большимъ любопытствомъ слушали его разсказы о торжественномъ крестномъ ходѣ изъ Казанскаго собора въ Александро-Невскую лавру, о торжествахъ во дворцѣ и въ воинскихъ частяхъ...

Вообще, знаніе петербургской придворной жизни и этикета, а также событій конца XVIII и начала XIX столѣтія онъ обнаруживалъ необычайное. Зналъ всѣхъ государственныхъ дѣятелей и высказывалъ иногда чрезвычайно вѣрныя характеристики ихъ. Съ большимъ благоговѣніемъ отзывался онъ о митрополитѣ Филаретѣ, архимандритѣ Фотіи и др. Разсказывалъ объ Аракчеевѣ, его военныхъ поселеніяхъ, объ его дѣятельности, вспоминалъ о Суворовѣ, Кутузовѣ и пр. Про Кутузова говорилъ, что онъ былъ великій полководецъ, и Александръ завидовалъ ему...

Всѣ подобныя воспоминанія и сужденія о людяхъ имѣли какой то особенный, безпристрастный и въ то же время мягкій характеръ, въ силу чего неразвитый народъ и приписывалъ ему какую то возвышенную способность смотрѣть на вещи съ особой, необыкновенной, непонятной для нихъ точки зрѣнія.

Замѣчательно, что Феодоръ Козьмичъ не упоминалъ объ императорѣ Павлѣ I и не касался характеристики Александра Павловича. Только событія тѣсно связанныя съ именемъ этого Императора, неизбѣжно должны были вызвать въ немъ нѣкоторыя сужденія.

Впрочемъ, однажды, когда зашла рѣчь о трагической кончинѣ Императора Павла I, Феодоръ Козьмичъ сказалъ Хромову:

— Александръ не зналъ, что дойдутъ до удушенія.

— Когда французы,—передавалъ также Феодоръ Козьмичъ,—подходили къ Москвѣ, Императоръ Александръ припалъ къ мощамъ Сергія Радонежскаго и долго со слезами молился этому угоднику. Въ это время онъ услышалъ какъ бы внутренній голосъ сказалъ ему:

— „Иди“, Александръ, дай полную волю Куту-

зову, да поможетъ Богъ изгнать изъ Москвы французовъ... Какъ фараонъ въ Чермномъ морѣ, такъ и французы на Березовой рѣкѣ, погрязнутъ...

— Когда Александръ—разсказывалъ въ другой разъ старецъ—ѣхалъ изъ Парижа, купцы устилали дорогу сукнами, а купчихи разными богатыми шляпами... и очень это нравилось Императору.

Хромовъ передавалъ затѣмъ слѣдующій разсказъ, слышанный имъ отъ старца:

— Когда въ Россіи, въ особенности въ высшемъ кругу, распространилось увлеченіе масонскими ложами, то Императоръ Александръ I созвалъ во дворцѣ собраніе изъ высшихъ гражданъ и духовныхъ лицъ и почти всѣ пожелали участвовать въ масонской ложѣ. Въ это время входитъ архимандритъ Фотій и говоритъ:

— „Да заградятся уста нечестивыхъ“.

Отъ этихъ словъ все собраніе не могло и слова выговорить, такъ и разошлись, а секта рушилась... Да, Фотій былъ мужъ благодатный...

Памятны были Хромову и слѣдующія слова, произнесенныя старцемъ послѣ полученія въ Томскѣ извѣстія о злодѣйскомъ покушеніи на жизнь Императора Александра II:

— Да, любезный, царская служба не безъ нужды...

Или:

— Романовыхъ домъ крѣпко укоренился и глубокъ корень его... Милостію Божіею глубоко корень его сидитъ...

Передаютъ также, что, когда пришло извѣстіе о кончинѣ Императора Николая Павловича, старецъ отслужилъ по немъ панихиду и долго усердно со слезами молился.

Хромовъ разсказывалъ затѣмъ, что однажды при старцѣ рабочіе запѣли извѣстную пѣсню:

„Ѣздилъ Бѣлый русскій Царь“,

въ которой описывается побѣдоносное шествіе Александра Благословеннаго до Парижа послѣ изгнанія французовъ изъ Москвы.

Старецъ слушалъ, слушалъ эту пѣсню, а затѣмъ заплакалъ и сказалъ:

— Друзья, прошу васъ больше не пѣть этой пѣсни.

А. С. Оконешникова (дочь С. Ф. Хромова), любимица Феодора Козьмича, (жива и понынѣ) разсказываетъ, что однажды лѣтомъ она съ матерью поѣхали на заимку къ старцу (Хромовская заимка, въ 4-хъ верстахъ отъ г. Томска). Былъ чудный солнечный день. Подъѣхавъ къ заимкѣ онѣ увидѣли Феодора Козьмича гуляющимъ по полю, по военному руки, и марширующимъ. Когда онѣ съ нимъ поздоровались, то старецъ сказалъ имъ:

— Панушки, былъ такой же прекрасный солнечный день, когда я отсталъ отъ общества... Гдѣ былъ и кто былъ—а очутился у васъ на полянкѣ.

Подобныхъ разсказовъ сохранилось не мало въ мѣстныхъ преданіяхъ о старцѣ Феодорѣ Козьмичѣ.

Всѣ эти разсказы невольно наводили на мысль, что старецъ не простой „бродяга", а человѣкъ изъ высшаго круга, игравшій нѣкогда, быть можетъ, видную политическую роль.

С. Ф. Хромовъ пытался узнать отъ старца—кто онъ, но Феодоръ Козьмичъ отвѣчалъ:

— Нѣтъ, это никогда не можетъ быть открыто. Объ этомъ спрашивали меня преосвященные Иннокентій Камчатскій и Аѳанасій Томскій—и имъ не открыто...

Во время пребыванія въ селахъ Бѣлоярскомъ и Краснорѣчинскомъ, Феодоръ Козьмичъ аккуратно посѣщалъ церковную службу, причемъ всегда становился на правой сторонѣ, поближе къ двери. Въ Томскѣ онъ часто ходилъ въ праздничные дни въ домовую архіерейскую церковь (въ оградѣ мужского монастыря). Преосвященный Парфеній предложилъ старцу становиться въ моленной комнатѣ епископа, рядомъ съ алтаремъ, но Феодоръ Козьмичъ отказался отъ этой чести и всегда становился у печи, на одномъ мѣстѣ, а когда сталъ замѣчать, что на него обращаютъ большое вниманіе, то совсѣмъ пересталъ ходить въ эту церковь. Довольно часто посѣщалъ старецъ въ Томскѣ часовню Иверской Божіей Матери, а также церковь Томскаго Алексѣевскаго монастыря,

гдѣ почти всегда послѣ богослуженія заходилъ къ настоятелю, о. архимандриту Виктору.

Нужно замѣтить, что о. архимандритъ Викторъ относился къ старцу Феодору Козьмичу съ глубочайшимъ уваженіемъ и ни одного серіознаго дѣла не предпринималъ безъ его совѣта и благословенія.

Для примѣра приведемъ слѣдующую выписку изъ письма о. архимандрита къ Феодору Козьмичу отъ 29 августа 1859 года (черновикъ письма найденъ въ архивѣ Алексѣевскаго монастыря).

Архимандритъ Викторъ, сообщая о томъ, что намѣренъ приступить къ отлитію колокола для монастырской церкви, между прочимъ, пишетъ:

— „Весьма желательно, чтобы колоколъ отлился благополучно и дѣло совершилось исправно; а я человѣкъ худой, слабовѣрный и малочувствующій пребольшія ко мнѣ Божіи милости. Осмѣливаюсь усердно просить тебя: помолись Господу Богу и Пречистой Госпожѣ Дѣвѣ Богородицѣ, да исполнится желаніе и намѣреніе мое къ умиленію сердецъ, нерадящихъ о спасеніи, изъ нихъ же первый есмь азъ. Вѣрую, что прошеніе твое будетъ услышано".

Передаютъ, что отлитый о. архимандритомъ Викторомъ колоколъ не оставлялъ желать ничего лучшаго...

Во время пребыванія своего въ с. Краснорѣченскомъ, Зерцалахъ и въ г. Томскѣ Феодоръ Козьмичъ никогда не исповѣдовался и не пріобщался Св. Таинъ въ церкви. Благодаря этому онъ возбудилъ было негодованіе къ себѣ со стороны мѣстнаго духовенства.

На неоднократныя предложенія священнослужителей пріобщиться Св. Таинъ онъ отвѣчалъ обыкновенно:

— Господь удостоилъ меня принимать эту пищу.

Впослѣдствіи оказалось, что у Феодора Козьмича былъ постоянный духовникъ—протоіерей Красноярской кладбищенской церкви, о. Петръ Поповъ (впослѣдствіи епископъ Енисейскій Павелъ, скончавшійся въ 1880 году), человѣкъ строгой жизни, получившій хорошее образованіе, горячо любимый своею паствою.

Священникъ этотъ заѣзжалъ къ старцу раза два—три въ году, иногда по долгу оставался у него, бесѣдо-

валъ о немъ съ крестьянами и уговаривалъ ихъ относиться къ старцу съ особымъ уваженіемъ, такъ какъ это былъ, по его словамъ—„великій угодникъ Божій“.

Кромѣ того покойный архимандритъ Викторъ, какъ уже сказано выше, хорошо знавшій старца и относившійся къ нему съ глубокимъ уваженіемъ, не раздѣлялъ мнѣнія большинства Томскаго духовенства, что Феодоръ Козьмичъ не бываетъ у исповѣди и Св. Причастія. Напротивъ, ему было хорошо извѣстно, что духовникомъ старца въ Томскѣ былъ священникъ Воскресенской церкви о. Николай Сосуновъ. Затѣмъ на Хромовскую заимку пріѣзжалъ иркутскій, а затѣмъ томскій іеромонахъ Германъ, который передъ своей кончиной говорилъ, что у него на духу бывалъ старецъ Феодоръ Козьмичъ. О послѣднемъ о. іеромонахъ отзывался, какъ о великомъ подвижникѣ, и говорилъ, что знаетъ, кто онъ.

Наконецъ, какъ мы увидимъ изъ слѣдующей главы, Феодоръ Козьмичъ незадолго передъ своей кончиной дважды исповѣдывался и пріобщался у казначея Томскаго Алексѣевскаго монастыря, о. іеромонаха Рафаила.

По поводу слуховъ о томъ, что старецъ Феодоръ Козьмичъ не бывалъ у исповѣди и Св. Причащенія имѣется слѣдующій разсказъ, записанный, между прочимъ, и о. архимандритомъ Викторомъ:

Преосвященный Томскій Парфеній бесѣдовалъ однажды по этому поводу съ Феодоромъ Козьмичемъ и послѣ бесѣды въ разговорѣ съ Хромовымъ высказалъ мнѣніе, что старецъ „едва-ли не находится въ прелести“.

Когда старецъ узналъ объ этомъ, то сказалъ Хромову:

— Вашъ преосвященный хотя и ученый человѣкъ, но въ духовной жизни неопытенъ: я каждый день вкушаю хлѣба небеснаго.

Спустя нѣкоторое время преосвященный Парфеній видитъ сонъ: будто бы св. Иннокентій, Иркутскій чудотворецъ, пріобщилъ его и Феодора Козьмича изъ одной чаши.

Послѣ этого сна преосвященный особенно расположился къ старцу, полюбилъ его, сталъ часто посѣщать Феодора Козьмича и долгіе часы проводилъ съ нимъ въ задушевныхъ бесѣдахъ.

По всей вѣроятности, тѣ же слухи объ уклоненіи Феодора Козьмича отъ исповѣди и Св. Причастія послужили поводомъ и къ возникновенію молвы о томъ, что старецъ-сектантъ. Иные считали его даже католикомъ на томъ основаніи, что у него, будто бы, послѣ кончины найдены были католическія облатки для причащенія. Объ этомъ, яко-бы, передавалъ преосвященному Томскому Петру діаконъ Яковъ Васильевичъ Россовъ.

Послѣднее обстоятельство категорически опровергаетъ С. Ф. Хромовъ, который тщательно пересмотрѣлъ все, оставшееся послѣ смерти Феодора Козьмича и, конечно, никакихъ облатокъ не нашелъ. Опроверженіемъ же слуховъ о принадлежности, будто-бы, старца къ какой либо сектѣ, служатъ слѣдующія слова, сказанныя Феодоромъ Козьмичемъ Хромову и приведенныя послѣднимъ въ его письмѣ къ преосвященному Петру отъ 24 февраля 1887 года (черновикъ письма имѣется въ нашемъ распоряженіи).

Вотъ что говорилъ старецъ Хромову:

— Православная вѣра есть великій корабль, который плаваетъ въ морѣ; всѣ же секты—это маленькія лодочки, которыя привязались къ кораблю, какъ на веревкѣ. Потому только держатся и не тонутъ...

Братъ извѣстнаго алтайскаго миссіонера покойнаго архимандрита Макарія, странствующій священникъ, былъ также того мнѣнія, что старецъ-сектантъ, но, послѣ бесѣды съ Феодоромъ Козьмичемъ, со слезами раскаялся въ своемъ заблужденіи и выражался о старцѣ, какъ о великомъ святомъ человѣкѣ...

Болѣзнь, кончина и погребеніе старца Феодора Козьмича.

Строгое подвижничество и преклонныя лѣта сломили желѣзное, казалось, здоровье Феодора Козьмича. Онъ началъ прихварывать и, совсѣмъ больной, лѣтомъ 1863 года, къ величайшему сожалѣнію всей семьи Хромовыхъ, покинулъ ихъ гостепріимный кровъ и уѣхалъ въ Бѣлоярскую станицу, гдѣ и прожилъ нѣкоторое время въ своей старой кельѣ у Семена Николаевича Сидорова.

Въ Декабрѣ въ Бѣлый Яръ пріѣхалъ Хромовъ.

18 декабря старецъ заявилъ, что не желаетъ болѣе оставаться въ семьѣ Сидорова и желаетъ поѣхать въ Томскъ.

Какъ намъ разсказывалъ сынъ Сидорова, старецъ въ это время былъ уже совершенно боленъ, и его подъ руки вывели изъ кельи и усадили въ повозку.

Вотъ какъ описываетъ С. Ф. Хромовъ послѣдній отъѣздъ Феодора Козьмича изъ с. Бѣлоярскаго:

„1863 года декабря 18 дня пріѣхали мы навѣстить старца Феодора Козьмича въ Бѣлоярскую станицу, гдѣ онъ въ то время находился; ему отведена была тамъ келья въ домѣ казака Семена Николаевича Сидорова.

Пріѣхали мы утромъ и идти къ старцу въ келію было рано, поэтому на нѣкоторое время остались мы у хозяевъ. Немного спустя пошли къ старцу, поздоровались съ нимъ и онъ тотчасъ же объявилъ, что не хочетъ болѣе оставаться въ домѣ Сидорова, и сталъ собираться съ нами въ Томскъ. Старецъ въ это время былъ настолько боленъ, что не могъ передвигаться безъ чужой помощи. Онъ не велѣлъ пока говорить, что ѣдетъ въ Томскъ, а сказать лишь тогда, когда будутъ запряжены лошади. Когда лошади были по-

даны, старецъ одѣлся съ помощью Сидорова, который не зналъ, куда старецъ собирается. Феодоръ Козьмичъ далъ нѣкоторыя наставленія Сидорову и, когда повели его къ повозкѣ, сказалъ ему:

— „Ну, спасибо всѣмъ и за все".

Всѣ вышли провожать; хозяйка горько плакала.

Отправились сначала въ деревню Коробейникову, куда насъ повезъ самъ хозяинъ Сидоровъ. Вечеромъ того же дня пріѣхали въ названную деревню и остановились въ домѣ крестьянина Ивана Яковлева Коробейникова, у котораго маленькая дочь Феоктиста была особо любима старцемъ.

Старца приняли съ величайшею душевною радостью.

Тутъ провели ночь, и на будущій день отправились въ Томскъ.

Передъ разсвѣтомъ пріѣхали въ деревню Турунтаеву, въ 65 верстахъ отъ Томска. Отсюда выѣхали по восходѣ солнца. Вдругъ, недалеко отъ Турунтаевой, по обѣимъ сторонамъ дороги показались два ослѣпительно свѣтлыхъ столба, поднимавшихся, какъ радуга, отъ земли до неба. Столбы эти какъ бы двигались передъ нами до самого Томска и сдѣлались невидимыми только на Воскресенской горѣ. Столбы эти явственно видѣла ѣхавшая съ нами дочь моя (Анна Семеновна) и ямщикъ, крестьянинъ с. Семилужнаго Павелъ Черноярovъ.

Дочь моя обратилась къ старцу:

— „Батюшка, передъ нами идутъ какіе то столбы".

Онъ промолвилъ тихо:

— „О, Пречистый Боже. Благодарю"...

И что то долго шепталъ про себя.

Лишь только старца привезли въ Томскъ, Хромовъ тотчасъ же пригласилъ для напутствованія его Св. Тайнами іеромонаха Томскаго Алексѣевскаго монастыря о. Рафаила.

Объ этомъ вотъ что разсказывалъ бывшій послушникъ, а затѣмъ заштатный псаломщикъ Вознесенскій:

— „Въ то время я былъ еще монастырскимъ послушникомъ. Однажды о. Рафаилъ позвалъ меня

и приказалъ идти вмѣстѣ съ нимъ къ Хромовымъ. Когда о. Рафаилъ съ дарохранительницей и требникомъ, надѣвъ предварительно епитрахиль, вошелъ въ келью старца, я остался въ сѣняхъ. Вскорѣ я услышалъ, какъ о. Рафаилъ началъ чтеніе приготовительныхъ къ исповѣди и Св. Причащенію молитвъ, по прочтеніи которыхъ долгое время ничего не было слышно. Повидимому, происходила исповѣдь. Затѣмъ о. Рафаилъ, открывъ двери кельи, приказалъ подать

Наружный видъ кельи Феодора Козьмича въ Томскѣ.

ему теплой воды, что я исполнилъ. Въ это время въ кельѣ никого изъ постороннихъ лицъ не было".

Этотъ разсказъ псаломщика Вознесенскаго лишній разъ подтверждаетъ, что таинственный старецъ вовсе не отказывался, какъ многіе ложно утверждали, отъ исповѣди и Св. Причастія.

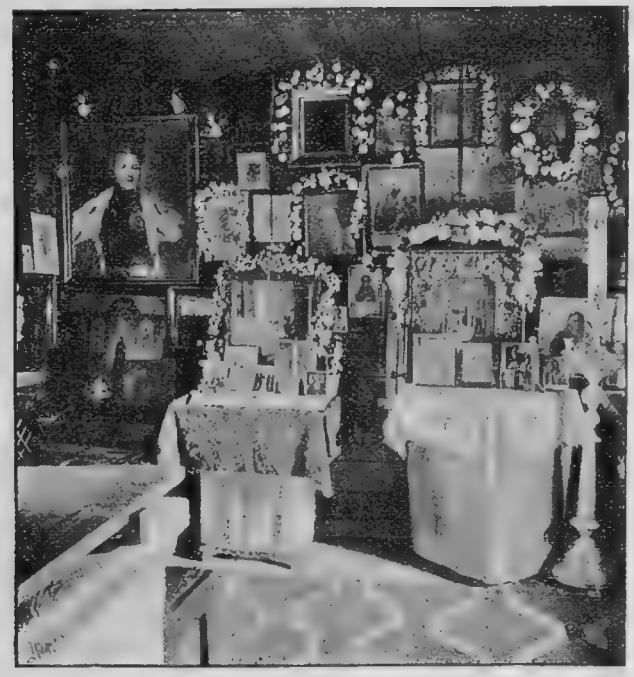
Выше мы указывали, что его духовниками въ Томскѣ были священникъ Сосуновъ и іеромонахъ Германъ. Псаломщикъ Вознесенскій утверждаетъ, что и

у іеромонаха о. Рафаила Феодоръ Козьмичъ исповѣдовался и пріобщался не одинъ разъ.

Съ начала января 1864 года силы старца стали замѣтно падать и не было уже никакого сомнѣнія, что дни его сочтены.

Въ запискахъ С. Ф. Хромова имѣются довольно обстоятельныя свѣдѣнія о послѣднихъ дняхъ Феодора Козьмича.

Онъ переносилъ свои страданья съ кротостью и



Внутренній видъ кельи Феодора Козьмича въ Томскѣ.

терпѣніемъ, боясь безпокоить другихъ, какъ это бываетъ съ другими больными.

Семья Хромовыхъ очень печалилась, видя страданія старца, и принимала всѣ мѣры, чтобы облегчить ихъ.

Видя ихъ искреннія слезы, старецъ говорилъ имъ:

— „Не плачьте и не жалѣйте меня. Страданія и болѣзни свойственны человѣку и не должны быть тягостны христіанину, потому что онъ не только не

долженъ ничѣмъ ублажать своего тѣла и покоить его, но всегда долженъ помнить, что оно должно умереть и предаться тлѣнію и потому ему нужно спокойно переносить боль и ждать неизбѣжнаго конца—смерти".

19 января было уже ясно, что конецъ приближается.

Вновь прибылъ о. Рафаилъ и пріобщилъ старца. Послѣ пріобщенія жена Хромова подошла къ постели старца и, едва сдерживая слезы, сказала ему:

— „Батюшка, объяви хоть имя своего ангела, чтобы въ молитвахъ нашихъ упоминать его".

— „Это Богъ знаетъ"—тихо проговорилъ Феодоръ Козьмичъ.

Бывшая тутъ же Н. Я. Попова обратилась къ старцу.

— „Тогда, батюшка, упомяни хоть имена твоихъ родителей, чтобы намъ можно было молиться за нихъ".

— „И этого тебѣ нельзя знать!—отвѣтилъ Феодоръ Козьмичъ.—Святая церковь за нихъ молится".

Семенъ Феофановичъ, замѣтивъ, что старецъ Феодоръ Козьмичъ переживаетъ послѣдніе дни своей жизни, захотѣлъ попытать, не откроетъ ли онъ своего имени, отчества и званія.

И вотъ, это было наканунѣ кончины старца, онъ пришелъ въ келію и, помолившись Богу, всталъ передъ старцемъ на колѣни и сказалъ:

— „Благослови меня, батюшка, спросить тебя объ одномъ важномъ дѣлѣ".

— „Говори. Богъ тебя благословитъ!—сказалъ старецъ".

— „Есть молва!—продолжалъ Семенъ Феофановичъ, что ты, батюшка, никто иной, какъ Александръ Благословенный... Правда ли это?"...

Старецъ, услыша это, сталъ креститься и говорить:

— „Чудны дѣла Твои, Господи... Нѣтъ тайны, которая бы не открылась".

На другой же день старецъ продолжалъ разговоръ слѣдующими словами:

— „Панокъ, хотя ты знаешь, кто я, но, когда умру, не величь меня: схорони просто".

Съ утра 20-го января страданія старца усили-

лись. Становилось все яснѣе, что старецъ борется со смертью: то ляжетъ на одинъ бокъ, то привстанетъ, то опять поворотится на другой бокъ, постоянно осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ.

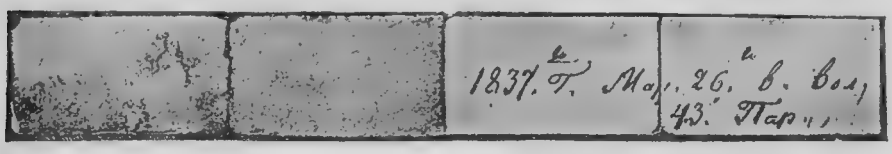
У смертнаго одра Феодора Козьмича собралась вся семья Хромовыхъ и много постороннихъ. Старшая дочь Хромова читала акафистъ Живоначальной Троицѣ.

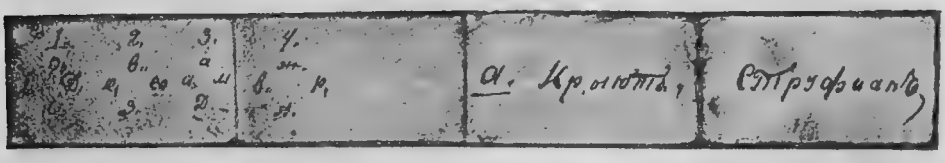
Часовъ въ 7 вечера старцу сдѣлалось еще хуже.

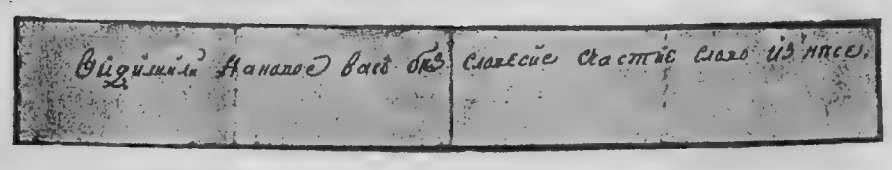
Когда всѣ посторонніе ушли, Феодоръ Козьмичъ, обращаясь къ Хромову и показывая ему маленькій мѣшочекъ на стѣнѣ, сказалъ:

— „Въ немъ—моя тайна“.

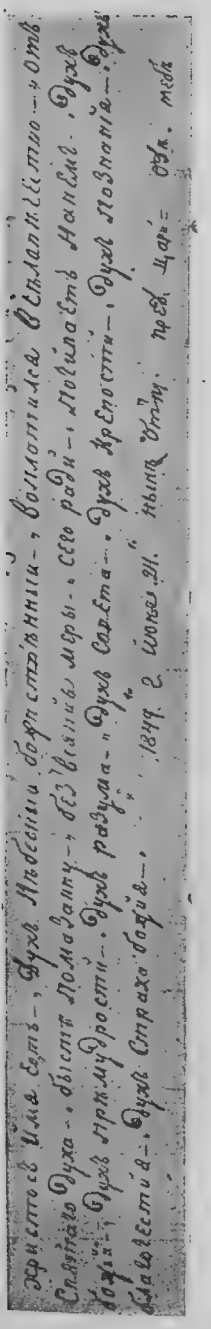
Въ мѣшочкѣ этомъ послѣ смерти Феодора Козьмича нашли записки съ непонятнымъ текстомъ и ключемъ къ шифру [1]).







[1]) Подробности о нихъ будутъ изложены въ главѣ „Описаніе рисунковъ“.



Затѣмъ старецъ попросилъ поднять себя и, посидѣвши немного, просилъ снова положить на лѣвый бокъ. Полежалъ немного, вдругъ самъ переворотился на спину, три раза тяжело вздохнулъ и въ 8 ч. 45 м. тихо, мирно, безъ мученія и стоновъ предалъ Богу свою праведную душу. Правая рука лежала на груди со сложеніемъ перстовъ для крестнаго знаменія.

Такъ окончилось земное существованіе таинственнаго сибирскаго отшельника старца Феодора Козьмича на 87 году его жизни.

Обмывали старца: самъ Хромовъ, купецъ С. В. Ерлыковъ и нѣкій Иванъ Скворцовъ.

Хромовъ передаетъ въ своихъ запискахъ, что, когда при обмываніи тѣло старца посадили на стулъ, то онъ сидѣлъ безъ поддержки, какъ живой.

Одѣли старца въ новую бѣлую рубашку и положили на столъ. Желаніе быть похороненнымъ въ этой бѣлой рубашкѣ Феодоръ Козьмичъ высказалъ еще при жизни. Жена Хромова, незадолго до кончины старца, спрашивала его, не похоронить ли его въ черномъ халатикѣ, но онъ не велѣлъ надѣвать на него этотъ халатъ, сказавъ, что онъ не монахъ.

Псалтырь надъ покойнымъ читали протодіаконъ І. В. Россовъ и діаконы Рычковъ и Васильевъ.

Передаютъ слѣдующій странный случай.

Въ моментъ кончины старца кучеръ и горничная сосѣда Хромовыхъ, лѣкаря Ливанова, находившіеся въ это время на Верхней Елани, видѣли, что будто

бы изъ дома Хромова три раза выкидывало громадное пламя. Они думали, что у Хромова пожаръ, но, когда пришли домой и узнали что нигдѣ никакого пожара не было, то имъ сразу пришло на умъ не случилось ли чего со старцемъ.

Передаютъ, что въ это же самое время зарево надъ домомъ Хромова было видно и съ пожарной каланчи. Пожарные долгое время разъѣзжали, розыскивая пожаръ, и, конечно, не нашли.

Кромѣ упомянутыхъ записокъ —„тайны“ старца Феодора Козьмича, послѣ него въ келіи остались еще слѣдующія вещи: перламутровый крестъ, подаренный старцу приставомъ Юрченко, икона Почаевской Божіей Матери „въ чудесахъ“ съ еле замѣтнымъ вензелемъ „А“, очень попорченная; суконный черный кафтанъ, деревянный посохъ, чулки изъ овечьей шерсти, кожанныя туфли, двѣ пары рукавицъ изъ черной замши, черный шерстяной поясъ съ желѣзной пряжкой и имѣются книги: акафистъ живоначальной Троицѣ, Псалтырь съ надписью: „сей псалтырь принадлежитъ Саранской Петропавловской обители рясофорному монаху Алексѣю Золотареву“, маленькій молитвословъ Кіево-Печерскаго изданія и „Послѣднія семь словъ на Крестѣ Спасителя“.

Всѣ эти вещи долго хранились въ кельѣ старца при д. Чистякова (бывшемъ Хромова), и только два года тому назадъ похищены со взломомъ замковъ неизвѣстными злоумышленниками.

Въ настоящее время изъ вещей, принадлежавшихъ старцу, остался лишь простой деревянный посохъ, хранящійся у И. Г. Чистякова (фотографія посоха на стр. 22) и складной аналой, находящійся въ келіи на Хромовской заимкѣ.

Кромѣ того, о. архимандритъ Іона помнитъ, какъ

Внутренній видъ кельи старца Феодора Козьмича на заимкѣ Хромова, близъ гор. Томска.

Хромовъ говорилъ ему, уѣзжая въ Петербургъ, что послѣ смерти старца онъ нашелъ въ его вещахъ метрическое свидѣтельство о бракосочетаніи Великаго Князя Александра Павловича съ принцессою Баденъ-Дурлахскою Луизой-Маріей-Августой, впослѣдствіи Императрицей Елизаветой Алексѣевной.

Подтверждаетъ это обстоятельство и томская жительница О. М. Балахнина.

Она разсказываетъ, что однажды пришла въ келію старца и застала тамъ Хромова, который вынималъ изъ ящика какія то бумаги и, взявши одну изъ нихъ и показывая ей, Балахниной, сказалъ:

— „Старца называютъ бродягою, а вотъ у него имѣется бумага о бракосочетаніи Александра Павловича".

Бумага была толстая, синеватаго цвѣта, величиною въ листъ. Нѣкоторыя строки на ней были печатныя, а нѣкоторыя—писанныя. Внизу листа находилась бѣлая печать съ изображеніемъ церкви.

Есть основаніе предполагать, что эту бумагу Хромовъ увезъ въ Петербургъ.

Вѣсть о кончинѣ старца Феодора Козьмича быстро распространилась по всему Томску и его окрестностямъ.

Толпы народа окружали домъ Хромова, гдѣ скончался таинственный отшельникъ. Популярность его была весьма велика среди всѣхъ слоевъ населенія и потому всѣ, начиная съ мѣстной аристократіи и кончая нищими, которыхъ столь щедро одѣлялъ при жизни старецъ Феодоръ Козьмичъ, спѣшили поклониться тѣлу чуднаго старца.

Утромъ 23 января тѣло старца переложили въ простой гробъ изъ крѣпкихъ кедровыхъ досокъ и тогда же состоялся выносъ въ церковь Богородице-Алексѣевскаго мужского монастыря. Выносъ, литургію и отпѣваніе совершали настоятель монастыря о. архимандритъ Викторъ, казначей о. іеромонахъ Рафаилъ, каѳедральный протоіерей о. Гавріилъ Завадовскій, бывшій каѳедральный протоіерей о. Михаилъ Германовъ и священникъ загородной Басандайской церкви Поповыхъ о. Василій Россовъ. При отпѣваніи о. архимандритъ Викторъ произнесъ прочувствованное слово, посвященное памяти великаго старца подвижника.

На похоронахъ присутствовали представители мѣстной высшей администраціи и масса народа. Мало этого, у нѣкоторыхъ военныхъ чиновъ явилась мысль отдать старцу при его погребеніи воинскія почести — но этого сдѣлать не позволили. Очевидно, на старца

и въ то время смотрѣли уже не какъ на простого человѣка.

Хромовъ разсказывалъ о слѣдующемъ необычайномъ случаѣ, имѣвшемъ мѣсто послѣ погребенія Феодора Козьмича:

— „Мы сочли нужнымъ приготовить кушанья и напитковъ для поминальнаго обѣда на 30 человѣкъ. Обѣдало же между тѣмъ около 80 человѣкъ, и не

Могила старца Феодора Козьмича.

только всего у всѣхъ было достаточно, но даже получился большой остатокъ винъ и кушанья".

По желанію старца, его похоронили въ мужскомъ монастырѣ, въ трехъ саженяхъ отъ главнаго алтаря монастырской церкви (къ сѣверо-востоку). Могила уважаемаго старца была обнесена деревянною рѣшеткою, окрашенною бѣлой краской. По угламъ посажены четыре кедра, а внутри ограды поставленъ большой деревянный крестъ, также окрашенный бѣлою краской, съ надписью на немъ:

— „Здѣсь погребено тѣло Великаго Благословеннаго старца Феодора Козьмича, скончавшагося 20 января 1864 года“.

По приказанію бывшаго Начальника Томской губерніи В. И. Мерцалова надпись:

Часовня на могилѣ старца Феодора Козьмича въ мужскомъ Алексѣевскомъ монастырѣ.

— „Великаго Благословеннаго“
была закрашена бѣлой краской, которая отъ времени слиняла, такъ что въ послѣднее время ясно было можно прочитать, что было написано ранѣе.

Въ настоящее время, по иниціативѣ настоятеля

Алексѣевскаго монастыря о. архимандрита Іоны, на могилѣ старца Феодора Козьмича, на частныя пожертвованія, воздвигнута прекрасная каменная памятникъ-часовня. Внутри часовни находится изящный иконостасъ и надгробіе мраморная—доска со слѣдующей надписью:

„Эта часовня-памятникъ торжественно освящена

Внутренній видъ часовни на могилѣ Феодора Козьмича.

16 августа 1904 г. Наиболѣе крупныя пожертвованія на сооруженіе часовни сдѣлали слѣдующія лица:

Дочь Коллежскаго Секретаря Пелагія Діомидовна Буткѣева—1100 р., вдова священника Феодосія Ивановна Ксенофонтова—500 р., купецъ Никита Нестеровичъ Вяткинъ—100 р., Марія Павловна Петрова—100 р., купецъ Гавріилъ Степановичъ Баукинъ—50 р., купецъ Алексѣй Андреевичъ Егоровъ—50 р., томскій мѣщанинъ Феодоръ Яковлевичъ Сѣчкинъ и супруга его Паулина Кристиновна—35 р., жена чиновника Стефанида Ивановна Твардовская—25 р., жена чинов-

ника Ольга Андреевна Ложникова—15 р., и пр. Кромѣ пожертвованій деньгами многія лица жертвовали и строительными матеріалами. Такъ, потомственный почетный гражданинъ Иванъ Максимовичъ Некрасовъ пожертвовалъ 3000 шт. кирпича и необходимое для покрытія купола памятника-часовни количество бѣлой жести; Г. С. Баукинъ съ Авдотьей Егоровной пожертвовалъ двойныя стекла для рамъ часовни.

Какъ могилу старца, такъ и его келію во дворѣ дома Хромова, перешедшаго нынѣ къ его наслѣдницѣ З. С. Чистяковой (на Монастырской улицѣ) посѣтили многія высокопоставленныя лица.

Такъ, зять С. Ф. Хромова—Чистяковъ передавалъ пишущему эти строки, со словъ князя Э. Э. Ухтомскаго, что келію Феодора Козьмича посѣтилъ въ 1891 г., во время своего пребыванія въ Томскѣ, Его Императорское Высочество Наслѣдникъ-Цесаревичъ, нынѣ благополучно царствующій Государь Императоръ Николай Александровичъ. Государь былъ въ келіи поздно вечеромъ, въ сопровожденіи князя Ухтомскаго и князя Кочубея. О посѣщеніи Государемъ келіи старца есть указаніе въ статьѣ Великаго Князя Николая Михайловича [1]).

Въ 1873 году могилу и келію Великаго старца посѣтилъ Е. И. В. Великій Князь Алексѣй Александровичъ, бывшій въ Томскѣ проѣздомъ на возвратномъ пути изъ кругосвѣтнаго плаванія.

Неоднократно могилу старца посѣщалъ бывшій Начальникъ Главнаго Тюремнаго Управленія, нынѣ членъ Государственнаго Совѣта, М. Н. Галкинъ-Врасскій, который съ особымъ уваженіемъ относится къ памяти Феодора Козьмича. 10 марта 1882 г. онъ счелъ необходимымъ лично посѣтить покойнаго настоятеля монастыря о. архимандрита Виктора, въ бесѣдѣ съ которымъ просилъ возносить молитвы въ церкви о старцѣ Феодорѣ Козьмичѣ и служить по немъ паниxиды, а также привести въ порядокъ и

[1]) Легенда о кончинѣ Императора Александра I въ Сибири въ образѣ старца Феодора Козьмича. „Историческій Вѣстникъ“ іюль, 1907 года).

украсить могилу старца. Все это покойнымъ архимандритомъ Викторомъ было исполнено.

Галкинъ-Врасскій, возвращаясь изъ Восточной Сибири, прибылъ въ Томскъ. По его пріѣздѣ, ему представлялись всѣ томскія должностныя лица, въ числѣ коихъ явился и тюремный священникъ о. Илья Изосимовъ. Галкинъ-Врасскій замѣтилъ его, тотчасъ же подошелъ къ нему и принялъ благословеніе, затѣмъ громко сказалъ: молитвами старца Феодора Козьмича я остался живъ, именно, изъ Восточной Сибири я намѣревался ѣхать моремъ и уже отправилъ всѣ свои вещи на пароходъ, но потомъ передумалъ и захотѣлъ побывать еще въ Томскѣ и поклониться на могилѣ старцу Феодору, поэтому и возвращаюсь въ Петербургъ сухимъ путемъ... И что же случилось?.. Пароходъ, на которомъ я долженъ былъ ѣхать, утонулъ, утонули и всѣ мои вещи, на немъ находившіяся, Значитъ, и я подвергся бы такой участи, если бы не пожелалъ побывать въ Томскѣ и поклониться на могилѣ старцу Феодору Козьмичу".

12 октября 1899 года могилу и келію старца посѣтилъ Военный министръ А. Н. Куропаткинъ, 9 января 1902 г. здѣсь былъ министръ путей сообщенія князь М. И. Хилковъ. Посѣщали могилу статсъ-секретарь Куломзинъ, бывшій главнокомандующій нашей арміей на Дальнемъ Востокѣ генералъ Линевичъ и многія другія высокопоставленныя лица.

Въ Петербургѣ многія высокопоставленныя лица съ большимъ уваженіемъ относились къ старцу. Среди нихъ можно упомянуть о покойномъ, бывшемъ Государственномъ Контролерѣ Т. И. Филипповѣ и Оберъ-Прокурорѣ Святѣйшаго Синода К. П. Побѣдоносцевѣ. Послѣдній черезъ г. Митрополова распространялъ въ большомъ количествѣ карточки старца.

Характеристикой отношенія къ старцу Феодору Козьмичу въ петербургскихъ высшихъ сферахъ можетъ служить слѣдующій разсказъ С. Ф. Хромова:

— Въ бытность свою въ Петербургѣ Хромовъ раздавалъ многимъ высокопоставленнымъ лицамъ портреты Великаго старца. Всѣ съ удовольствіемъ

принимали ихъ и съ большимъ любопытствомъ разспрашивали о старцѣ. К. П. Побѣдоносцевъ даже прослезился, когда Хромовъ разсказалъ ему о суровой жизни и подвижничествѣ таинственнаго сибирскаго отшельника. Въ одинъ прекрасный день Хромова приглашаютъ къ графу И. И. Воронцову-Дашкову (бывшему министру Императорскаго Двора).

— Вхожу я въ залъ!—разсказываетъ Хромовъ!—и вижу, что около большого стола сидятъ восемь генераловъ, а на предсѣдательскомъ мѣстѣ сидитъ самъ графъ И. И. Воронцовъ-Дашковъ.

— Что вы можете разсказать намъ про старца Феодора?—спросилъ Дашковъ.

— Я отвѣтилъ, что не знаю, кто этотъ старецъ, но, видя его подвижническую жизнь, я почитаю его и благоговѣю передъ нимъ.

— Правда-ли, что этотъ старецъ Александръ I,—спросили они меня?

— Вамъ, какъ людямъ ученымъ, это лучше знать!—отвѣчалъ я.

Потомъ между ними завязался разговоръ.

Одни говорили, что этого быть не могло, потому что исторія подробно говоритъ о болѣзни, смерти и погребеніи Императора Александра I. Другіе же возражали и говорили, что все могло быть. Споръ былъ продолжительный. Дошло до того, что одинъ изъ генераловъ сказалъ мнѣ, указывая въ сторону Петропавловской крѣпости:

— Если вы, Хромовъ, станете распространять молву о старцѣ и называть его Александромъ I, то вы наживете себѣ много непріятностей.

Тогда со своего мѣста всталъ И. И. Воронцовъ-Дашковъ и сказалъ мнѣ:

— „Не бойтесь, Хромовъ, вы находитесь подъ моей защитой“.

Много было говорено здѣсь, но, повидимому, не пришли ни къ какому соглашенію.

Среди генераловъ былъ и тотъ, который пріѣзжалъ ко мнѣ съ приглашеніемъ къ Дашкову. Впослѣдствіи я узналъ, что это—Рудановскій. Черезъ нѣ-

которое время я получаю отъ этого Рудановскаго телеграмму:

— „Приготовьте мнѣ квартиру въ Томскѣ".

Я очистилъ въ своемъ домѣ квартиру.

Вскорѣ Рудановскій, дѣйствительно, пріѣхалъ въ Томскъ и жилъ у меня. Онъ постоянно бывалъ на панихидахъ въ келіи старца, всегда усердно молился. Зачѣмъ пріѣзжалъ Рудановскій—осталось для меня тайной,

Среди многихъ томскихъ обывателей ходитъ слухъ, что тѣло старца не покоится въ его могилѣ на монастырскомъ кладбищѣ, а, что однажды ночью, вскорѣ послѣ его кончины, вырыто и тайно увезено въ Петербургъ.

Слухъ этотъ не имѣетъ подъ собою реальной почвы.

Вотъ что читаемъ въ запискахъ и нынѣ благополучно здравствующаго настоятеля Алексѣевскаго монастыря, о. архимандрита Іоны:

— 1903 г. 10 іюля при рытіи канавъ для фундамента строющейся на могилѣ Феодора Козьмича часовни обнаружилась могила старца. При этомъ присутствовалъ я съ подрядчикомъ Иваномъ Петровичемъ Ледневымъ и архитекторомъ Викентіемъ Флорентиновичемъ Оржешко.

При осмотрѣ могилы Великаго старца оказалось, что каменный склепъ уцѣлѣлъ отлично. Доски, покрывающія этотъ склепъ, также оказались цѣлыми. Но одна изъ нихъ провалилась, упала на гробъ и проломила крышку послѣдняго. Такъ какъ нужно было исправить поврежденіе и плотно закрыть гробъ, то приподнята была крышка и при зажженіи восковой свѣчи былъ усмотрѣнъ остовъ человѣка, голова котораго покоилась на подушкѣ. Подушка эта истлѣла. Голова же, склоненная нѣсколько на лѣвую сторону, обрисовалась весьма ясно. Волосы на головѣ и бородѣ сохранились въ цѣлости: цвѣта они бѣлаго, т. е. сѣдые. Борода волнистая—протянулась широко на правую сторону. Явственно обрисовались также ноги, обутыя въ башмаки; башмаки эти носками своими

загнулись и, кажется, истлѣли. Вся остальная фигура человѣка представляется въ видѣ сѣрой массы.

Ореолъ благоговѣнія сіяетъ вокругъ могилы Феодора Козьмича. Старчество и аскетизмъ искони въ почетѣ у русскаго народа. Старцы Амвросій Оптинскій, Серафимъ Саровскій и многіе другіе еще при жизни служили „правиломъ вѣры и образомъ кротости“, но они все же были простыми смертными, а Феодоръ Козьмичъ вышелъ-де изъ дворца. Къ могилѣ его запасные, призванные на войну, припадали за „отеческимъ благословеніемъ“. Въ этомъ чувствуется не одна только вѣра въ старца, такъ сказать, канонизація его безъ участія Синода, нѣтъ—здѣсь нѣчто большее: взглядъ народа на старца Феодора Козьмича, какъ на отца, вслѣдствіе тождества: Царь—есть отецъ...

Памятникъ-часовню можно посѣщать ежедневно. Завѣдующій ею монахъ охотно проводитъ туда всякаго желающаго.

Прозорливость старца.

Существуетъ много разсказовъ о томъ, что старецъ Феодоръ Козьмичъ при жизни своей отличался замѣчательнымъ даромъ прозорливости.

Мы приведемъ только нѣкоторые изъ массы существующихъ разсказовъ объ этой сторонѣ жизни таинственнаго сибирскаго старца.

Вотъ одинъ изъ нихъ:

Нужно замѣтить, что никто никогда не видѣлъ, чтобы старецъ умывался: онъ только раза два въ годъ обмывалъ себѣ ноги. Но однажды Феодоръ Козьмичъ, выйдя изъ келіи во дворъ, подошелъ къ бочкѣ съ водою и, указывая на нее, обратился къ женѣ Хромова:

— Вотъ что, матушка. Почерпни-ка водицы и полей мнѣ на голову.

Удивленная женщина исполнила его просьбу и нѣсколько разъ полила голову старца водою.

Что же потомъ оказалось.

Какъ разъ въ этотъ самый день и даже часъ, когда Хромова обливала голову Феодора Козьмича водою, въ Петербургѣ произошла ужасная катастрофа— знаменитый пожаръ Апраксина рынка, про который и донынѣ помнятъ Петербургскіе старожилы.

Такимъ образомъ прозорливый старецъ, такъ сказать аллегорически, заливалъ этотъ ужасный пожаръ.

Однажды бывшій въ с. Краснорѣченскомъ за сборомъ пожертвованій изъ г. Архангельска іеромонахъ о. Израиль пожелалъ увидѣть старца. Это было поздно вечеромъ. Іеромонахъ пришелъ въ келію старца, по-

молился Богу и сталъ здороваться. Феодоръ Козьмичъ, сидя на лежанкѣ, сказалъ:

— Здравствуй, отецъ Израиль.

Между тѣмъ было совершенно темно, въ келіи не было никакого освѣщенія и старецъ никогда не видалъ іеромонаха и не зналъ объ его пріѣздѣ въ Красную Рѣчку.

Подобно сему пріѣхалъ однажды въ Красную Рѣчку священникъ изъ Красноярска о. І. Рычковъ. Дѣло было такъ же—позднимъ вечеромъ. О. Рычковъ непремѣнно пожелалъ посѣтить Феодора Козьмича. Пришелъ къ нему и сталъ здороваться. Старецъ также поздоровался, сказавъ:

— „Здравствуй, отецъ Іоаннъ“,

хотя раньше не видѣлъ и не зналъ его, а также не могъ знать и объ его пріѣздѣ.

Въ запискахъ Хромова есть слѣдующій разсказъ.

Въ 1867 году Хромовъ былъ въ Москвѣ у купца М. И. Нацвалова, который передалъ ему, что когда онъ жилъ и торговалъ въ Красноярскѣ, то заѣзжалъ къ старцу Феодору Козьмичу. Когда онъ вошелъ въ келію старца, тотъ внезапно обратился къ нему съ вопросомъ:

— Зачѣмъ ты взялъ мѣдныя деньги? они положены не для тебя.

Незадолго передъ этимъ Нацваловъ, дѣйствительно, поднялъ гдѣ-то нѣсколько мѣдныхъ монетъ.

Въ другой разъ старецъ говорилъ Нацвалову:

— Зачѣмъ ты читаешь безъ вниманія и чувства „пріидите, поклонимся“. Ты знаешь, какая это молитва, съ какимъ вниманіемъ ее слѣдуетъ читать.

И это старецъ говорилъ, по глубокому убѣжденію Нацвалова, благодаря присущему ему дару прозорливости...

— Когда старецъ жилъ еще на Красной Рѣчкѣ,— разсказывалъ Хромовъ,—мы поѣхали разъ на пріиски и я велѣлъ женѣ взять старцу на рубашку хорошаго, тонкаго холста. Но она подумала: зачѣмъ старцу хорошій холстъ,—и взяла похуже.

Когда пріѣхали къ старцу и она стала отдавать ему холстъ, то онъ обратился къ ней со словами:

— Вѣдь тебѣ велѣно привезти тонкій холстъ, нужно было исполнить. Но,—добавилъ затѣмъ старецъ Феодоръ Козьмичъ,—для меня, бродяги, и этотъ очень тонокъ.

Разъ зимою, когда старецъ жилъ на заимкѣ, около Томска, у него вышли дрова. Онъ послалъ къ Хромову одного изъ рабочихъ, бывшихъ на заимкѣ, просить о присылкѣ ему дровъ. Хромовъ сказалъ, что дрова будутъ доставлены сейчасъ же и приказалъ одному изъ работниковъ отвезти старцу дрова. Но работнику не хотѣлось ѣхать на заимку и онъ, накладывая дрова на дровни, въ досадѣ нѣсколько разъ выругался, обозвавъ при томъ заочно старца, которому, волей-неволей, надо было везти дрова, неприличными словами. Когда затѣмъ дрова были работникомъ доставлены Феодору Козьмичу, послѣдній сказалъ:

— Спасибо, но дровъ теперь мнѣ не нужно.

— Какъ не нужно: вы же просили прислать ихъ, —замѣтилъ привезшій дрова работникъ.

— Отъ тебя дровъ не возьму!—отвѣчалъ старецъ. —Ты съ неохотой везъ ихъ мнѣ, употребляя ругательства, когда накладывалъ дрова, да и меня при этомъ обругалъ ни за что ни про что худыми словами.

И старецъ передалъ изумленному работнику дословно все то, что онъ говорилъ передъ отъѣздомъ къ нему.

Сознавая свою вину, работникъ палъ на колѣни и испросилъ у старца прощеніе.

Отъ сына Семена Николаевича Сидорова, у котораго старецъ жилъ въ селѣ Бѣлоярскомъ, одному изъ членовъ кружка пришлось слышать слѣдующій разсказъ.

Старецъ очень любилъ свѣжій медъ. И вотъ, однажды, Семенъ Николаевичъ, желая угодить старцу, велѣлъ своему брату Матвѣю Николаевичу купить въ Ачинскѣ для старца лучшаго меда. Матвѣй Николаевичъ очень неохотно исполнилъ это порученіе брата и въ душѣ пожалѣлъ денегъ на медъ. Когда медъ былъ принесенъ Феодору Козьмичу, то послѣдній высказалъ все, что думалъ Матвѣй Николаевичъ Сидоровъ, и отказался отъ меда.

Во время пребыванія старца въ Зерцалахъ, здѣсь поселился какой то бродяга, сосланный на житье. Онъ пришелъ однажды къ старцу, желая познакомиться съ нимъ. Но старецъ, у котораго въ это время было нѣсколько зерцаловскихъ крестьянъ, бесѣдовавшихъ съ нимъ на религіозныя темы, какъ только вошелъ этотъ ссыльный, всталъ и сказалъ:

— Иди, иди отсюда.

Ссыльный изумился; изумились и бывшіе въ келіи Феодора Козьмича крестьяне, не понимая, почему онъ гонитъ этого человѣка, тогда какъ вообще никому не отказывалъ въ пріемѣ.

Но старецъ тотчасъ же сказалъ:

— Уходи, уходи... У тебя руки въ крови... Свой грѣхъ другому отдалъ...

Ссыльный поблѣднѣлъ, какъ полотно, и торопливо вышелъ изъ избы, а потомъ, черезъ нѣсколько дней, ушелъ въ Томскъ, гдѣ принесъ повинную начальству, что онъ не тотъ, за кого себя выдавалъ, что онъ промышлялъ разбоемъ и долженъ былъ идти на каторгу, но перемѣнился именемъ съ однимъ сосланнымъ на поселеніе за бродяжество, что на душѣ у него до десяти убійствъ.

Покойный протодіаконъ Московскаго Успенскаго собора, Иванъ Васильевичъ Ефимовъ, разсказывалъ, что когда онъ былъ еще въ Томскѣ архіерейскимъ пѣвчимъ, то однажды хоръ, во время праздниковъ Рождества Христова, пожелалъ прославить у старца Феодора Козьмича, на что старецъ охотно согласился. Ефимовъ въ это время имѣлъ какое то недоумѣніе о древѣ Животворящаго Креста Господня и надѣялся, что старецъ разъяснитъ при случаѣ это недоумѣніе.

Когда пѣвчіе пропѣли концертъ, старецъ со слезами на глазахъ благодарилъ ихъ и поклонился имъ до земли, а затѣмъ сталъ давать имъ наставленія, что значитъ быть пѣвчими; пѣвчіе, по его словамъ, принимаютъ видъ ангеловъ, прославляющихъ Господа, а И. В. Ефимову разъяснилъ, что значитъ древо Животворящаго Креста Господня, но сказалъ объ этомъ не по просьбѣ Ефимова, а по дару прозорливости.

Въ запискахъ о. архимандрита Іоны есть слѣдующій разсказъ:

— „Однажды я пришелъ на панихиду въ келію старца. Народа еще не было и я прошелъ въ садикъ и сѣлъ тамъ на скамейкѣ. Ко мнѣ подсѣла какая то старушка съ ребенкомъ на рукахъ. Я спросилъ— знаетъ ли она старца. Она отвѣчала утвердительно и на мою просьбу разсказать что нибудь о Феодорѣ Козьмичѣ передала слѣдующее:

— Когда я была въ дѣвушкахъ, то любила наряжаться и играть въ хороводахъ, за что старецъ часто журилъ меня:

— „Учись рукодѣлію,—говорилъ онъ,—потому что подъ старость тебѣ своими руками придется кормить внучатъ“.

— Слова его сбылись. А случилось это такъ. Былъ у меня въ одной изъ ближайшихъ деревень дядя. Я вздумала поѣхать къ нему въ гости, а передъ отъѣздомъ мнѣ захотѣлось попросить благословенія у старца Феодора. Прихожу къ нему и говорю:

— „Я хочу ѣхать къ дядѣ: благослови меня, дѣдушка".

— „Поѣзжай, поѣзжай: тамъ о тебѣ пятеро плачутъ!—отвѣтилъ старецъ.

— Я поѣхала и тамъ вышла замужъ за вдовца, у котораго было пятеро дѣтей; эта,—указывая на ребенка, сказала старушка,—моя внучка, и такихъ у меня много. Вотъ мнѣ и привелось на старости лѣтъ своимъ трудомъ кормить внучатъ, какъ предсказалъ старецъ.

Томскій мѣщанинъ Иванъ Васильевичъ Зайковъ, здравствующій и понынѣ, разсказалъ про старца слѣдующее:

— „Однажды я былъ у Феодора Козьмича въ келіи. Въ это время подходитъ къ дверямъ какой то человѣкъ и творитъ молитву:

— „Господи, Іисусе Христе, Боже нашъ, помилуй насъ".

Старецъ, по обычаю, отвѣтилъ ему: „аминь" и тотчасъ же говоритъ стоявшему за дверями неизвѣстному человѣку:

— „Скажи своимъ священникамъ, чтобы они отдали тебѣ деньги".

— „Спаси тебя, Господи!—произнесъ неизвѣстный и тотчасъ же ушелъ.

Я удивился, что старецъ, не видавши пришедшаго и не знавши, зачѣмъ онъ пришелъ, говорилъ съ нимъ, какъ будто со знакомымъ и по извѣстному для него дѣлу.

Прошло послѣ этого много лѣтъ. Однажды я случайно разговорился съ купцомъ Трубачевымъ и онъ передалъ мнѣ:

— „Былъ я у старца Феодора, но онъ меня не принялъ, не допустилъ меня въ келію, а все таки, спаси его Господь, сказалъ мнѣ, что я хотѣлъ отъ него узнать. Съ меня священникъ Воскресенской церкви взыскивалъ 70 р., которые я—будто-бы—утаилъ, бывши старостою. Когда я передалъ священникамъ, что старецъ Феодоръ велѣлъ имъ отдать эти деньги, то че-

резъ весьма короткое время священники отдали ихъ, сказавъ, что нашли деньги въ какой то книгѣ".

Тутъ то Зайковъ и вспомнилъ случай въ келіи старца.

Бывшій ключарь Томскаго кафедральнаго собора протоіерей Донецкій, нынѣ покойный, передавалъ, что, пріѣхавъ однажды изъ Красноярска въ Томскъ, онъ захотѣлъ увидѣть старца Феодора Козьмича.

— „Пошелъ я къ нему съ женою,—разсказывалъ о. протоіерей,—не смотря на позднее время. Ночь была темная—зги не видать. Когда пришли къ старцу, огня въ келіи не было, а между тѣмъ я и жена видѣли старца такъ хорошо, какъ днемъ. Старецъ принялъ насъ очень ласково и далъ много полезныхъ совѣтовъ. Между прочимъ, я хотѣлъ узнать, что скажетъ старецъ относительно одного предпріятія по пріискамъ зятя моего Борисова.

Феодоръ Козьмичъ коротко сказалъ:

— „Закопаетъ въ землю деньги—и только".

Дѣйствительно, Борисовъ понапрасну истратилъ болѣе 3000 рублей и отказался отъ предпріятія.

Когда старецъ жилъ еще въ селѣ Бѣлоярскомъ, мѣстный священникъ, не видя его у себя на духу, первое время относился къ нему очень недружелюбно, предостерегая крестьянъ и совѣтуя имъ держаться подальше отъ старца, который, по мнѣнію священника, былъ раскольникомъ.

Однажды выведенный изъ терпѣнія хладнокровіемъ и упорствомъ, съ которымъ Феодоръ Козьмичъ отказывался принять отъ него Причастіе, священникъ назвалъ его при всемъ народѣ безбожникомъ.

Въ тотъ же день священникъ этотъ почувствовалъ себя очень плохо и къ вечеру слегъ въ постель.

Приглашенный изъ Ачинска врачъ призналъ его положеніе безнадежнымъ. Тогда,—по совѣту односельчанъ—разсказываетъ г. Мельницкій—семейство свя-

щенника обратилось къ Феодору Козьмичу и особенно, со слезами, стало просить его.

Старецъ, осмотрѣвъ больного, сдѣлалъ ему строгое внушеніе, какъ нужно относиться къ людямъ, которые никому не дѣлаютъ никакого зла, и какъ осторожно нужно дѣлать заключенія и произносить надъ людьми приговоръ, а затѣмъ сказалъ, что больной скоро поправится. Черезъ нѣсколько времени священнику, дѣйствительно, стало лучше, и Феодоръ Козьмичъ пріобрѣлъ въ немъ искренняго почитателя.

С. Ф. Хромовъ разсказывалъ, что однажды у него явилась мысль, какъ онъ можетъ и долженъ поступить, когда старецъ Феодоръ Козьмичъ скончается: для безпрепятственнаго погребенія потребуютъ документы старца, а у него ихъ нѣтъ. Безъ документовъ, пожалуй, и отпѣвать не будутъ. Будутъ производить дознаніе, а тѣло старца положатъ въ ледникъ. Мучимый этой мыслью, Хромовъ неоднократно приходилъ къ старцу съ намѣреніемъ спросить его о документахъ.

И, вотъ, однажды Феодоръ Козьмичъ совершенно неожиданно заговорилъ первый:

— Панокъ, неужели и въ тебя бѣсъ вселился. Если ты сомнѣваешься во мнѣ, то выбрось меня на улицу и пусть тамъ тѣло мое съѣдятъ псы.

Старецъ, такимъ образомъ, предугадалъ мысли Хромова.

Послѣдній со слезами попросилъ прощенія у старца, а въ сердцѣ своемъ положилъ твердое намѣреніе не покидать старца, что бы ни случилось.

На самомъ дѣлѣ вышло такъ, что при погребеніи не встрѣтилось никакихъ затрудненій или препятствій.

Однажды жена С. Ф. Хромова, Наталья Андреевна, пріѣхавъ на заимку, гдѣ лѣтомъ жилъ старецъ Феодоръ Козьмичъ, пошла провѣдать его и узнать, не нуждается ли онъ въ чемъ нибудь.

Войдя въ келью, она увидѣла, что старецъ си-

дитъ на лежанкѣ въ одной грубой холщевой рубашкѣ. Ей стало грустно и она подумала про себя:

— „Боже мой, какой человѣкъ и добровольно рѣшился идти на такой трудный подвигъ, взять на себя такой крестъ, смирить себя до такого состоянія".

Старецъ вдругъ встаетъ съ лежанки и обращается къ Хромовой:

— „Э, полно, любезная, на то была воля Божія".

Хромовъ передаетъ еще слѣдующій случай изъ жизни Феодора Козьмича.

Однажды онъ былъ у старца утромъ и нашелъ его совершенно здоровымъ. Вскорѣ послѣ этого къ Феодору Козьмичу пошла игуменья Енисейскаго монастыря и нашла дверь запертою. На стукъ и голосъ никто не отзывался. Сообщили объ этомъ Хромову. Кое-какъ отворили дверь и нашли старца лежащимъ на скамьѣ. Онъ не подавалъ никакихъ признаковъ жизни, не дышалъ, и тѣло его было холодно, какъ трупъ. Это продолжалось часовъ 7—8. Наконецъ, старецъ открылъ глаза, перекрестился и всталъ. Н. А. Хромова спросила его здоровъ ли онъ? Старецъ отвѣтилъ:

— „Совершенно здоровъ, по милости Божіей".

Этотъ случай произвелъ большое впечатлѣніе на всѣхъ присутствовавшихъ.

С. Ф. Хромовъ и многіе другіе передавали, что они неоднократно ощущали въ келіи Феодора Козьмича какое то необыкновенное благоуханіе, не похожее ни на благовоніе ладона, ни на запахъ какихъ либо духовъ. Между тѣмъ, какъ хорошо извѣстно всѣмъ, имѣвшимъ близкое соприкосновеніе со старцемъ, послѣдній никогда не имѣлъ у себя никакихъ ароматическихъ веществъ.

Неоднократно также въ келіи старца по ночамъ замѣчался какой то свѣтъ, тогда какъ старецъ никогда не зажигалъ у себя ни свѣчи, ни лампады.

Кто онъ?

Кто же онъ, этотъ невѣдомый, таинственный отшельникъ, покончившій свои дни въ далекой, непріютной Сибири?

Вышеприведенныя подробныя свѣдѣнія о жизни старца Феодора Козьмича въ его добровольномъ отшельничествѣ приводятъ къ несомнѣнному убѣжденію въ томъ, что онъ вовсе не былъ тѣмъ бродягой, „не помнящимъ родства", каковымъ онъ наименовалъ себя при задержаніи его въ 1837 году, около г. Красноуфимска. Наоборотъ, все указываетъ на то, что въ образѣ таинственнаго сибирскаго отшельника скрывалось лицо изъ высшаго класса общества, лицо, нѣкогда обладавшее силой, властью, пользовавшееся славой.

Но, кто же онъ?

Народная молва упорно связываетъ имя загадочнаго старца-отшельника съ высокимъ именемъ Александра Благословеннаго, несмотря на то, что самъ старецъ никогда не обнаруживалъ никакихъ признаковъ самозванства, а, напротивъ, всячески уклонялся отъ разспросовъ о своемъ происхожденіи, упорно называя себя бродягою.

Говорятъ, что поводомъ къ возникновенію такой молвы послужилъ изложенный уже нами выше эпизодъ, когда посѣтившій старца ссыльный придворный служитель узналъ въ лицѣ его Императора Александра I.

Кромѣ этого эпизода, неоднократно приходилось слышать разсказы о загадочныхъ посѣщеніяхъ Феодора Козьмича какими то высокопоставленными лицами, пріѣзжавшими издалека для одного только свиданія съ старцемъ,—даже, будто-бы, покойнымъ Наслѣдни-

комъ Цесаревичемъ Николаемъ Александровичемъ,— о какой то таинственной перепискѣ его то съ Кіевомъ, то съ Петербургомъ, о благословеніи, будто-бы, московскимъ митрополитомъ Филаретомъ Императора Александра Павловича на суровый подвигъ отшельничества и т. д.

Въ значительной степени способствовало распространенію легенды и укрѣпляло среди населенія вѣру въ нее и то обстоятельство, что старецъ Феодоръ Козьмичъ былъ, повидимому, очень хорошо знакомъ съ придворною жизнью, со многими интимными обстоятельствами жизни и царствованія Императора Александра Павловича, съ мельчайшими подробностями великой отечественной войны 1812 года.

Наконецъ, люди, интересовавшіеся загадочной исторіей сибирскаго старца, въ попыткахъ связать его имя съ именемъ Императора Александра Благословеннаго, указывали на странное совпаденіе появленія Феодора Козьмича въ Пермской губерніи со временемъ кончины преподобнаго Серафима Саровскаго, котораго Императоръ Александръ I, будто-бы, посѣтилъ во время послѣдней поѣздки своей изъ Петербурга въ Таганрогъ и у котораго онъ впослѣдствіи яко-бы нашелъ себѣ пріютъ.

Но всѣ эти слухи и данныя еще мало приближаютъ къ разгадкѣ исторіи таинственнаго старца.

А между тѣмъ молва о немъ давно уже перешла черезъ Уралъ и попала во внутреннюю Россію.

Она заинтересовала высокія сферы, нашла радушный пріемъ въ интеллигентномъ обществѣ, а затѣмъ постепенно проникла и въ широкія народныя массы.

Легенда заманчивая по своей драматичности и невольно приходятъ на умъ прекрасныя слова историка жизни и царствованія Александра Благословеннаго—Н. К. Шильдера:

„Если-бы фантастическія догадки и народныя преданія могли быть основаны на положительныхъ данныхъ и перенесены на реальную почву, то установленная этимъ путемъ дѣйствительность оставила-бы за собою самые смѣлые поэтическіе вымыслы.

Во всякомъ случаѣ подобная жизнь могла-бы послужить канвою для неподражаемой драмы, съ потрясающимъ эпилогомъ, основнымъ мотивомъ которой служило бы искупленіе.

Въ этомъ новомъ образѣ, созданномъ народнымъ творчествомъ, Императоръ Александръ Павловичъ,—

Александръ I и Св. Серафимъ Саровскій, послѣдній принимаетъ Императора проѣздомъ изъ С.-Петербурга въ Таганрогъ. Пустынникъ благословляетъ Царя на подвигъ смиренія...

этотъ „сфинксъ, неразгаданный до гроба“, безъ сомнѣнія, представился-бы самымъ трагическимъ лицемъ русской исторіи и его тернистый жизненный путь увѣнчался бы небывалымъ загробнымъ апоѳеозомъ, осѣненнымъ лучами святости“.

И, нужно сознаться, легенда, отождествляющая таинственнаго сибирскаго отшельника съ Императо-

ромъ Александромъ Благословеннымъ, имѣетъ за собою вѣскія основанія.

Мы далеки отъ мысли категорически утверждать, что старецъ Феодоръ Козьмичъ и Императоръ Александръ I—одно и то же лицо. Но, думаемъ, самъ читатель, вникнувъ поглужбе въ нижеприведенныя соображенія и данныя, заключитъ, что для возникновенія легенды, отождествляющей старца Феодора Козьмича съ Императоромъ Александромъ Благословеннымъ, имѣлись достаточно солидныя психологическія и фактическія основанія.

Прежде всего возникаетъ вопросъ, могъ ли Императоръ Александръ Павловичъ по самому складу своего характера добровольно подвергнуть себя такому тяжелому, такому необычайному для коронованной особы, для могущественнѣйшаго повелителя Великой Державы искусу, какъ полное лишеній и невзгодъ отшельничество въ далекихъ дебряхъ холодной Сибири, въ то время еще проклятой страны ссылки, принимавшей въ себя только всѣ отбросы Россіи.

Смѣемъ думать, что на этотъ вопросъ можетъ быть только утвердительный отвѣтъ.

Императоръ Александръ I былъ мистикъ по натурѣ, а трагическая исторія въ Михайловскомъ замкѣ, жертвой которой палъ отъ руки гнусныхъ убійцъ Императоръ Павелъ I, могла послужить толчкомъ для возникновенія у Александра Павловича идеи объ искупленіи, быть можетъ, невольнаго грѣха.

Мы считаемъ не лишнимъ здѣсь сказать нѣсколько словъ относительно участія Александра I въ мрачной трагедіи Михайловскаго замка.

Александръ Павловичъ, какъ нынѣ положительно доказано, не только не былъ участникомъ убійства Императора Павла I, но даже взялъ слово съ участниковъ заговора 11-го марта 1801 года, что жизни и здоровью родителя не будетъ угрожать никакая опасность [1]).

[1]) Вотъ что пишетъ въ своихъ въ высокой степени интересныхъ запискахъ графиня Дарія Христофоровна Ливенъ, жена любимца Императора Павла и его военнаго министра графа Х. А. Ливена, съ ранней юности находившаяся въ близкихъ отношеніяхъ къ

Обстоятельства сложились иначе.

Императоръ Павелъ Петровичъ трагически погибъ, а сынъ, чуткій душею, нѣжный, отзывчивый, не могъ простить себѣ ничтожнаго пассивнаго участія въ заговорѣ, имѣвшемъ цѣлью сверженіе съ престола его отца, и считалъ себя невольнымъ соучастникомъ ужаснаго преступленія.

Страшныя муки совѣсти легко могли навести впечатлительнаго, мистически настроеннаго Александра на мысль объ искупленіи сознаваемаго въ душѣ грѣха. Нѣтъ ничего невѣроятнаго, что мысль эта, развиваясь и усиливаясь, въ своемъ практическомъ осуществленіи и приняла такую тяжелую форму, какъ добровольное,

---

царской семьѣ и по свойственной ей любознательности и наблюдательности вполнѣ точно освѣдомленная о всѣхъ перепетіяхъ, которыя привели Павла I къ его скорбному концу. (Д. Х. Ливенъ. „Кончина Императора Павла“, „Историческій Вѣстникъ“, май, 1906 г.).

„Разсказывали не разъ, будто Великій Князь Александръ былъ нѣсколько посвященъ въ заговоръ, такъ какъ заговорщики для обезпеченія себѣ безопасности должны были принять въ этомъ направленіи нѣкоторыя предосторожности...

Великій Князь былъ молодъ, всѣ видѣли, что онъ скорбитъ и терзается за другихъ, оплакивая жертвы подозрительной тиранніи, дѣйствіе которой отражалось прежде всего на немъ самомъ. Его, быть можетъ, и увѣрили въ томъ, что обращеніе къ Императору рѣшительныхъ и энергичныхъ требованій отъ особъ, приближенныхъ къ престолу и преданныхъ служенію родинѣ и славѣ Имперіи, образумятъ наконецъ Императора, и онъ отмѣнитъ прежніе жестокіе указы и вернется къ болѣе умѣренному образу дѣйствій. Неопытность могла заставить Александра повѣрить такимъ обѣщаніямъ. Только въ такихъ предѣлахъ и могъ онъ санкціонировать дѣйствія заговорщиковъ, направляемыя къ такой именно цѣли. Но это и все. Для всякаго, кто зналъ ангельскую чистоту характера Александра, не можетъ быть никакихъ сомнѣній въ томъ, что дальше благонамѣренныхъ пожеланій его воображенію ничто другое и не рисовалось, а самые порывы отчаянія, какимъ Государь предавался вслѣдъ за неожиданной катастрофой, устранили въ многочисленныхъ свидѣтеляхъ этихъ ужасныхъ минутъ всякую тѣнь сомнѣнія въ этомъ отношеніи“.

А вотъ какъ Н. А. Энгельгардтъ („Окровавленный тронъ“. „Историческій Вѣстникъ“, декабрь, 1907 г.) описываетъ тотъ моментъ, когда молодой Императоръ впервые увидѣлъ обезображенное гнусными убійцами тѣло отца:

„Едва Императрица Марія Феодоровна вошла въ опочивальню и увидѣла тѣло супруга, громкій вопль излетѣлъ изъ груди ея.

Шталмейстеръ Мухановъ и докторъ Роджерсонъ поддержали Марію Феодоровну. Великія княжны тихо плакали.

Съ минуту всѣ стояли неподвижно. Страшная тишина была вокругъ мертвеца.

Тогда Императрица стала приближаться къ тѣлу. Колѣни ея медленно сгибались, и она поникла, цѣлуя маленькую изящную, уже пожелтѣвшую, восковую руку Императора.

суровое, полное подвиговъ и лишеній, отшельничество въ сибирскихъ дебряхъ.

Нельзя затѣмъ не вспомнить, что Александръ Павловичъ уже съ молодыхъ лѣтъ тяготился своимъ высокимъ призваніемъ и издавна имѣлъ тайное намѣреніе отречься отъ престола и перейти къ частной жизни.

Обыкновенно думали, что это намѣреніе родилось въ немъ послѣ низложенія Наполеона, когда Императоръ Александръ, возстановитель законныхъ царствъ и умиротворитель Европы, утомленный славою величія, разочарованный въ мечтахъ о благодарности и привязанности человѣческой, сосредоточился болѣе въ самомъ себѣ и отъ помысловъ земныхъ воспарилъ къ небеснымъ.

— Ахъ, другъ мой,—могла она только промолвить.

Вдругъ загрохотали барабаны караула, стоявшаго съ другой стороны опочивальни.

Вошли Александръ и Елизавета, сопровождаемые графомъ Паленомъ и княземъ Платономъ Зубовымъ.

Златокудрый, юный Александръ, не смотря на всю скорбь свою, проѣхавшись въ Зимній дворецъ и обратно, овѣянный весеннимъ дыханіемъ солнечнаго, прелестнаго утра, получивъ уже множество знаковъ безпредѣльнаго обожанія со стороны государственныхъ чиновъ, гвардіи и толпившагося на улицахъ радостнаго народа, входя въ опочивальню, внесъ съ собою струю жизни и отраженіе блеска ея на нѣжныхъ алыхъ устахъ и чуть опушенныхъ ланитахъ и на прекрасныхъ очахъ своихъ.

Но когда онъ впервые увидѣлъ изуродованное лицо своего отца, съ надвинутымъ на проломленный високъ и зашибленный глазъ краемъ шляпы, накрашенное и подмазанное и все же, не смотря на гримировку, обнаруживавшее ужасные синіе кровоподтеки, тогда юноша впервые ясно понялъ и представилъ себѣ, что произошло съ несчастнымъ родителемъ его. Пораженный, нѣмой, побѣлѣвъ, какъ полотно, неподвижно остановился онъ, вперивъ широко раскрытый, полный ужаса взоръ на страшные останки самодержца.

Императрица-мать на шумъ обернулась къ входящимъ.

Нѣсколько мгновеній она переводила взоръ съ сына на мертваго мужа и обратно.

Затѣмъ, отступивъ отъ тѣла, она сказала сыну негромко, но отчетливо, съ выраженіемъ глубочайшаго горя и совершеннаго достоинства:

— Теперь васъ поздравляю:—вы Императоръ.

При этихъ словахъ Императоръ Александръ, какъ снопъ, рухнулъ во весь ростъ безъ чувствъ.

Никто не успѣлъ поддержать его.

И слышно было, какъ античная, златокудрая голова его звонко ударилась о полъ.

Императрица взглянула на сына безъ всякаго волненія, взяла подъ руку шталмейстера Муханова и, поддерживаемая имъ и графиней Ливенъ, удалилась въ свои аппартаменты"...

Но, однако, какъ говорятъ неопровержимыя историческія данныя, желаніе оставить престолъ жило въ душѣ Александра Павловича, даже повѣрялось имъ лицамъ близкимъ еще ранѣе этого апогея его величія.

У воспитателя Александра Павловича Лагарпа были письма, относящіяся къ самымъ первымъ годамъ царственнаго пути его бывшаго питомца.

— „Когда Провидѣніе,—писалъ Александръ Лагарпу,—благословитъ меня возвести Россію на степень желаемаго мною благоденствія, первымъ моимъ дѣломъ будетъ сложить съ себя бремя управленія и удалиться въ какой нибудь уголокъ Европы, гдѣ я стану безмятежно наслаждаться добромъ, утвержденнымъ въ отечествѣ".

Но этого мало.

Есть данныя, указывающія на то, что мысль объ отреченіи отъ престола проявлялась у Александра Павловича даже въ то время, когда онъ былъ юношей, почти ребенкомъ, еще при жизни Императрицы Екатерины II, когда между нимъ и престоломъ стоялъ еще его родитель.

Въ составленной по Высочайшему повелѣнію, рѣдкой нынѣ, книгѣ барона Корфа[1]) приведенъ въ высокой степени любопытный документъ, представляющій собою, по всей вѣроятности, первый гласный проблескъ этого намѣренія, и свидѣтельствующій кромѣ того о возвышенномъ образѣ мыслей, о чуткости и нѣжности чувствъ, которыя представляютъ Александра Благословеннаго такимъ поэтическимъ явленіемъ въ нашей исторіи.

Документъ этотъ—письмо 18-ти лѣтняго Великаго Князя отъ 10 мая 1796 года къ Виктору Павловичу Кочубею, тогдашнему посланнику россійскому къ Константинополѣ и одному изъ искреннѣйшихъ друзей Александра Павловича. Письмо это писано на французскомъ языкѣ и въ переводѣ на русскій буквально гласитъ слѣдующее:

---

[1]) „Восшествіе на престолъ Императора Николая I" (С.-П.-Б 1857 года).

„Настоящее письмо, мой любезный другъ, вручитъ вамъ г. Гаррикъ, о которомъ я уже писалъ вамъ прежде. Это даетъ мнѣ случай поговорить съ вами откровенно о многомъ.

Сознайтесь, дорогой другъ, что вы, дѣйствительно, дурно поступаете, не извѣщая меня ни о чемъ лично васъ касающемся: только теперь я узналъ, что вы взяли отпускъ и ѣдете лѣчиться въ Италію, а оттуда на нѣкоторое время въ Англію. Отчего вы мнѣ объ этомъ не написали ни слова? Я начинаю думать, что вы или сомнѣваетесь въ моей дружбѣ къ вамъ, или не имѣете достаточнаго ко мнѣ довѣрія, которое, смѣло могу сказать, вполнѣ заслуживаю моею безпредѣльною къ вамъ дружбою. Во имя ея умоляю васъ передайте мнѣ все, что до васъ относится, чѣмъ, вѣрьте, доставите мнѣ самое большое удовольствіе. Впрочемъ, признаюсь, я восхищенъ, что вы разстались съ мѣстомъ, которое приносило вамъ только однѣ непріятности, не вознаграждая за нихъ никакими наслажденіями.

Г. Гаррикъ очень милый малый. Онъ провелъ здѣсь нѣсколько времени и ѣдетъ теперь въ Крымъ, откуда отправится въ Константинополь. Считаю его очень счастливымъ, потому что онъ будетъ имѣть случай видѣть васъ, и даже въ нѣкоторомъ отношеніи завидую его положенію, тѣмъ болѣе, что отнюдь не доволенъ своимъ. Я чрезвычайно радъ, что рѣчь объ этомъ зашла сама собою, безъ чего очень затруднился бы завести ее. Да, милый другъ, повторю снова: мое положеніе меня вовсе не удовлетворяетъ. Оно слишкомъ блистательно для моего характера, которому нравится исключительная тишина и спокойствіе. Придворная жизнь не для меня создана. Я всякій разъ страдаю, когда долженъ явиться на придворную сцену, и кровь портится во мнѣ при видѣ низостей, совершаемыхъ другими на каждомъ шагу для полученія внѣшнихъ отличій, не стоющихъ въ моихъ глазахъ мѣднаго гроша. Я чувствую себя несчастнымъ въ обществѣ такихъ людей, которыхъ не желалъ бы имѣть у себя и лакеями, а между тѣмъ, они занимаютъ здѣсь выс-

шія мѣста, какъ напримѣръ:—З... П... Б... оба С... М... и множество другихъ, которыхъ не стоитъ даже называть и которые, будучи надменны съ нисшими, пресмыкаются передъ тѣмъ, кого боятся. Однимъ словомъ, мой любезный другъ, я сознаю, что не рожденъ для того высокаго сана, который ношу теперь, и еще менѣе для предназначеннаго мнѣ въ будущемъ, отъ котораго я далъ себѣ клятву отказаться тѣмъ или другимъ образомъ.

Вотъ, любезный другъ, важная тайна, которую я уже давно хотѣлъ передать вамъ; считаю излишнимъ просить васъ не сообщать о ней никому, потому что вы сами поймете, какъ дорого я могъ бы за нее поплатиться.

Я просилъ г. Гаррика сжечь это письмо, если бы ему не удалось лично вамъ его вручить и никому не передавать для доставленія его вамъ.

Я обсудилъ этотъ предметъ со всѣхъ сторонъ. Надобно вамъ сказать, что первая мысль о немъ родилась у меня еще прежде, чѣмъ я съ вами познакомился и что я не замедлилъ придти къ настоящему своему рѣшенію.

Въ нашихъ дѣлахъ господствуетъ неимовѣрный безпорядокъ; грабятъ со всѣхъ сторонъ; всѣ части управляются дурно; порядокъ, кажется, изгнанъ отовсюду, а Имперія, не смотря на то, стремится лишь къ расширенію своихъ предѣловъ. При такомъ ходѣ вещей возможно ли одному человѣку управлять Государствомъ, а тѣмъ болѣе—исправить укоренившіяся въ немъ злоупотребленія; это—выше силъ не только человѣка, одареннаго, подобно мнѣ, обыкновенными способностями, но даже генія, а я постоянно держался правила, что лучше совсѣмъ не браться за дѣло, чѣмъ исполнять его дурно. Слѣдуя этому правилу, я и принялъ рѣшеніе, о которомъ сказалъ вамъ выше.

Мой планъ состоитъ въ томъ, чтобы, по отреченіи отъ этого труднаго поприща (я не могу еще положительно назначить срокъ сего отреченія), поселиться съ женою на берегахъ Рейна, гдѣ буду жить

спокойно частнымъ человѣкомъ, полагая мое счастье въ обществѣ друзей и въ изученіи природы.

Вы вольны смѣяться надо мною и говорить, что это намѣреніе не сбыточное; но, подождите исполненія, и уже тогда произнесите приговоръ. Знаю, что вы осудите меня, но не могу поступить иначе, потому что покой совѣсти ставлю первымъ для себя закономъ, а могла ли бы она оставаться спокойною, если бы я взялся за дѣло не по моимъ силамъ.

Вотъ, мой милый другъ, что я такъ давно желалъ сообщить вамъ. Теперь, когда все высказано, мнѣ только остается увѣрить васъ, что гдѣ бы я ни былъ—счастливымъ или несчастнымъ, богачемъ или бѣднымъ—ваша дружба ко мнѣ будетъ всегда однимъ изъ величайшихъ для меня утѣшеній; моя же къ вамъ, вѣрьте, кончится только съ жизнью.

Прощайте, мой дорогой и истинный другъ; увидѣть Васъ было бы для меня пока самымъ счастливымъ событіемъ.

Жена моя вамъ кланяется; ея мысли совершенно согласны съ моими".

Мысль объ отреченіи отъ престола не оставляла Императора и впослѣдствіи.

Въ цитированной уже нами чрезвычайно интересной книгѣ барона Корфа находимъ слѣдующій эпизодъ, находящій себѣ подтвержденіе и въ другихъ источникахъ и, между прочимъ, въ запискахъ Императрицы Александры Феодоровны.

Было лѣто 1819 года.

Гвардейскіе полки стояли лагеремъ подъ Краснымъ Селомъ.

Кончилась очередь 2-ой бригады 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи, которую составляли въ то время полки лейбъ-гвардіи Измайловскій и Егерскій и лейбъ-гвардіи Саперный баталіонъ.

Этою бригадою командовалъ Великій Князь Николай Павловичъ.

Государь 13 іюля лично присутствовалъ при сдѣланномъ ей передъ выступленіемъ изъ лагеря

линейномъ ученіи, остался очень доволенъ и былъ чрезвычайно милостивъ къ своему брату.

Послѣ ученія Императоръ съ братомъ и Великой Княгиней Александрой Феодоровной обѣдали втроемъ. Обѣдъ сопровождался разговоромъ, получившемъ историческое значеніе.

По разсказамъ Александры Феодоровны, Императоръ Александръ Павловичъ, сидя послѣ обѣда между ними и дружески бесѣдуя, вдругъ перемѣнилъ тонъ, сдѣлался чрезвычайно серіозенъ и далъ бесѣдѣ совершенно неожиданный оборотъ.

Въ слѣдующихъ приблизительно выраженіяхъ онъ началъ говорить своимъ слушателямъ, что онъ остался утромъ доволенъ тѣмъ, какъ братъ исполнялъ свои обязанности въ качествѣ Начальника бригады, что онъ обрадованъ такимъ отношеніемъ къ службѣ со стороны Великаго Князя. Съ радостію онъ взираетъ и на семейное счастье молодой четы (у нея былъ уже тогда сынъ Александръ, впослѣдствіи Императоръ Александръ II и Великая Княгиня была беременна дочерью Маріею). Самъ онъ никогда не испыталъ этого счастья, виня въ этомъ связь, которую имѣлъ въ молодости; что, впрочемъ, и воспитаніе, данное ему и брату его Константину, не было направлено къ тому, чтобы научить цѣнить подобное счастье, и у нихъ у обоихъ нѣтъ даже дѣтей, которыхъ можно бы имъ признать.

Монархамъ,—продолжалъ онъ далѣе,—для тяжелыхъ и постоянныхъ трудовъ, сопряженныхъ съ исполненіемъ лежащихъ на нихъ обязанностей, необходимы сверхъ другихъ качествъ въ нашемъ вѣкѣ еще болѣе, чѣмъ когда-либо—здоровье и физическая крѣпость, а онъ чувствуетъ постоянное ихъ ослабленіе и предвидитъ, что вскорѣ не будетъ болѣе въ состояніи исполнить эти обязанности такъ, какъ онъ всегда ихъ понималъ. Поэтому онъ считаетъ за долгъ и непреложно рѣшился отказаться отъ Престола, лишь только замѣтитъ по упадку своихъ силъ, что настало къ тому время.

— Я не разъ говорилъ объ этомъ съ братомъ

Константиномъ,—заключилъ Государь,—но онъ, будучи однихъ со мною лѣтъ, въ тѣхъ же семейныхъ обстоятельствахъ и съ врожденнымъ сверхъ того отвращеніемъ отъ престола, рѣшительно не хочетъ мнѣ наслѣдовать, тѣмъ болѣе, что мы оба видимъ на Васъ явный знакъ благодати Божіей, даровавшей Вамъ сына [1]).

— Итакъ, Вы должны напередъ знать, что призываетесь въ будущемъ къ Императорскому сану.

Какъ громомъ были поражены молодые супруги этою внезапною и грозною для нихъ вѣстью. Въ слезахъ они не находили словъ для отвѣта.

Видя сильное волненіе Великаго Князя и его супруги, Императоръ Александръ съ отличавшей его ангельскою лаской старался ихъ ободрить и успокоить.

— „Минута переворота, такъ васъ устрашившаго,—сказалъ онъ,—еще не наступила; до нея, быть можетъ, пройдетъ еще лѣтъ десять, а моя цѣль теперь была только та, чтобы Вы заблаговременно пріучили себя къ мысли о непреложно и неизбѣжно ожидающемъ вамъ будущемъ".

Напрасно Великій Князь представлялъ, что никогда не готовился къ великому сану Императора, что не чувствуетъ въ себѣ для такого великаго дѣла ни достаточныхъ силъ. ни достаточной крѣпости духа, что у него одно желаніе—служить всегда Государю отъ всей души и всего разумѣнія въ назначенномъ ему кругу обязанностей, далѣе чего и не простираются его помыслы. Государь дружески отвѣчалъ, что онъ самъ при вступленіи на престолъ находился въ подобномъ же положеніи; что сверхъ того дѣла тогда были крайне запущены, по отсутствію всякихъ основныхъ началъ въ управленіи, ибо

---

[1]) Въ книгѣ А. Ф. Гримма (бывшаго воспитателемъ младшихъ сыновей Императора Николая I), изданной въ 1866 г. въ Лейпцигѣ на нѣмецкомъ языкѣ, подъ заглавіемъ „Русская Императрица Александра Феодоровна", это мѣсто разговора передано такимъ образомъ.

„Богъ благословилъ Вашъ бракъ. А въ сынѣ, котораго Онъ Вамъ даровалъ, я вижу знаменіе, что Онъ назначилъ Васъ и Ваше потомство для сохраненія трона и государства".

хотя въ послѣдніе годы жизни Императрицы Екатерины порядку было и мало, но все нѣсколько держалось еще прежнимъ. Со вступленіемъ же на престолъ ихъ родителя, вслѣдствіе принятаго правила совершенно уничтожать все, дотолѣ существовавшее, и остальной порядокъ былъ разрушенъ безъ замѣны другимъ. Слѣдовательно, его положеніе было еще труднѣе, тогда, какъ теперь, послѣ преобразованій, совершенныхъ въ его царствованіе, Великій Князь найдетъ все въ законномъ теченіи и устройствѣ и ему придется только ихъ поддерживать.

Послѣ этого черты Императора снова приняли мало по малу ихъ обыкновенное, пріятное выраженіе, словно у него самого стало легче на душѣ.

Онъ оставилъ молодую чету съ выраженіемъ сердечнаго участія

Когда супруги остались одни, Великій Князь сказалъ, что весь этотъ разговоръ былъ, вѣроятно, лишь результатомъ случайнаго настроенія, намекомъ, и что отъ него зависитъ принять предложеніе Императора, или отклонить, какъ это сдѣлалъ братъ Константинъ.

Великій Князь прибавилъ, что намѣренъ послѣдовать его примѣру.

Позднѣе Императоръ Александръ сообщилъ о своемъ планѣ принцу Вильгельму Прусскому и тотъ поспѣшилъ поздравить зятя и сестру съ такою высокою будущностью.

Но Великій Князь отклонилъ всякое участіе въ этомъ дѣлѣ, заявивъ, что онъ ничего объ этомъ не знаетъ и не принимаетъ никакихъ поздравленій.

Императоръ больше ни разу не обсуждалъ со своимъ братомъ этого важнаго вопроса, а Великій Князь Николай Павловичъ въ свою очередь избѣгалъ всякаго намека, въ глубокомъ убѣжденіи, что это было лишь случайной мыслью Императора.

Мы нарочно привели подробно всѣ эти данныя, ибо въ нихъ не мало серіозныхъ основаній для возникновенія легенды о томъ, что Императоръ Александръ Павловичъ не умеръ въ Таганрогѣ.

Къ тому же цѣлый рядъ несомнѣнныхъ историческихъ данныхъ подтверждаетъ, что Императоръ еще задолго до своего удаленія въ Таганрогъ не чувствовалъ себя счастливымъ на престолѣ, тяготился своимъ положеніемъ и все чаще и чаще возвращался къ мысли, запавшей еще въ юную впечатлительную душу его.

А тутъ какъ разъ открывшійся заговоръ, угрожавшій и спокойствію Россіи и личной безопасности Государя.

Если сюда прибавить тяжелыя воспоминанія о трагической кончинѣ отца, то все это, вмѣстѣ взятое, не могло не подѣйствовать на впечатлительную, мистически настроенную душу Государя, и нѣтъ ни чего невѣроятнаго, съ точки зрѣнія психологической, что Александръ I исполнилъ свое давнишнее намѣреніе, оставилъ престолъ и удалился.

Но удалился онъ не въ „какой-нибудь уголокъ Европы, чтобы безмятежно наслаждаться добромъ, утвержденнымъ въ отечествѣ“,—какъ мечталъ онъ въ юности, а въ далекую, холодную, непріютную Сибирь, чтобы долгимъ тяжелымъ подвигомъ добровольнаго отшельничества искупить свои вольныя и невольныя прегрѣшенія.

Невольно приходятъ на память слова, сказанныя Александромъ Павловичемъ послѣ вторженія въ Россію полчищъ Наполеона:

— „Я отрощу себѣ бороду и лучше соглашусь питаться хлѣбомъ въ нѣдрахъ Сибири, нежели подпишу стыдъ моего отечества и добрыхъ моихъ подданныхъ“.

Таковы психологическія основанія возможности изложенной въ легендѣ исторіи кончины Императора Александра Павловича въ Сибири, въ образѣ старца Феодора Козьмича.

Въ высокой степени интересныя соображенія о этой возможности съ психологической точки зрѣнія приводитъ нѣкто Д. Д. въ статьѣ „Одна изъ послѣднихъ легендъ“, помѣщенной въ Саратовской газетѣ „Волга“ отъ 25 іюля 1907 года.

Г. Д. Д. съ дѣтства знакомъ съ интересующей насъ „легендой", много думалъ надъ ней, собиралъ на мѣстѣ свѣдѣнія, спрашивалъ современниковъ событія.

И что же?..

— „Изъ всего этого,—пишетъ г. Д. Д.—я вынесъ глубокое убѣжденіе, что безъ признанія этой легенды невозможно нарисовать себѣ духовный образъ покойнаго Императора Александра Павловича, что этой именно легендой вполнѣ объясняется и исчерпывается та двойственность личности, какая признана всѣми историками, бросалась въ глаза всѣмъ современникамъ и толковалась вкривь и вкось всѣми, кого поражала эта невообразимая смѣсь скрытности и искренности, активности и пассивности, величія и уничиженія, гордости и скромности, шума и тишины, вспышекъ характера и уступчивости, царственнаго величія и сознанія ничтожности.

Только глубокій разладъ съ самимъ собою, только затаенное, не могущее быть высказаннымъ кому бы то ни было горе, несчастье, только сознаніе вольной или невольной, но какой то ужасной вины могутъ быть объяснены и приведенной легендой и тѣми легендарными мотивами, какіе я въ молодости слышалъ на югѣ отъ лицъ—современниковъ царствованія и смерти Александра Благословеннаго.

Больная, мятущаяся душа, сознавшая и свой, и міровой грѣхъ, великая душа могла найти прощеніе и утѣшеніе только именно такимъ искусомъ. Намъ, мелкимъ людямъ мелкаго и подлаго времени не понять глубины горя рѣдкаго по духовной чистотѣ человѣка, не постичь истиннаго величія. Здѣсь нуженъ не нашъ обыденный, а Шекспировскій полетъ и масштабъ.

Но не одинъ Благословенный старецъ страдалъ.

Его страданія отразились извѣстнымъ образомъ на его душѣ. Тѣ же страданія иначе отразились, но отразились сильно на другой тоже не мелкой личности—его братѣ Константинѣ Павловичѣ.

Опять таки безъ этой легенды, безъ этой подразумѣваемой тайны, безъ этой малой вины, безвинной,

быть можетъ, въ большомъ чужомъ грѣхѣ, нѣтъ и не можетъ быть объясненія и второго крупнаго характера и второй трагической личности—Константина Павловича. Оба отказались отъ власти; гроза, прошедшая въ молодости, не сломила этихъ двухъ гигантовъ, не подорвала ихъ корни, но поставила предъ ихъ духовнымъ взоромъ нѣчто страшное, великое, вѣчное...

Вотъ откуда мистика одного, нервность другого...

Я давно уже признаю эту легенду историческимъ фактомъ. Я давно уже горжусь тѣмъ, что русская исторія дала такого необыкновеннаго Царя, такую страшную мощь духовной силы. И я убѣжденъ, что такимъ могъ быть только Русскій Царь"...

Еще одна черта—чисто русская, народная, о которой въ данной „легендѣ" никто до сихъ поръ не думалъ.

Вѣдь старецъ Феодоръ Козьмичъ добровольно пострадалъ. Вспомните великаго Достоевскаго, вспомните его анализъ стремленія русской души „пострадать": Христосъ страдалъ—и я долженъ „пострадать", и непремѣнно физически „пострадать", перенести человѣческое униженіе и боль... Вспомните, вѣдь старецъ Феодоръ Козьмичъ принялъ званіе не „Христа ради юродиваго", не въ схиму постригся, что было и возможно, и легко, и безопасно со стороны тайны,—нѣтъ, онъ назвался „непомнящимъ родства", упорнымъ безпаспортнымъ, „бѣглымъ", и „бродягою" по тогдашнему опредѣленію, принялъ наказаніе плетьми и былъ сосланъ на поселеніе...

Таковы, въ общихъ чертахъ, психологическія основанія возможности „легенды". Обратимся теперь къ фактическимъ основаніямъ.

Князь Н. С. Голицынъ, впервые, кажется, записавшій народную легенду о таинственномъ сибирскомъ отшельникѣ, объясняетъ причину ея появленія тѣмъ обстоятельствомъ, что Феодоръ Козьмичъ по наружности имѣлъ большое сходство съ Императоромъ Александромъ I.

Вотъ что пишетъ онъ въ ноябрьскомъ выпускѣ „Русской Старины“ за 1880 годъ:

„Однажды, въ 60-хъ годахъ, одинъ пріятель мой, котораго я навѣстилъ, показалъ мнѣ небольшую фотографическую карточку, говоря:

— „Посмотрите, не найдете ли сходства съ кѣмъ нибудь, вамъ извѣстнымъ.

Смотрю—и вижу: великаго роста и благолѣпнаго вида старецъ, почти съ обнаженною отъ волосъ головою, въ бѣлой крестьянской рубахѣ, опоясанный поясомъ, стоящій среди крестьянской хижины. Лицо—прекрасное, кроткое, величественное; никакого сходства ни съ кѣмъ припомнить не могу. Наконецъ пріятель мой спрашиваетъ меня:

— Не находите ли сходства съ... покойнымъ Императоромъ Александромъ Павловичемъ.

Я крайне удивился, началъ пристальнѣе всматриваться и, точно, сталъ понемногу находить нѣкоторое сходство и въ чертахъ лица, и въ ростѣ. Но я недоумѣвалъ, что значили эти борода, одежда, хижина. Тогда пріятель и разсказалъ мнѣ распространенную въ Сибири легенду объ Императорѣ Александрѣ I, скрывшемся, будто-бы, отъ мірской суеты въ образѣ отшельника Феодора Козьмича“...

Въ Императорской публичной библіотекѣ есть превосходный, во весь ростъ, портретъ Императора Александра Благословеннаго. Изображеніе Императора на этомъ портретѣ имѣетъ поразительное сходство съ изображеніемъ старца Феодора Козьмича.

Указываютъ, затѣмъ, на портретъ Александра I, имѣющійся въ Московскомъ коммерческомъ училищѣ и также весьма схожій съ карточкой старца. На этомъ портретѣ даже поза (одна рука, лѣвая, заложена за поясъ, другая—на груди) та же самая, что на портретѣ Феодора Козьмича.

Конечно, одно сходство Императора Александра Благословеннаго съ таинственнымъ сибирскимъ отшельникомъ еще ничего не доказываетъ: сходство это могло быть чисто случайнымъ. Но совершенно иную цѣнность пріобрѣтаетъ оно въ связи съ дру-

гими обстоятельствами, могущими дать поводъ къ возникновенію „легенды“.

А такія обстоятельства имѣются.

Послѣдніе дни царствованія Императора Александра I, начиная съ его отъѣзда изъ Петербурга въ послѣднее путешествіе въ Таганрогъ, и обстоятельства непосредственно предшествовавшія 19-му ноября 1825 года, заключаютъ въ себѣ много необъяснимаго, загадочнаго, таинственнаго.

Самая обстановка отъѣзда Государя изъ Петербурга невольно наталкиваетъ на мысль, что Императоръ Александръ или предчувствовалъ близкую кончину, или прощался подъ давленіемъ неотвязно преслѣдовавшей его затаенной мечты — удалиться отъ власти.

Вотъ какъ описываетъ картину отъѣзда Императора изъ Петербурга Н. К. Шильдеръ въ своемъ превосходномъ, единственномъ по полнотѣ сочиненіи: „Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе“.

1-го сентября 1825 года Императоръ Александръ покинулъ свою столицу уже навсегда. Ночная тишина и мракъ царствовали надъ городомъ, когда онъ выѣхалъ одинъ, безъ всякой свиты, изъ Каменноостровскаго дворца.

Въ 4 часа съ четвертью по полуночи коляска остановилась у монастырскихъ воротъ Александро-Невской лавры. Здѣсь ожидали Государя митрополитъ Серафимъ, архимандриты въ полномъ облаченіи и вся братія. Александръ Павловичъ въ фуражкѣ, шинели и сюртукѣ, безъ шпаги поспѣшно вышелъ изъ коляски, приложился къ св. Кресту, былъ окропленъ святою водою, принялъ благословеніе отъ митрополита и, приказавъ затворить за собою ворота, направился въ соборную церковь. Хоръ пѣлъ тропарь: „Спаси, Господи, люди твоя“...

Въ соборѣ Государь остановился передъ ракою святого Александра Невскаго. Начался молебенъ, во время котораго Императоръ плакалъ.

Когда наступило время чтенія Евангелія, Государь, приблизившись къ митрополиту, сказалъ: „по-

ложите мнѣ евангеліе на голову", и съ этими словами опустился на колѣни подъ Евангеліемъ.

По окончаніи молебна, положивъ три поклона предъ мощами Благовѣрнаго Князя, приложившись къ его образу онъ поклонился всѣмъ, бывшимъ за молебномъ.

Изъ собора Государь зашелъ ненадолго къ митрополиту, посѣтилъ келью схимника Алексѣя, принялъ отъ него благословеніе и вышелъ, чтобы продолжать свое путешествіе.

Садясь въ коляску, онъ поднялъ къ небу глаза, наполненные слезами, и, обратясь еще разъ къ митрополиту и братіи, сказалъ: „помолитесь обо мнѣ и о женѣ моей". Лаврою до самыхъ воротъ онъ ѣхалъ съ открытою головою часто оборачивался, кланялся и крестился, смотря на соборъ.

Въ книгѣ И. А. Галактіонова: „Императоръ Александръ I и его царствованіе" (СПБ. 1877)—находимъ еще слѣдующій разсказъ о послѣднихъ дняхъ пребыванія Александра Павловича въ столицѣ.

За два дня до отъѣзда, Государь отправился на молебствіе въ Александро-Невскую Лавру, въ сопровожденіи Великихъ Князей Николая и Михаила Павловичей и высшихъ государственныхъ сановниковъ. Въ лаврѣ его ожидало все высшее столичное духовенство. Послѣ литургіи Государь пошелъ завтракать къ митрополиту Серафиму и здѣсь, отозвавъ его въ сторону, сказалъ шепотомъ: „прошу васъ отслужить для меня одного завтра панихиду, которую желаю отслушать передъ отъѣздомъ въ южныя губерніи".

— „Панихиду"?—спросилъ удивленный митрополитъ.

— „Да", отвѣтилъ Государь и тяжело вздохнулъ. „Отправляясь куда-либо, я обыкновенно приношу молитву въ Казанскомъ соборѣ, но настоящее мое путешествіе не похоже на прежнія... И къ тому же здѣсь почиваютъ мои малолѣтнія дочери и вблизи отсюда столь же дорогая мнѣ... Да будетъ мой путь подъ покровомъ этихъ ангеловъ"...

Передъ выѣздомъ изъ Петербурга, Государь

остановился у заставы, привсталъ въ коляскѣ и, обратившись назадъ, въ задумчивости нѣсколько минутъ глядѣлъ на городъ, какъ-бы прощаясь съ нимъ...

„Было ли то грустное предчувствіе, навѣянное встрѣчею со схимникомъ, была ли то твердая рѣшимость не возвращаться Императоромъ, кто можетъ рѣшить этотъ загадочный вопросъ", такъ заканчиваетъ сцену послѣдняго разставанія Императора Александра Павловича съ его столицею Н. К. Шильдеръ.

Не правдоподобнѣе ли послѣднее предположеніе историка царствованія Александра I.

Если можно объяснить предчувствіемъ горячую молитву Императора передъ отъѣздомъ, если тѣмъ же объясняется его трогательное разставаніе съ Петербургомъ, когда онъ „привсталъ на коляскѣ и нѣсколько минутъ глядѣлъ на городъ, какъ-бы прощаясь съ нимъ", то таинственная ночная панихида, ночное же молебствіе въ Александро-Невской Лаврѣ, произнесенныя Государемъ слова, что „настоящее мое путешествіе не похоже на прежнія"—указываютъ на преднамѣренность, наводятъ на мысль, что Императоръ замыслилъ что то важное, о чемъ не хотѣлъ, чтобы, не только знали, но и подозрѣвали другіе, что должно было сохраняться въ строжайшей тайнѣ. И не было ли, дѣйствительно, это важное намѣреніе—„твердою рѣшимостью не возвращаться Императоромъ", какъ предполагаетъ Н. К. Шильдеръ. Здравый смыслъ говоритъ за возможность этого, тѣмъ болѣе, что, какъ мы уже видѣли выше, Государя тяготило его высокое положеніе и онъ уже давно высказывалъ намѣреніе отречься отъ престола...

Любопытно и слѣдующее обстоятельство:

Для какой цѣли Императоръ Александръ I взялъ съ собою при отъѣздѣ въ Таганрогъ церемоніалъ погребенія Императрицы Екатерины II?

Н. К. Шильдеръ, говоритъ, что Александръ, предвидя близкую кончину Императрицы Елизаветы Алексѣевны, взялъ этотъ церемоніалъ, вѣроятно, для

того, чтобы въ случаѣ надобности, соображаясь съ нимъ, начертать самому весь порядокъ похоронъ.

Но это лишь одно предположеніе. На самомъ-же дѣлѣ, назначеніе церемоніала могло быть совершенно иное. 1 сентября 1825 года Александръ Павловичъ разстался навсегда съ своею столицею, а 19-го ноября, послѣ весьма короткой болѣзни, совершенно неожиданно скончался въ Таганрогѣ.

Передъ смертью Императора вниманіе населенія Таганрога обратило на себя небесное явленіе, о которомъ въ книгѣ Великаго Князя Николая Михайловича находимъ такой разсказъ:

Въ одну ночь, въ октябрѣ, многіе жители Таганрога видѣли надъ дворцемъ двѣ звѣзды слѣдующимъ порядкомъ: сначала онѣ были одна отъ другой въ дальнемъ разстояніи, потомъ соединились и опять до трехъ разъ расходились, послѣ чего изъ одной звѣзды сдѣлался голубь, сѣлъ на вторую звѣзду, но черезъ короткое время упалъ и его не стало видно. Затѣмъ и вторая звѣзда постепенно исчезла.

Кромѣ того въ Петербургѣ съ 1 сентября по 1 ноября была видна темная комета, лучи которой простирались вверхъ на большое пространство; потомъ замѣтили, что она летала и лучи ея простирались къ западу. О кометѣ Государь спросилъ кучера своего Илью: „Видѣлъ-ли ты комету?“—„Видѣлъ, Государь“, отвѣчалъ онъ.—„Знаешь, что она предвѣщаетъ?“—„Бѣдствіе и горесть“. Потомъ, помолчавъ, Государь изволилъ заключить: „Такъ Богу угодно“...

Нужно замѣтить, что послѣднія слова часто повторялъ старецъ Феодоръ Козьмичъ. Вскорѣ же послѣ кончины Императора Александра Благословеннаго начали ходить всевозможные толки и слухи, сущность большинства которыхъ сводилась къ тому, что Императоръ Александръ I не умеръ и что вмѣсто него похороненъ кто-то другой.

Въ архивѣ канцеляріи военнаго министерства хранится сборникъ такихъ слуховъ, въ количествѣ

51, записанныхъ нѣкіимъ дворовымъ человѣкомъ Федоромъ Федоровымъ, подъ заглавіемъ: „Московскія новости или новые правдивые и лживые слухи, которые послѣ виднѣ означутся, которые правдивые, а которые лживые, а теперь утверждать ни однихъ не могу, но рѣшился на досугѣ описывать, для дальняго времени незабвеннаго, именно 1825 г. съ декабря 25 дня".

Эти слухи изложены въ цитированномъ уже нами трудѣ Н. К. Шильдера. Мы приведемъ наиболѣе характерные изъ нихъ.

„Государь живъ, его продали въ иностранную неволю" (10-й слухъ).

„Государь живъ, уѣхалъ на легкой шлюпкѣ въ море" (11-й слухъ).

„Гробъ Государевъ везутъ ямщики, которымъ дано за провозъ 12 тысячъ рублей, что находятъ весьма подозрительнымъ. Шульгинъ, московскій полиціймейстеръ о семъ разговаривалъ, да и князь Голицынъ, московскій генералъ-губернаторъ, находится въ немаломъ сомнѣніи о семъ". (12-й слухъ).

„Князь Долгоруковъ Юрій Владиміровичъ, престарой князь, послѣ блаженныя кончины Александра I не присягалъ еще ни одному изъ новыхъ государей, а желаетъ прежде видѣть тѣло покойнаго Государя своими глазами въ лицо, тогда и присягнетъ, кому должно,—то народъ изъ онаго ожидаетъ чего нибудь невеселаго". (20-й слухъ).

„Во время проѣзда черезъ Москву Государева тѣла, былъ въ Москвѣ изъ нѣкотораго села дьячекъ, смотрѣлъ и онъ, и при пріѣздѣ его въ село стали его спрашивать мужики, что видѣлъ-ли Государя, а онъ отвѣтилъ,—какова Государя, это черта везли, а не Государя. Тогда мужикъ его ударилъ въ ухо и потомъ объявилъ управителю и попу, тогда онаго дьячка взяли въ Москву и попа и дьякона тоже. Попа то отпустили изъ Москвы и отъ службы отрѣшили, а дьячка и дьякона и теперь держатъ и неизвѣстно, что будетъ съ ними". (31-й слухъ).

„Государево тѣло самъ Государь станетъ встрѣ-

чать свое тѣло и на 30-й верстѣ будетъ церемонія имъ самимъ устроена, а везутъ его адъютанта, изрубленнаго вмѣсто него, который ему сказалъ, а онъ бѣжалъ тогда и скрывался до Петербурга". (37-й слухъ).

„Когда Государь былъ въ Таганрогѣ, то приходятъ къ той палатѣ нѣсколько солдатъ и спрашиваютъ: что Государь дѣлаетъ. Имъ отвѣчали: что Государь пишетъ, то и пошли вонъ прочь; на другую ночь опять пришли, опять спрашивали, что Государь дѣлаетъ. Имъ отвѣчали: Государь ходитъ по покоямъ, то одинъ солдатъ взошелъ къ Государю и сказалъ ему: Васъ сегодня изрубить приготовились непремѣнно; то Государь сказалъ солдату: хочешь ли ты за меня быть изрубленнымъ; то солдатъ сказалъ: я не хочу ни того, ни другого; то Государь ему сказалъ: ты будешь похороненъ, какъ я, и родъ твой будетъ весь награжденъ; то солдатъ на оное согласился и надѣлъ на себя царскій мундиръ, а Государя спустили въ окно, а солдата вбѣжали изверги и всего изрубили вмѣсто Государя; а какъ они вбѣжали въ ту комнату, гдѣ былъ Государь, мнимый ими, то вдругъ первое начало сдѣлали, огонь погасили, чтобы не такъ было совѣстно впотьмахъ рубить его и такъ изрубили, какъ ихней благородной совѣсти было угодно и тѣло его бросили изъ покоевъ вонъ, а настоящій Государь бѣжалъ подъ скрытіемъ въ Кіевъ и тамъ будетъ жить о Христѣ съ душею и станетъ давать совѣты, нужные теперешнему Государю Николаю Павловичу для лучшаго управленія государствомъ". (40-й слухъ).

„Когда Александръ Павловичъ былъ въ Таганрогѣ и тамъ строился дворецъ для Елизаветы Алексѣевны, то Государь пріѣхалъ въ оный изъ задняго крыльца, стоявшій тамъ часовой остановилъ его и сказалъ: не изволите входить на оное крыльцо, васъ тамъ убьютъ изъ пистолета. Государь на это сказалъ: хочешь ли ты, солдатъ, за меня умереть, ты будешь похороненъ, какъ меня должно, и родъ твой будетъ весь награжденъ; то солдатъ на оное согла-

сился, а Государь надѣлъ солдатскій мундиръ и сталъ на часы, а солдатъ надѣлъ царскій, Государя шинель и шляпу и пошелъ въ отдѣлываемый дворецъ, прикрывъ лицо шинелью. Какъ взошелъ въ первыя комнаты, то вдругъ изъ пистолета по немъ выстрѣлили, но не попали, солдатъ повернулся, чтобъ назадъ итти, то другой выпалилъ по немъ, прострѣлилъ его, солдата подхватили и потащили въ тѣ палаты, гдѣ жила супруга Государева и доложили ей, что Государь весьма нездоровъ и потомъ послѣ померъ, яко Государь. А настоящій Государь, бросивъ ружье, бѣжалъ съ часовъ, но неизвѣстно куда, и писалъ Елизаветѣ Алексѣевнѣ письмо, чтобы онаго солдата похоронили какъ меня". (32-й слухъ).

Кромѣ народныхъ слуховъ и толковъ, приведенныхъ въ трудѣ Н. К. Шильдера, впослѣдствіи возникъ еще цѣлый рядъ подобныхъ слуховъ, представляющихъ варіаціи легенды о томъ, что Императоръ Александръ Павловичъ не умеръ въ 1825 году и что вмѣсто него похоронено какое то другое лицо.

Однимъ изъ этихъ слуховъ-легендъ заинтересовался нашъ маститый писатель Л. Н. Толстой. Вотъ что говорилъ онъ, между прочимъ г-ну И. Тенеромо (см. журналъ „Огонекъ", № 17, отъ 15 мая 1905 г.):

„Я помню ощущеніе, какое я испытывалъ, когда пересталъ быть нигилистомъ и меня потянуло къ вѣрѣ народной. Я шелъ, погружаясь, какъ человѣкъ входитъ въ море и чувствуетъ, что вотъ-вотъ онъ окунется и поплыветъ, и какъ хорошо стало на душѣ, когда я окунулся и ушелъ съ головой въ эту захватывающую великую стихію. Я увидѣлъ иной міръ передъ собою, огромный міръ людей, живущихъ не на словахъ только, а на дѣлѣ, непосредственной чуткой близостью къ Богу, сознавая себя работникомъ Его и послушно, съ радостью исполняя то, что отъ нихъ требуетъ Богъ. Не то, что я хочу, а то, что хочешь Ты. Въ этомъ все цѣнное отличіе русскихъ людей отъ другихъ народовъ. Оттого русская народная душа и чужда страсти обогащенія и захвата и льнетъ больше къ чувству отреченія и мира.

Въ этомъ отношеніи чистѣйшимъ воплощеніемъ русской души былъ Императоръ Александръ I.

Ахъ, какое сказаніе я о немъ знаю. Я непремѣнно обработаю когда-нибудь этотъ сюжетъ. Это дивная драма, изумительная по своей глубинѣ и по своей разящей, сильной, національной правдѣ.

Вотъ это сказаніе.

Ужасъ, совершившійся въ Михайловскомъ замкѣ, легъ тяжелымъ камнемъ на душу Александра и онъ нигдѣ не находилъ себѣ покоя. Ни блескъ престола, ни внѣшнія радости придворной жизни не привлекали къ себѣ души его и онъ все чаще и чаще замыкался въ себѣ. Религіозныя наклонности его складывались въ опредѣленное міросозерцаніе, рисовавшее Александру иную будущность и иное призваніе. Онъ твердо рѣшилъ отказаться отъ царства и заявилъ объ этомъ Великому Князю Николаю и его женѣ. Онъ поселился потомъ въ Таганрогѣ и жилъ совершенно частнымъ человѣкомъ.

Гуляя по загороднимъ мѣстамъ, Александръ любилъ бесѣдовать съ простыми людьми и каждый разъ его сердце наполнялось жгучей завистью къ жизни этихъ людей, такъ ясно понимающихъ смыслъ своей жизни и такъ крѣпко вѣрующихъ въ Того, Кто имъ далъ эту жизнь.

— Когда же, когда—бывало мучительно спрашивалъ себя Александръ, думая о томъ времени, когда и онъ такъ будетъ жить, какъ они.

Казалось, ничего не стоило взять, облачиться въ простую одежду и начать работать наравнѣ съ ними простую Божью работу.

Но Александръ чувствовалъ, что онъ еще не на томъ берегу, что надо переплыть еще большую широкую рѣку и многое, многое пережить. И онъ ждалъ съ тревогой и моленіемъ минуты, когда это будетъ.

Вотъ разъ гуляетъ онъ за городомъ и видитъ: народъ валомъ валитъ къ площади, занятой войсками. Войска выстроены въ двѣ шеренги длинной улицей и стоятъ безъ ружей, но съ короткими палками въ рукахъ.

Видитъ, вывели пожилого солдата, привязали ему вытянутыя впередъ руки къ прикладу ружья и, сорвавъ съ него рубашку, повели его съ оголенной спиной между шеренгами солдатъ.

Начиналось подъ звуки барабаннаго боя ужасное наказаніе, свирѣпое, дикое наказаніе, которое называлось „сквозь строй“.

Александръ смотрѣлъ въ лицо поблѣднѣвшаго предсмертной блѣдностью солдата и былъ пораженъ удивительнымъ сходствомъ съ собою. Лицо солдата точь въ точь его лицо.

Изъ разспросовъ онъ узналъ, что несчастный ужъ дослуживалъ 25-й годъ своей службы и, получивъ изъ деревни вѣсть, что отецъ умираетъ, онъ сталъ проситься въ отпускъ, чтобы попрощаться съ отцомъ. Но его не отпустили. Тогда онъ бѣжалъ. Его воротили и предали суду. Но онъ снова бѣжалъ и снова былъ пойманъ; теперь его за двукратный побѣгъ присудили прогнать сквозь строй и дать ему 8 тысячъ палокъ. Это вѣрная смерть.

Александръ слушалъ эти глухіе стоны, липнущіе удары, вначалѣ еще смѣшанные со стонами несчастнаго. Потомъ стоны эти притихли, и вмѣсто спины виднѣлось уже одно красное, сплошное, сочившееся кровью и разметанное въ клочья, тѣло.

Ужасъ охватилъ душу Александра.

— „Боже мой,—думалъ онъ. Отца хотѣлъ увидѣть, въ послѣдній разъ прильнуть къ его губамъ и слово родное услышать,—и за это его именемъ моимъ терзаютъ и мучаютъ такъ!? А я... я... Что я сдѣлалъ?“...

И страшная сцена въ Инженерномъ замкѣ предстала во всей яркости предъ его глазами.

— Отецъ,—застоналъ онъ и тягучимъ, хриплымъ голосомъ зарыдалъ, какъ ребенокъ.

Но плакали многіе изъ толпы, и его не замѣчали. Никто не зналъ, кто онъ такой.

Вдругъ слышитъ: барабанная дробь, все время трещавшая, стихла, и удары палокъ прекратились. Несчастный уже лежалъ на землѣ и впалъ въ за-

бытье. Его положили на носилки и понесли въ госпиталь. Александръ послѣдовалъ за нимъ. Въ дежурной комнатѣ врача сидѣлъ сѣденькій, съ добрымъ лицомъ докторъ и спѣшно отдавалъ распоряженія помощнику, что нужно дѣлать принесенному солдату.

— Будетъ ли онъ живъ, докторъ,—спросилъ Александръ, когда они остались одни, и тутъ же назвалъ себя.

Бѣдный докторъ испугался на смерть, вытянулся:

— Ваше.... ваше величество....

Александръ ласково успокоилъ его и просилъ быть откровеннымъ.

Тогда докторъ сказалъ:

— Онъ умретъ сегодня же. Онъ получилъ 4000 ударовъ, и въ двухъ мѣстахъ произошелъ переломъ позвоночника. Его смерть неизбѣжна.

— Въ такомъ случаѣ,—заволновался Александръ,—моя строгая просьба къ вамъ, и послѣдняя просьба, докторъ. Но прежде поклянитесь мнѣ, что тайна эта умретъ вмѣстѣ съ вами.

— Клянусь. Клянусь моей любовью къ вамъ, великій государь.

— Вѣрю,—сказалъ Александръ и вынулъ позолоченный ключъ изъ кармана.

— Вотъ вамъ ключъ отъ моей комнаты и велите перенести туда солдата. Я сниму съ себя одежду мою и надо будетъ одѣть его. А самъ я буду здѣсь на койкѣ, вмѣсто этого больного....

На завтра весь міръ узналъ о смерти Императора, и заколоченный гробъ его, никому не показывая израненное тѣло, перевезли въ Петербургъ.

А Александръ недѣли черезъ двѣ залечилъ свои „раны“ и былъ проведенъ сквозь строй, чтобы добить остальные удары.

Ему дали 4000 палокъ, но онъ чудомъ остался живъ.

Солдаты, вѣроятно, щадили уже разъ наказаннаго.

Когда показались рубцы на кожѣ, его, по законамъ того времени, какъ лишеннаго правъ, сослали въ Сибирь на поселеніе.

Въ далекую, затерянную среди овраговъ и долинъ сибирскую деревню привели высокаго стройнаго солдата, Михаила Силина, и отдали подъ надзоръ начальства“....

Левъ Николаевичъ на минуту остановился. Умиленный поэтичностію волновавшаго его образа, онъ не могъ продолжать дальше разсказъ. Его давили спазмы въ горлѣ, а въ глазахъ стояли свѣтлыя, лучистыя слезы, слезы великаго сердцевѣда.

„И вотъ, разсказываютъ,—продолжалъ онъ съ дрожью въ голосѣ, когда прошли спазмы,—что долго прожилъ Михаилъ въ той деревнѣ, научился хозяйству, помогалъ крестьянамъ и училъ дѣтей ихъ грамотѣ.

Славился онъ также тѣмъ, что зналъ болѣзни и людей лѣчилъ. Часто его люди заставали за молитвой, и въ это время къ нему подводили больныхъ.

Случилось, что пригнали въ ту деревню двухъ ссыльныхъ, и изъ нихъ одинъ былъ старый придворный служитель. Вскорѣ служитель этотъ заболѣлъ тяжкой болѣзнію и уже былъ при смерти.

Положили его люди на повозку и привезли къ старцу Михаилу, когда тотъ молился.

Александръ порывисто посмотрѣлъ на больного и узналъ въ немъ своего стараго придворнаго слугу, работавшаго въ саду.

Узналъ его и служитель.

Отъ великой радости и неожиданнаго счастья поднялся больной на ноги и хотѣлъ припасть къ рукѣ Александра.

Но тотъ мягко отстранилъ его и велѣлъ всѣмъ выйти.

— Ты никому не разскажешь,—обратился онъ къ больному.

— Всѣмъ, всему міру разскажу, что мои глаза видѣли и что мои руки чувствовали...

И отъ сильнаго волненія онъ упалъ на землю и лишился чувствъ.

Подхватили его люди и унесли домой.

Когда онъ очнулся и повѣдалъ окружавшимъ

его все, что съ нимъ было,—народъ бросился къ Александру.

Но Александра уже не было.

Съ той поры, разсказываютъ, долго бродилъ по Сибири высокій, стройный старикъ, и гдѣ-то около Уральскихъ горъ, у самой границы Европы, встрѣтилъ свой послѣдній часъ...

Какая это была величественная минута должно быть... Какое высокое освобожденіе души",—закончилъ гр. Толстой взволновавшее его сказаніе...

Какъ видитъ читатель въ этомъ народномъ сказаніи весьма не мало общаго и съ легендою о таинственномъ сибирскомъ отшельникѣ Феодорѣ Козьмичѣ...

Въ цитированной уже нами статьѣ Великаго Князя Николая Михайловича находимъ еще одно сказаніе, съ тѣмъ же основнымъ мотивомъ, что не Александръ Благословенный погребенъ въ Петропавловскомъ соборѣ. Но здѣсь уже имѣется прямое указаніе на то, кого именно надо искать въ роли замѣстителя въ гробу Императора Александра I.

Вотъ это сказаніе:

3 ноября 1825 года, возвращаясь въ Таганрогъ изъ Крыма, уже больной Государь Александръ Павловичъ встрѣтилъ, не доѣзжая Орѣхова, ѣдущаго изъ Петербурга съ бумагами фельдъегеря Маскова. Принявъ бумаги Государь Императоръ приказалъ фельдъегерю ѣхать за нимъ по направленію къ Таганрогу. По неосторожности ямщика, Масковъ на какомъ то крутомъ поворотѣ былъ выброшенъ изъ перекладной и, ударившись о камень, тутъ же скончался. Императоръ былъ случайнымъ свидѣтелемъ этого происшествія и приказалъ врачу Тарасову оказать немедленную помощь пострадавшему, что и было исполнено. Помощь оказалась излишней, въ виду моментальной смерти фельдъегеря. На Императора Александра Павловича случай этотъ произвелъ тяжелое впечатлѣніе.

Н. К. Шильдеръ подробно описываетъ весь этотъ эпизодъ въ своей исторіи царствованія Императора Александра I и добавляетъ свой разсказъ выдержкой изъ записокъ врача Тарасова.

„Выслушавъ мое донесеніе,—пишетъ докторъ Тарасовъ,—Государь всталъ съ мѣста и въ слезахъ сказалъ: „Какое несчастіе. Очень жаль этого человѣка". Потомъ, обратясь къ столу, позвонилъ въ колокольчикъ, а я вышелъ. При этомъ я не могъ не замѣтить въ чертахъ его лица, хорошо изученнаго мною въ продолженіе многихъ лѣтъ, необыкновенное болѣзненное выраженіе. Оно представляло что то тревожное и вмѣстѣ болѣзненное, выражающее чувство лихорадочнаго озноба".

Въ бесѣдахъ Великаго Князя Николая Михайловича съ покойнымъ Н. К. Шильдеромъ послѣдній неоднократно останавливался на этомъ случаѣ и обращалъ вниманіе Великаго Князя на записки Тарасова. Послѣ ряда усилій, чтобы найти кого-либо изъ потомковъ убившагося фельдъегеря Маскова, Шильдеру удалось напасть на слѣдъ Аполлона Аполлоновича Курбатова, профессора химіи въ Петербургскомъ Технологическомъ институтѣ. Великій Князь лично пригласилъ профессора къ себѣ, и вотъ что онъ передалъ въ 1902 году, вскорѣ послѣ кончины самого Шильдера. А. А. Курбатовъ приходится по матери своей внукомъ фельдъегеря Маскова, и у нихъ въ семьѣ сложилось не то убѣжденіе, не то предположеніе, что будто-бы дѣдъ ихъ Масковъ похороненъ въ соборѣ Петропавловской крѣпости, вмѣсто Императора Александра I, что это преданіе ему, профессору, тоже извѣстно и что дѣти Маскова допускали возможность такого преданія.

Во всякомъ случаѣ весьма важно уже то, что подобное преданіе могло существовать въ безусловно интеллигентной семьѣ профессора Аполлона Аполлоновича Курбатова. Оно хранилось въ полнѣйшей тайнѣ и по весьма понятной причинѣ избѣгалось къ оглашенію.

А вотъ и еще легенда.

Нѣкій г. И. Смирновъ въ ноябрьскомъ номерѣ „Русской Старины" за 1887 годъ, между прочимъ, приводитъ разсказъ, ходившій по Петербургу о мнимой смерти Императора Александра Павловича. Раз-

сказъ этотъ многими ставился въ связь съ загадочнымъ сибирскимъ старцемъ и, пожалуй, имѣлъ назначеніе подойти къ разгадкѣ таинственной легендарной исторіи его.

Вотъ какъ передаетъ г. И. Смирновъ этотъ разсказъ:

„Во время пребыванія своего въ Таганрогѣ, Императоръ Александръ Павловичъ, осматривая со своимъ лейбъ-медикомъ Вилліе мѣстный военный лазаретъ, нашелъ тамъ умирающаго солдата, весьма схожаго лицомъ съ Императоромъ. Этотъ солдатъ былъ доставленъ во дворецъ и выданъ за Императора Александра Павловича, который удалился какъ простой странникъ. Солдатъ этотъ по смерти былъ похороненъ какъ Императоръ. Вилліе же, какъ главный участникъ этой подмѣны, былъ награжденъ огромною суммою денегъ, на которую будто бы и была выстроена извѣстная клиника баронета Вилліе въ Петербургѣ".

Рядомъ съ этимъ г. И. Смирновъ сообщаетъ нѣкоторыя не лишенныя интереса подробности изъ жизни старца Ѳеодора Козьмича, которыя, такъ сказать, намекомъ должны были объяснить загадочную исторію его. По его словамъ народная молва приписала таинственному сибирскому отшельнику завѣщаніе, сдѣланное имъ якобы передъ смертію, доставить въ Петербургъ во дворецъ икону и перстень. И вотъ, когда эти вещи были привезены въ Петербургъ и доставлены по назначенію, то будто бы оказалось, что эта икона и перстень какъ разъ тѣ самые, которые пропали передъ кончиною Александра Павловича. Таковы легенды, въ которыхъ выразилось народное сомнѣніе въ дѣйствительности того оффиціальнаго историческаго факта, что Императоръ Александръ Благословенный скончался 19 ноября 1825 года въ Таганрогѣ и погребенъ въ соборѣ Петропавловской крѣпости.

Невольно вспоминается, что покойный историкъ въ царствованіе Императора Александра Павловича Николай Карловичъ Шильдеръ въ своемъ знамени-

томъ трудѣ, на тему о томъ какъ вообще создаются легенды, приводитъ слѣдующее любопытное замѣчаніе одного французскаго писателя:

..... „Онѣ распускаются, подобно роскошнымъ цвѣтамъ, подъ лучезарнымъ блескомъ, озаряющимъ жизнь героевъ. Человѣкъ уже снизошелъ въ могилу, а легенда переживаетъ его, она слѣдуетъ за его переходомъ въ вѣчность, подобно слѣду, оставленному метеоромъ, и вскорѣ разростается, разцвѣтаетъ, становится болѣе блестящей, болѣе сіяющей“.....

Но есть-ли какія либо основанія къ фактической доказательности многочисленныхъ народныхъ сказаній, желающихъ видѣть, что Императоръ Александръ Благословенный вовсе не умиралъ въ Таганрогѣ?

Конечно на этотъ вопросъ не въ коемъ случаѣ нельзя отвѣтить категорически въ положительномъ смыслѣ.

Совершенно правъ великій князь Николай Михайловичъ, который въ брошюрѣ своей, посвященной легендѣ о старцѣ Феодорѣ Козьмичѣ говоритъ: „Въ такой странѣ какъ Россія, уже съ древнихъ временъ народъ часто поддавался самымъ нелѣпымъ слухамъ, невѣроятнымъ сказаніямъ, и имѣлъ склонность придавать вѣру всему сверхъестественному: стоитъ только вспомнить появленія самозванцевъ во время Бориса Годунова, извѣстнаго Лже-Димитрія II въ Тушинѣ, Стеньки Разина—въ царствованіе Алексѣя Михайловича, наконецъ Емельяна Пугачева—при Екатеринѣ II, чтобы убѣдиться въ расположеніи народныхъ массъ вѣрить самымъ грубымъ проявленіямъ фантазіи смѣлыхъ авантюристовъ. Этому, обычно, способствовала внезапная кончина или наслѣдника престола, или самого монарха, какъ это было при убійствѣ царевича Димитрія, казни Алексѣя Петровича и насильственной смерти Петра III“.

Въ данномъ случаѣ обстоятельства слагаются нѣсколько иначе.

Вышеприведенныя слова Великаго Князя Николая Михайловича относятся, несомнѣнно, къ простой, темной народной массѣ. А между тѣмъ, какъ мы

увидимъ ниже, легендою объ Императорѣ Александрѣ I въ образѣ старца Феодора Козьмича были плѣнены не только простые, безсильные для критико-историческаго анализа люди, но и представители интеллигенціи, отъ которыхъ легенда, нужно думать, и проникла въ народъ.

Укажемъ, напримѣръ, на Александра Александровича Черкасова, скончавшагося въ 1895 году. А. А. Черкасовъ, извѣстный сибирскій общественный дѣятель, авторъ „Записокъ охотника Восточной Сибири“, не разъ высказывалъ, что у него имѣются документы, проливающіе истинный свѣтъ на личность Феодора Козьмича и срывающіе съ него покровъ таинственности.

Хорошо бы дознаться, у кого находятся эти любопытные документы, кому они достались послѣ смерти Александра Александровича и какова ихъ послѣдующая судьба. А что, если они и въ самомъ дѣлѣ такъ или иначе приводятъ къ выходу изъ лабиринта предположеній о таинственномъ сибирскомъ старцѣ. Мы справлялись по этому поводу у сына покойнаго Александра Александровича, служившаго въ Томскѣ жандармскимъ офицеромъ, но и онъ не могъ сообщить намъ ничего опредѣленнаго объ участи этихъ въ высокой степени интересныхъ документовъ.

Кстати еще о Черкасовѣ.

П. П. Баснинъ, касаясь „таинственныхъ личностей въ Сибири“, писалъ недавно на страницахъ „Историческаго Вѣстника“:

„Мнѣ выпалъ случай бесѣдовать съ авторомъ „Записокъ охотника Восточной Сибири“—А. А. Черкасовымъ. Почтенный мой собесѣдникъ, къ сожалѣнію безвременно скончавшійся, высказалъ настолько опредѣленное мнѣніе о личности Феодора Козьмича, что я тогда-же выразилъ мое полнѣйшее сомнѣніе въ возможности такого факта“.

— „Неужели вы допускаете, что это могъ быть Императоръ Александръ Первый“.

— „Допускаю; мало того, я даже увѣренъ въ этомъ“.

— „Легенда это—не болѣе; какъ нужно признать, весьма замѣчательная легенда, но все-таки не фактъ".

— „Скажите, въ такомъ случаѣ, кто бы могъ быть другой", спросилъ Черкасовъ, пожалъ плечами и улыбнулся.

— „Не знаю. Но убѣжденъ, что это былъ одинъ изъ тѣхъ таинственныхъ людей, которыхъ въ Сибири всегда не мало. Скорѣе всего это былъ одинъ изъ „искавшихъ истины" образованныхъ людей того времени, пожелавшихъ скинуть съ себя все старое, чтобы „обновиться" тѣломъ и духомъ".

— „Но кто, какъ его фамилія".

— „Не знаю, откуда же мнѣ знать. Я не настолько знакомъ съ исторіей дворянскихъ родовъ, что-бы опредѣленно сказать, кто изъ членовъ какого-нибудь рода рѣшился на такой подвигъ".

— „Врядъ-ли кто и скажетъ, да врядъ-ли и былъ такой человѣкъ, и могъ быть, кромѣ того, чьи нравственныя силы и духъ превышали всѣхъ остальныхъ. Впрочемъ, оставимъ этотъ разговоръ до другого времени, я получу изъ Томска кое какія справки и тогда уже фактически разобью вашъ скептицизмъ".

Приходится глубоко сожалѣть, что почтенный А. А. Черкасовъ умеръ ранѣе, чѣмъ могъ доказать тожество „благословеннаго старца Феодора Козьмича" съ Александромъ Благословеннымъ...

Что касается П. П. Баснина, то онъ скончался сравнительно недавно въ С.-Петербургѣ. Ранѣе онъ издавалъ и редактировалъ газету „Рудокопъ" въ Екатеринбургѣ, а затѣмъ былъ секретаремъ Созоновской „Россіи". По словамъ г. Павла Россіева, П. П. Баснинъ, въ началѣ относившійся къ легендѣ о таинственномъ сибирскомъ старцѣ съ большой долей скептицизма, затѣмъ началъ склоняться къ сибирякамъ въ пониманіи и объясненіи личности Феодора Козьмича и печатно выступалъ по этому вопросу, хотя подцензурная печать недавала возможности распространяться на столь щекотливую тему, какъ таинственный сибирскій старецъ.

И А. А. Черкасовъ, и П. П. Баснинъ были люди безусловно интеллигентные, далеко не легкомысленные и отошли въ землю въ почтенномъ возрастѣ. Безъ достаточныхъ основаній они едва ли бы стали относиться такъ къ данному вопросу...

Герцогиня Лейхтенбергская также безусловно вѣритъ, что Ѳеодоръ Козьмичъ былъ никто иной, какъ Александръ I, потому что ея дѣдушка Орловъ-Давыдовъ былъ въ числѣ десяти приближенныхъ Александра I, которые знали тайну смерти Императора. („Волга" № 9 за 1908 г.). Но для доказательства возможности фактическихъ основаній въ „легендѣ" существуютъ данныя и другого порядка, кромѣ теоретическихъ умозаключеній. Къ нимъ мы теперь и обратимся.

Цѣлый рядъ лицъ, сопровождавшихъ Императора Александра Павловича въ его послѣднюю поѣздку въ Крымъ и бывшихъ свидѣтелями послѣднихъ дней его пребыванія въ Таганрогѣ, надолго пережили Императора. Нѣкоторые изъ этихъ лицъ своимъ поведеніемъ производили странное впечатлѣніе, которое давало большой просторъ для предположеній, что таинственный сибирскій старецъ былъ никто иной, какъ самъ Александръ Благословенный.

Къ числу такихъ лицъ принадлежитъ, напримѣръ, лейбъ-хирургъ Императора Александра Павловича Димитрій Климентьевичъ Тарасовъ.

Онъ находился при Императорѣ Александрѣ вплоть до 19 ноября 1825 года, каковой день считается днемъ смерти Александра Благословеннаго. Онъ же, въ числѣ другихъ 9-ти врачей, подписалъ протоколъ вскрытія тѣла Государя.

Весьма любопытныя свѣдѣнія объ этомъ Тарасовѣ сообщаются въ статьѣ нѣкоего Р. озаглавленной: „Императоръ или нѣтъ" и помѣщенной въ № 2 газеты „Утро Россіи" отъ 18 сентября 1907 года.

Вотъ какой, чрезвычайно интересный разсказъ слышалъ г. Р. отъ профессора И. Т. Тарасова, читавшаго курсъ административнаго права въ Московскомъ университетѣ. Предварительно нужно замѣ-

тить, что лейбъ-хирургъ Д. К. Тарасовъ приходился роднымъ дядею профессору Тарасову и скончался въ первой половинѣ 70-хъ годовъ прошлаго XIX столѣтія.

Въ бытность свою воспитанникомъ Императорскаго Училища Правовѣдѣнія, И. Т. Тарасовъ ежегодно проводилъ лѣтніе мѣсяцы у дяди въ Царскомъ Селѣ.

„Кто бывалъ тамъ,—пишетъ г. Р.,—тотъ вѣроятно помнитъ прекрасный Царскосельскій дворецъ, садъ и прудъ съ памятникомъ графу Орлову-Чесменскому. Тамъ китайскій мостъ и статуи, и дышащій прохладою гротъ навѣваютъ воспоминанія о блестящихъ дѣдовскихъ дняхъ. Турецкій кіоскъ шепчетъ вамъ о знойномъ Востокѣ, а башня Спасителя словно манитъ къ холодному, безстрастному небу... Тамъ въ развалинахъ замка чудится, что неслышно и незримо бродитъ безсмертная Фелица.... Тамъ все всколыхиваетъ память объ Екатеринѣ и ея удивительномъ внукѣ, Императорѣ Александрѣ Благословенномъ. Д. К. Тарасовъ зналъ исторію Царскаго Села до мельчайшихъ подробностей и во время ежедневныхъ прогулокъ съ племянникомъ дѣлился своими обширными свѣдѣніями. И всякій разъ, какъ вспоминался Александръ Благословенный, старый лейбъ-хирургъ многозначительно говорилъ: „это былъ святой человѣкъ“, или „это былъ человѣкъ святой жизни“.

Вообще, когда приходилось касаться имени Благословеннаго, то благоговѣніе передъ нимъ Д. К. Тарасова восходило буквально до апоѳеоза.

Но странное дѣло.

Онъ всегда замѣтно избѣгалъ разговоровъ, какъ о днѣ кончины обожаемаго имъ Государя, такъ равно и о сибирскомъ старцѣ Феодорѣ Козьмичѣ“.

Почему?

Почему, затѣмъ, какъ указываетъ тотъ же г. Р. со словъ профессора Тарасова, этотъ глубоко-религіозный старикъ не служилъ панихидъ по Александрѣ Благословенномъ вплоть до 1864 года, а когда въ этомъ году въ Сибири умеръ старецъ Феодоръ Козьмичъ, Д. К. Тарасовъ сталъ служить панихиды еже-

годно, и при томъ почему-то, въ полнѣйшей тайнѣ. Профессоръ Тарасовъ объ этихъ панихидахъ узналъ совершенно случайно отъ кучера.

И замѣчательно: Д. К. Тарасовъ никогда не ѣздилъ служить панихиды въ соборъ Петропавловской крѣпости, гдѣ погребены всѣ наши государи, а или въ Исаакіевскій и Казанскій соборы, или въ приходскія церкви... А гдѣ бы кажется религіозному человѣку и служить панихиды по своемъ обожаемомъ Государѣ, какъ не на его могилѣ.

Однажды,—разсказываетъ далѣе г. Р.—зашелъ разговоръ о старцѣ Феодорѣ Козьмичѣ.

— Отчего же Императоръ Александръ Павловичъ и не могъ принять его образа. Всяко бываетъ... Судьбы Божіи неисповѣдимы,—замѣтила мать профессора И. Т. Тарасова.

О, какъ страшно взволновался присутствовавшій тутъ-же Димитрій Клементьевичъ, какъ будто его задѣли за живое, или подняли покровъ съ великой, вѣчной тайны, которую онъ сторожилъ...

Лейбъ-хирургъ Тарасовъ оставилъ послѣ себя значительный капиталъ и недвижимость. Такого капитала и недвижимости практикою,—особенно въ то время, когда трудъ врача оплачивался чрезвычайно скудно,—нажить было невозможно. Очевидно это были награды свыше, которыя, повидимому сыпались на всѣхъ, составлявшихъ свиту Императора Александра Павловича въ его послѣднемъ путешествіи на югъ.

Кстати считаемъ не лишнимъ привести нѣкоторыя подробности о семьѣ Тарасовыхъ, пользуясь замѣткою г. Павла Россіева, помѣщенною въ августовской книжкѣ „Историческаго Вѣстника“ за 1907 г.

Димитрій Клементьевичъ Тарасовъ былъ сынъ бѣднаго священника. Вмѣстѣ съ братомъ своимъ Трофимомъ, отцомъ профессора Ивана Трофимовича Тарасова, онъ прибылъ въ Петербургъ учиться. Отецъ-священникъ, провожая и благословивъ сыновей, сказалъ имъ: „сами себѣ пробивайте дорогу“.

Съ этимъ они покинули родительскій домъ. Впослѣдствіи оба сдѣлались врачами.

Судьба очень милостиво обратилась къ Димитрію Клементьевичу, приблизивъ его къ Царской Семьѣ. Этому помогъ случай. Однажды Императоръ Александръ Павловичъ нечаянно испугавшимися лошадями былъ выброшенъ изъ экипажа и ушибъ ногу. Его лечилъ Д. К. Тарасовъ ежедневно налагая „ароматическую“ повязку. Александръ Павловичъ приблизилъ молодого врача къ своей Особѣ и 19 ноября 1825 года застаетъ его уже лейбъ-хирургомъ.

Д. К. Тарасовъ велъ записки. На нихъ ссылается Н. К. Шильдеръ въ своемъ извѣстномъ трудѣ. Въ рукописномъ видѣ эти записки-мемуары обнимали четыре объемистыхъ тетради, въ красномъ сафьяновомъ переплетѣ, съ золотымъ тисненіемъ. Послѣ смерти Димитрія Клементьевича, сынъ его, камергеръ Александръ Димитріевичъ Тарасовъ, передалъ эти записки М. И. Семевскому, редактору „Русской Старины“, который и помѣстилъ ихъ въ своемъ журналѣ, однако съ большими сокращеніями. Весьма любопытно было бы разслѣдовать: сохранилась ли до нашего времени ненапечатанная часть записокъ и, въ утвердительномъ случаѣ, кто ими владѣетъ. Что содержится въ этой части. Отчего она не увидѣла свѣта. Тутъ не можетъ быть и рѣчи о томъ, будто-бы записки въ цѣломъ видѣ не представляли интереса для публики.

Д. К. Тарасовъ, какъ мы уже выше упоминали, оставилъ послѣ себя значительный капиталъ и недвижимость.

Сынъ его, камергеръ А. Д. Тарасовъ, женившись на княжнѣ М. А. Барятинской, получилъ за женою имѣніе Лазовку (Раненбургскаго уѣзда, Рязанской губерніи), которое еще недавно было продано его сыномъ, а Д. К. Тарасова внукомъ, Д. А. Тарасовымъ г. Карандѣеву. Съ убитымъ въ бою подъ Тюренченомъ Д. А. Тарасовымъ погасъ родъ лейбъ-хирурга Тарасова. Повидимому, г. Карандѣеву достались мно-

гоцѣнныя семейныя „памятки“, фамильные портреты, быть можетъ записки и проч.

Въ семьѣ Тарасовыхъ долго хранились, между прочимъ, дорожная аптека Императора Александра Павловича, его подтяжки, собственноручно вышитыя супругой Императрицей Елизаветой Алексѣевной и другія „памятки“.

Но особое значеніе въ семьѣ Тарасовыхъ придавалось золотой медали, полученной Д. К. Тарасовымъ (не для ношенія) послѣ 19 ноября 1825 года. Эта медаль не разъ играла роль волшебнаго слова Али-Бабы „сезамъ“ въ сказкахъ Шехерезады. Уже въ царствованіе Государя Императора Александра Александровича вдова лейбъ-хирурга Тарасова (урожденная Граматика) при помощи этой медали удостоилась исключительной Высочайшей милости...

Кстати отмѣтимъ, что г. Р., статью котораго изъ „Утра Россіи“ мы цитировали выше, указываетъ еще на интересное письмо, полученное имъ отъ носителя одной очень извѣстной дворянской фамиліи. Для него легенда о таинственномъ сибирскомъ старцѣ ясна съ давнихъ поръ, съ дѣтства. Его отецъ служилъ у Великаго Князя Константина Павловича, брата Александра Благословеннаго и зналъ его жизнь вообще, и въ Лозенкахъ, около Варшавы, въ особенности, зналъ многое и объ его кончинѣ. „Исторія Феодора Козьмича, говорится между прочимъ въ письмѣ, есть малая часть громадной по размѣрамъ и силѣ драмы—послѣдствія насильственной смерти Императора Павла“... (Интересно сопоставить это письмо съ малоизвѣстными легендами о Великомъ Князѣ Константинѣ Павловичѣ и Государынѣ Императрицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ)... [1]).

Факты въ высокой степени интересные, способные навести на самыя серіозныя размышленія...

Но обратимся къ дальнѣйшимъ фактамъ, ставшимъ извѣстными лишь въ самое послѣднее время.

Выше мы указывали на предположеніе, что

---

[1]) См. приложенія I и II въ концѣ книгѣ.

лейбъ-медикъ Тарасовъ основалъ свое исключительное матеріальное благосостояніе на особыхъ наградахъ свыше.

Д. К. Тарасовъ не представлялъ собою исключенія.

Г-нъ Д. Д. въ газетѣ „Волга“ сообщаетъ слѣдующій фактъ.

Въ Таганрогѣ до сихъ поръ сохраняется „дворецъ“, въ которомъ умеръ Александръ Благословенный. Дворецъ этотъ—маленькій одноэтажный домикъ, который назывался и называется дворцемъ только потому, что въ немъ останавливался Царь. Эти нѣсколько маленькихъ клѣтушекъ, однако, имѣли при себѣ цѣлый штатъ, числящійся придворнымъ, съ ничтожнымъ жалованіемъ, и, понятно, съ отсутствіемъ всякихъ доходовъ, сопряженныхъ въ тѣ „добрыя, старыя“ времена съ состояніемъ въ придворномъ вѣдомствѣ. Смотрителемъ этого дворца былъ грекъ Н—ки. Этотъ смотритель былъ простой, совсѣмъ простой, мало образованный, очень честный, очень многосемейный человѣкъ. По разсказамъ родныхъ жены автора цитируемой статьи, семья, которой была въ двухъ-трехъ поколѣніяхъ дружна съ родомъ Н—ки, этотъ смотритель былъ очень маленькаго роста человѣчекъ удивительно добродушный... Его всѣ очень любили и онъ былъ безкорыстно преданъ Царствующему Дому и Императору Александру Благословенному въ особенности. Послѣдняго считалъ чуть ли не богомъ доброты и чистоты...

Этому смотрителю предлагали много лучшихъ мѣстъ, но онъ предпочиталъ свой маленькій дворецъ и свою непоколибимую самостоятельность, противустоящую всѣмъ соблазнамъ. И вотъ увѣряли, что этотъ смотритель, вѣроятно, самаго маленькаго дворца во всѣмъ мірѣ, зналъ многое, присутствовалъ при болѣзни и смерти Императора Александра Павловича и,—что всего удивительнѣе,—былъ дѣятелемъ, помогалъ, работалъ, распоряжался, пока не пріѣхали изъ Петербурга назначенные къ перенесенію тѣла Государя лица. Онъ плакалъ, скорбѣлъ, но... не на-

столько, сколько этого можно было отъ него ожидать. И очень быстро утѣшился, говорятъ, потому что былъ награжденъ сверхъ мѣры...

Онъ и остался въ Таганрогѣ тѣмъ-же смотрителемъ „дворца“, только, очевидно, получилъ очень большую денежную награду: бѣдность отошла и всѣ его дѣти были приняты на казенный счетъ въ самыя дорогія и аристократическія заведенія. Сыновья, напримѣръ, окончили военныя учебныя заведенія и всѣ сдѣлали хорошую карьеру. Вся семья вышла необыкновенно даровитой и доброй...

Н—ки провожалъ и гробъ покойнаго Государя, но только до Курска... Погребальное шествіе шло медленно, гораздо скорѣе шла молва и толки въ народѣ... Они на столько взволновали населеніе, что въ Курскѣ, лучше сказать подъ Курскомъ, народъ, чтобы удостовѣриться, что хоронятъ именно царя, а не пустой гробъ, какъ гласила „превратная“ молва, окружилъ гробъ и попробовалъ взглянуть на покойника. Удалось это немногимъ, говорили 10-12 человѣкамъ, такъ какъ солдаты тотчасъ-же оттѣснили толпу. Заслуживаетъ въ этомъ случаѣ особаго вниманія то обстоятельство, что, по народному преданію, всѣ, кто только взглянулъ на покойника, современемъ, не позже года, исчезли неизвѣстно куда....

Много еще имѣется цѣнныхъ фактовъ, сообщенныхъ почтеннымъ Иваномъ Григорьевичемъ Чистяковымъ, о которомъ не разъ уже приходилось упоминать въ нашемъ очеркѣ.

Въ Москвѣ, сравнительно не такъ давно, проживалъ нѣкій Евграфъ Степановичъ Арзамасцевъ, хорошо знакомый съ вагенмейстеромъ Соломкой, о которомъ упоминается въ очеркѣ Великаго Князя Николая Михайловича и который сопровождалъ Государя Александра Павловича въ его послѣднемъ путешествіи.

Такъ вотъ этотъ-то Арзамасцевъ лично передавалъ И. Г. Чистякову и С. Ф. Хромову слѣдующій разсказъ, такъ же лично слышанный имъ отъ полковника Соломки:

Однажды, чуть-ли не 18 ноября 1825 года, въ Таганрогѣ, мимо дворца, въ которомъ имѣлъ пребываніе Императоръ Александръ Павловичъ, случайно проходилъ мѣстный протоіерей Федотовъ. Въ это время съ крыльца быстро сходитъ генералъ Дибичъ и обращаясь къ о. протоіерею, говоритъ:

— „Батюшка, государь опасно болѣнъ; нужно немедленно исповѣдать и пріобщить его".

Протоіерей Федотовъ сходилъ за Св. Дарами и тотчасъ же вернулся во дворецъ. Его встрѣтилъ тотъ-же Дибичъ и провелъ въ опочивальню Императора Александра Павловича.

Странное впечатлѣніе произвела на духовника эта царская опочивальня. Это была громадная комната, одна часть которой была отдѣлена перегородкой. Въ комнатѣ было почти темно, такъ какъ она освѣщалась только одною лампадою передъ иконами. Дибичъ провелъ о. протоіерея за драпировку. Тамъ стояла кровать, на которой лежалъ какой-то человѣкъ. Лица его о. Федотовъ въ темнотѣ разсмотрѣть не могъ.

Дибичъ, обратясь къ духовнику сказалъ: „Батюшка, это Государь Императоръ, исповѣдуйте и пріобщите его. Въ комнатѣ кромѣ больного, духовника и генерала Дибича никого не было. О. Федотова поразила столь необычайная обстановка предсмертной исповѣди, но онъ всетаки исполнилъ приказаніе, исповѣдалъ больного и пріобщилъ его Св. Таинъ....

Тотъ же полковникъ Соломка передавалъ упомянутому выше Е. С. Арзамасцеву, а послѣдній С. Ф. Хромову и И. Г. Чистякову и такой разсказъ:

18 ноября 1825 года, поздно вечеромъ, когда уже стемнѣло, Государь, будто бы позвалъ его, Соломку и приказалъ ему осѣдлать трехъ лошадей. Когда лошади были осѣдланы, Государь Александръ Павловичъ сѣлъ на одну изъ нихъ, а на остальныя двѣ приказалъ сѣсть генералу Дибичу и Соломкѣ.

Всѣ втроемъ поѣхали за городъ и отъѣхали верстъ 7. Тогда Государь остановился, сердечно попрощался съ Дибичемъ и Соломкой, велѣлъ имъ вернуться назадъ и строго приказалъ никому не го-

ворить объ этомъ. Самъ же быстро поскакалъ впередъ, пришпоривъ коня, и скрылся въ темнотѣ..

Тотъ же Соломка предполагалъ, что человѣкъ, погребенный вмѣсто Императора Александра Павловича былъ отравленъ какимъ нибудь сильнодѣйствующимъ разрушительнымъ ядомъ. По крайней мѣрѣ самая тщательная бальзамировка не могла спасти тѣло покойника отъ разрушенія.

Нельзя не замѣтить, что одно лицо, слышавшее эти невѣроятные разсказы—статскій совѣтникъ Иванъ Григорьевичъ Чистяковъ,—много лѣтъ занимавшій постъ управляющаго Отдѣленіемъ Государственнаго Банка въ г. Томскѣ и Красноярскѣ.....

Указаніе полковника Соломки на сильное разрушеніе тѣла находитъ себѣ подтвержденіе и у Шильдера, и у Великаго Князя Николая Михайловича. Оба они указываютъ на то обстоятельство, что даже ближайшіе родственники покойнаго Императора нашли страшное измѣненіе въ чертахъ его лица. Извѣстно, что Императрица-Мать Марія Феодоровна, когда гробъ былъ вскрытъ въ соборѣ Петропавловской крѣпости, произнесла въ слезахъ: „Да, это мой дорогой сынъ Александръ, но, о какъ онъ измѣнился“. По свидѣтельству Герляха, принцъ Вильгельмъ также былъ глубоко пораженъ видомъ усопшаго Императора.

Нельзя также не обратить вниманія на то, что вскрытіе гроба съ прахомъ Александра Павловича производилось въ глубокомъ секретѣ, въ присутствіи лишь очень немногихъ избранныхъ лицъ. Передаютъ, что во время процедуры вскрытія гроба даже духовенство было удалено изъ Петропавловскаго собора. Въ церкви остались лишь кн. Голицынъ, Орловъ-Денисовъ, лейбъ-медикъ Тарасовъ, и камердинеръ Императора Завитаевъ.

Для народа тѣло не открывалось по особому распоряженію Императора Николая I.

Всѣ изложенныя данныя, намъ кажется, даютъ достаточное объясненіе не только возможности возникновенія легенды, но и того обстоятельства что легендѣ этой повѣрили не только простые, необразо-

ванные люди, но и представители интеллигенціи. Даже такой крупный историкъ, какъ покойный Н. К. Шильдеръ, не рѣшался категорически отвергнуть догадку, что подъ именемъ старца Феодора Козьмича скрывался какой нибудь высокопоставленный человѣкъ, пожалуй и самъ Императоръ Александръ I.

Допустимъ, что въ лицѣ таинственнаго старца Феодора Козьмича въ Сибири скрывался дѣйствительно Императоръ Александръ Благословенный. Какъ извѣстно, Феодоръ Козьмичъ появился въ Сибири въ 1837 году.

Спрашивается, гдѣ-же скрывался Императоръ въ теченіе почти 12 лѣтъ, со времени таинственнаго исчезновенія его изъ Таганрога.

Нѣкоторое разъясненіе этого важнаго вопроса находимъ въ запискахъ бывшаго попечителя Западно-Сибирскаго округа, нынѣ покойнаго Василія Марковича Флоринскаго, помѣщенныхъ въ нѣсколькихъ книжкахъ „Русской Старины“ за 1906 годъ.

По словамъ В. М. Флоринскаго И. Г. Чистяковъ сообщилъ ему слѣдующее:

Въ двадцатыхъ годахъ одинъ изъ родственниковъ ихъ семьи служилъ въ гвардейскомъ флотскомъ экипажѣ въ Петербургѣ. Лѣтомъ 1826 года онъ состоялъ въ числѣ команды на Императорской яхтѣ, на которой Императоръ Николай Павловичъ отправился осматривать Свеаборгскую крѣпость. Это посѣщеніе крѣпости, будто бы показалось морякамъ загадочнымъ, потому что, вмѣсто осмотра укрѣпленій, Николай Павловичъ съ яхты прямо прослѣдовалъ въ казематъ содержавшагося въ крѣпости неизвѣстнаго узника, долго съ нимъ бесѣдовалъ наединѣ и вслѣдъ за тѣмъ снова вернулся на корабль. Изъ этого моряки заключили, что цѣлью посѣщенія Свеаборга было только свиданіе съ узникомъ и что этотъ узникъ, имени котораго никто не зналъ, долженъ быть лицемъ, близко стоявшимъ къ новому Императору. При распространившихся въ то время разнообразныхъ слухахъ по поводу кончины Императора Александра Павловича, описанный эпизодъ далъ по-

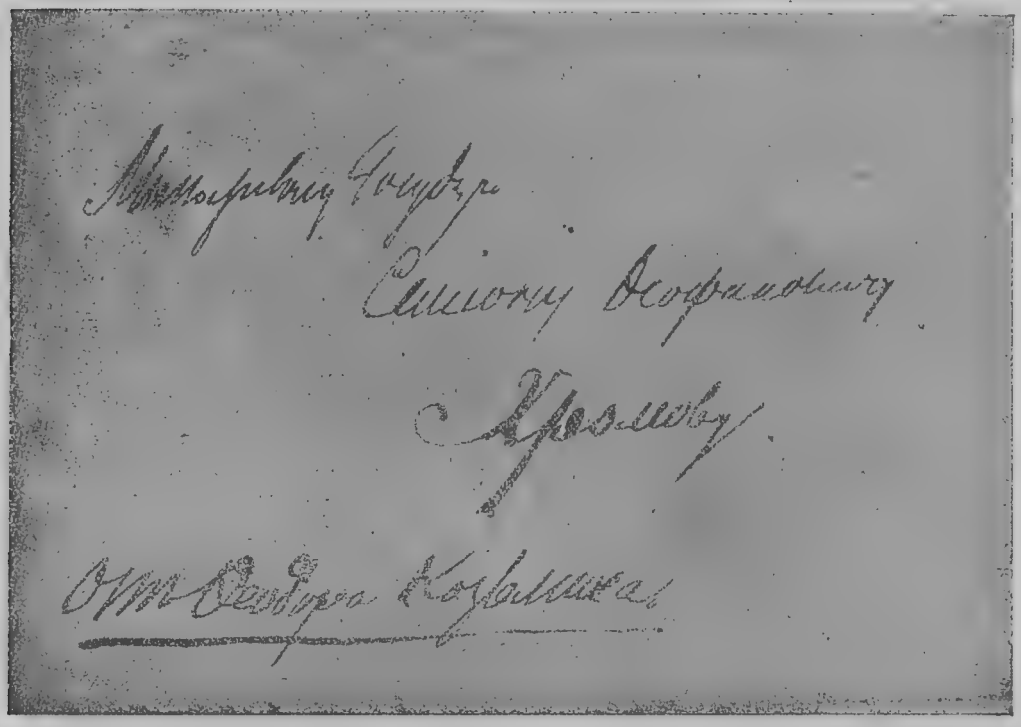
водъ предполагать, что въ Свеаборгской крѣпости былъ заключенъ никто иной, какъ Александръ Благословенный. Впослѣдствіи загадочный узникъ какимъ-то способомъ, будто-бы, исчезъ изъ крѣпости и нѣкоторое время проживалъ въ Новгородской губерніи, чуть ли не въ селѣ Грузинѣ, у графа Аракчеева, а потомъ странствовалъ по Уфимской и Пермской губерніямъ, пока не былъ задержанъ около г. Красноуфимска.

Оносительно Феодора Козьмича имѣются нѣкоторыя данныя, указывающія на то, что онъ извѣстное время проживалъ въ одномъ монастырѣ около гор. Пскова, а затѣмъ у Московскаго митрополита Филарета..

Великій Князь Николай Михайловичъ, въ своей брошюрѣ, стремится во чтобы то ни стало доказать, что таинственный сибирскій старецъ Феодоръ Козьмичъ ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть отожествляемъ съ покойнымъ Императоромъ Александромъ Павловичемъ. При этомъ Великій Князь ссылается на неопровержимыя, яко бы, доказательства. Какъ на одно изъ подобныхъ доказательствъ Его Высочество ссылается, между прочимъ, на отрывокъ изъ записокъ Императрицы Елизаветы Алексѣевны, хранящихся въ архивѣ библіотеки Государя въ Зимнемъ Дворцѣ. Императрица подробно описываетъ болѣзнь своего царственнаго супруга, но кончается отрывокъ замѣткою о томъ, что личный врачъ Государя, извѣстный лейбъ-медикъ Вилліе, былъ, повидимому, доволенъ поворотомъ болѣзни. У Императора температура была повышенная, но Государыня могла пробыть съ больнымъ цѣлый вечеръ, потому что состояніе его здоровья было далеко не такъ тяжело, какъ наканунѣ...

Далѣе Великій Князь Николай Михайловичъ занялся сравненіемъ почерковъ Императора Александра Павловича и старца Феодора Козьмича. Объектами для сравненія Великій Князь взялъ, во первыхъ,

конвертъ, гдѣ ясно и твердымъ почеркомъ написано: „Милостивому Государю Семіону Ѳеофановичу Хромову отъ Ѳеодора Козьмича“. Этотъ конвертъ былъ переданъ спеціалистамъ по разбору почерковъ; всѣ имѣющіяся на конвертѣ буквы въ отдѣльности увеличены и сравнены съ буквами, имѣющимися на другомъ конвертѣ, написанномъ рукой Императора



Факсимиле старца Феодора Козьмича на конвертѣ, адресованномъ С. Ф. Хромову отъ старца. Этотъ конвертъ и до нынѣ хранится у н-ковъ Хромова.

Александра Павловича. Но всѣми экспертами единогласно было признано, что не имѣется ни малѣйшаго сходства, какъ въ почеркѣ, такъ и въ начертаніи отдѣльныхъ буквъ, между обоими почерками.

Но, во первыхъ, для сравненія были взяты такіе незначительные объекты, какъ конверты, съ ничтожнымъ количествомъ текста, едва-ли достаточнымъ

для серьезной экспертизы; а во вторыхъ, нельзя не принять во вниманіе и того обстоятельства, что между написаніемъ обоихъ сравниваемыхъ конвертовъ прошелъ промежутокъ, быть можетъ, въ нѣсколько десятковъ лѣтъ, ибо неизвѣстно время когда писались и тотъ, и другой конверты.

Вотъ если бы Великій Князь для сличенія почерковъ взялъ письмо Императора Александра Павловича, конецъ котораго помѣщенъ въ его брошюрѣ и воспроизведенъ у насъ, (см. стр. 132) и сравнилъ его почеркъ съ почеркомъ тѣхъ таинственныхъ записокъ которыя были найдены въ келіи старца тотчасъ же послѣ его смерти С. Ф. Хромовымъ, то, несомнѣнно, впечатлѣніе получилось бы совершенно иное.

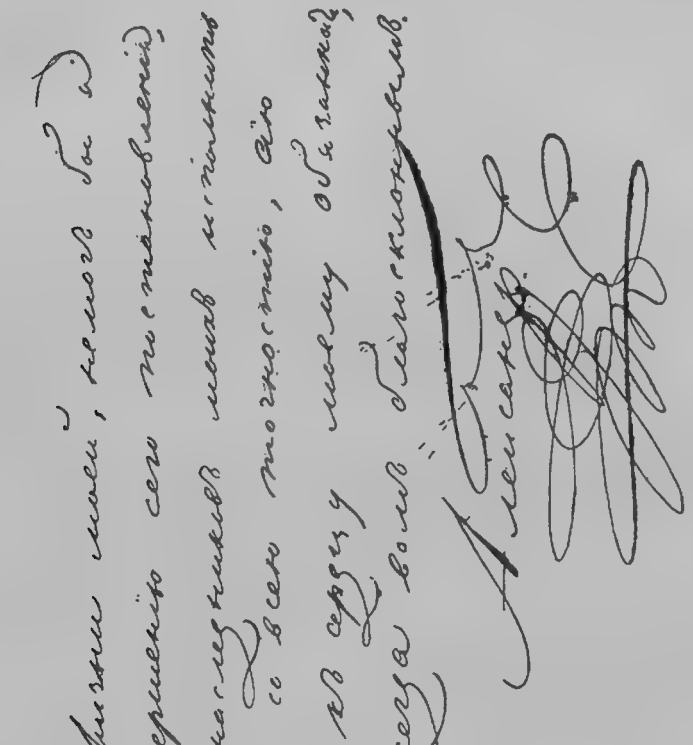
Въ самомъ дѣлѣ, вглядитесь внимательнѣе въ письмо Александра Павловича и въ записки Феодора Козьмича и вы увидите, что между отдѣльными буквами замѣчается поразительное сходство. Въ особенности это наблюдается надъ буквою „д“. Сравните эту букву, съ ея характернымъ крючкомъ внизу въ словѣ одной изъ записокъ Феодора Козьмича: „видишили“ съ буквой „д“, неоднократно встрѣчающеюся въ отрывкѣ изъ письма Императора Александра I,—и вы увидите, что въ обоихъ случаяхъ эти буквы тожественны. Большое сходство замѣчается также въ буквахъ „б“, „з“ и др. Едва ли бы какой экспертъ могъ, сравнивъ почеркъ письма Императора Александра съ почеркомъ записокъ старца Феодора Козьмича, категорически утверждать, что между этими почерками нѣтъ сходства, особенно, если опять принять во вниманіе значительный промежутокъ, прошедшій между написаніемъ обоихъ сравниваемыхъ документовъ [1]).

Но Великій Князь Николай Михайловичъ не вѣритъ, чтобы почеркъ записокъ былъ несомнѣннымъ почеркомъ Феодора Козьмича.

---

[1]) Кромѣ того есть основанія предполагать, что Ѳеодоръ Козьмичъ старался измѣнить почеркъ.

„На мой взглядъ,—пишетъ Великій Князь въ своей брошюрѣ,—записки старца есть плодъ воображенія



Факсимиле Александра I.

кого-то, кто видалъ и зналъ старца и, будучи знакомъ съ легендой, хотѣлъ ввести въ заблужденіе всѣхъ тѣхъ, кому удалось-бы разгадать смыслъ этой загадки“.

„Что касается достовѣрности самыхъ записокъ и были ли онѣ дѣйствительно написаны старцемъ Феодоромъ Козьмичемъ, то приходится усумниться, потому что показаніямъ одной Хромовской семьи нѣтъ основанія вѣрить“,—говоритъ Великій Князь въ другомъ мѣстѣ.

Наконецъ въ третьемъ мѣстѣ онъ пишетъ:

„Купецъ Хромовъ зналъ, что дѣлалъ, помѣстивъ портретъ старца въ его келіи послѣ своей извѣстной поѣздки въ Петербургъ, а его наслѣдники рады были бы такъ или иначе заинтриговать публику и дѣлали даже негласныя предложенія о пріобрѣтеніи высокопоставленными лицами келіи Феодора Козьмича“.

Сопоставляя изложенныя фразы изъ брошюры Великаго Князя Николая Михайловича съ тѣмъ обстоятельствомъ, что записки старца Феодора Козьмича были найдены тотчасъ же послѣ его смерти Семеномъ Феофановичемъ Хромовымъ, что должно было быть извѣстнымъ Великому Князю, логически неизбѣжно приходится притти къ тому заключенію, что Великій Князь подозрѣваетъ въ составленіи записокъ С. Ф. Хромова или кого либо изъ членовъ его семьи.

Но чтобы написать записки почеркомъ, столь похожимъ на почеркъ Императора Александра Павловича, надо было знать почеркъ послѣдняго. А это едва ли возможно скромному сибирскому обывателю. Это во первыхъ. А во вторыхъ, не такой былъ человѣкъ покойный Семенъ Феофановичъ, чтобы заниматься подобными вещами. Его честность и неподкупность хорошо извѣстны всѣмъ знавшимъ его.

Чтобы познакомить читателя съ душевнымъ и нравственнымъ обликомъ С. Ф. Хромова, мы въ особомъ приложеніи (VI-мъ) помѣщаемъ его краткую біографію, къ которой и отсылаемъ читателя.

Относительно сходства почерковъ Императора Александра Павловича нѣкоторыя данныя находимъ въ письмѣ библіотекаря бывшаго оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода К. П. Побѣдоносцева г. Митрополова къ С. Ф. Хромову отъ 2-го ноября 1882 года.

Г. Митрополовъ въ октябрѣ 1882 г. получилъ

отъ Барнаульскаго мѣщанина Ефрема Федоровича Здобникова книгу, съ надписью: „Книжица заключающая въ себѣ Акафистъ Воскресенію Христову и сказаніе объ антихристѣ". Книгу эту, написанную русскими буквами, но славянскимъ слогомъ, по словамъ Здобникова, подарилъ старецъ Феодоръ Козьмичъ одной благочестивой чиновницѣ въ г. Томскѣ. Чиновница эта предъ своею смертію подарила книгу нѣкой келейницѣ Таисіи, еще недавно проживавшей въ г. Бійскѣ, а та въ свою очередь подарила книгу Здобникову въ благодарность за то, что онъ написалъ ей нѣсколько иконъ.

Получивъ эту книгу, г. Митрополовъ отправился въ Императорскую Публичную библіотеку и сличилъ тамъ почеркъ, которымъ написана книга, съ рукописями, писанными Императоромъ Александромъ Павловичемъ. Получилось несомнѣнное сходство. Въ то время въ Публичной библіотекѣ былъ извѣстный знатокъ русской старины генералъ Н. Ф. Дубровинъ. Узнавъ, что г. Митрополовъ сличаетъ почерки, онъ обратился къ нему со словами:

— „Покажите мнѣ, я знаю руку Александра Павловича и тотчасъ-же скажу, онъ ли писалъ".

Увидѣвъ первую страницу акафиста, онъ воскликнулъ:

— „Это Александръ Павловичъ писалъ". Затѣмъ начали сличать подлинныя письма и замѣтки Императора Александра I, сличали буквы въ отдѣльности— и сходство получилось несомнѣнное. Но, видимо, въ акафистѣ почеркъ намѣренно измѣненъ, такъ какъ однѣ и тѣ-же буквы писались различно.

Но если дѣйствительно въ соборѣ Петропавловской крѣпости похороненъ не Императоръ Александръ Благословенный, то кто замѣнилъ его мѣсто въ усыпальницѣ русскихъ Императоровъ?

На этотъ вопросъ мы едва-ли когда нибудь получимъ удовлетворительный отвѣтъ. Но если перейти въ область предположеній, то наиболѣе вѣроятною

является версія о фельдъегерѣ Масковѣ. „Нѣтъ дыма безъ огня“, говоритъ русская пословица, и вѣроятно, есть что нибудь такое, что заставило сложиться въ семьѣ профессора А. А. Курбатова убѣжденіе, что подъ той мраморной гробницей, въ соборѣ Петропавловской крѣпости, на которой начертано имя Императора Александра Павловича, покоится не прахъ Благословеннаго, а останки его скромнаго фельдъегеря Маскова... Не подтверждаетъ ли это предположеніе и то обстоятельство, что, какъ это видимъ изъ брошюры Великаго Князя Николая Михайловича, семейству Маскова были оказаны необычайныя милости: пожаловано было, по Высочайшему повелѣнію, полное содержаніе, получаемое Масковымъ при жизни, нѣсколько разъ отпускались суммы на уплату долговъ и пр. Великій Князь Николай Михайловичъ, въ своемъ изслѣдованіи, относится вполнѣ отрицательно къ этому предположенію. Но жаль что,ославъ въ Сибирь собрать все, касающееся таинственнаго сибирскаго старца-отшельника, онъ не навелъ справокъ на мѣстѣ о могилѣ Маскова, хотя она и указана въ донесеніи о его смерти командиру фельдъегерскаго корпуса...

Великій Князь Николай Михайловичъ говоритъ, между прочимъ въ своемъ изслѣдованіи, что „болѣе чѣмъ сомнительно допустить возможность подмѣны покойника, когда этимъ покойникомъ является русскій Государь“.

Мы скажемъ на это, что если бы Самодержавный Русскій Государь захотѣлъ, въ тѣхъ или иныхъ видахъ, скрыться отъ свѣта навсегда, то всегда бы нашелъ для этого способы, хотя бы вплоть до имитаціи своей кончины и замѣны своего „праха“, трупомъ кого либо другого. У русскаго Государя всегда найдутся вѣрные слуги, готовые исполнить всякое его приказаніе. А въ данномъ случаѣ, въ захолустномъ Таганрогѣ, Императору Александру Павловичу, окруженному небольшимъ кружкомъ самыхъ преданныхъ, самыхъ вѣрныхъ людей, не такъ уже трудно было исполнить свое давнишнее желаніе, покинуть престолъ

и удалиться отъ міра, можетъ быть для искупленія невольнаго грѣха, связаннаго съ страшнымъ днемъ 11 марта 1801 года. Но отречься отъ престола открыто, оффиціально въ то смутное время, когда созрѣвалъ заговоръ декабристовъ, когда въ войскахъ происходило волненіе, Александръ I не могъ и онъ предпочелъ мнимую смерть... Обстоятельства благопріятствовали: случайная смерть фельдъегеря Маскова ускорила развязку...

Само собою разумѣется, что все это одни предположенія: но, вѣдь, нельзя не сознаться, что они вполнѣ осуществимы...

Вотъ тѣ факты и соображенія, которыя можно привести въ доказательство того, что данныя для возникновенія „легенды“ о таинственномъ сибирскомъ старцѣ имѣлись и что фактически самая „легенда“ не такъ уже необоснована...

Отъ природы мистически настроенный характеръ Александра I; его неуклонное желаніе рано или поздно отречься отъ престола тяжелое, неизгладимое впечатлѣніе, произведенное на его впечатлительную натуру трагической исторіей въ Инженерномъ замкѣ, жертвою которой палъ Императоръ Павелъ I; неурядицы во внутренней жизни государства и открывшійся серьезный заговоръ противъ его Особы; бывшіе случаи покушенія на его жизнь; необычайная обстановка отбытія его изъ Петербурга въ послѣднее путешествіе; не менѣе необычайная и таинственная обстановка его кончины и вскрытія гроба въ соборѣ Петропавловской крѣпости; необычайныя награды и милости, сыпавшіяся щедрою рукою на лицъ, бывшихъ свидѣтелями послѣднихъ дней жизни Императора въ Таганрогѣ; знаніе таинственнымъ сибирскимъ отшельникомъ мельчайшихъ подробностей изъ исторіи царствованія Императора Александра I и знакомство старца съ интимною жизнію двора; посѣщеніе его многими высокопоставленными лицами; случаи признанія въ лицѣ Феодора Козьмича Алек-

сандра I лицами, знавшими Императора; наконецъ, посѣщеніе могилы и келіи старца многими высокопоставленными лицами и замѣченное многими сходство старца съ Императоромъ Александромъ Павловичемъ,—все это, въ совокупности взятое, можетъ заставить повѣрить въ истинность легенды людей, далеко не легковѣрныхъ.

Такъ оно и случилось на самомъ дѣлѣ: многіе представители интеллигенціи, профессора, писатели и пр., вѣрили и вѣрятъ, что „легенда“ о таинственномъ сибирскомъ отшельникѣ—не легенда, а фактъ.....

Мы не будемъ дѣлать никакихъ заключеній: пусть сдѣлаетъ ихъ самъ читатель, тщательно вдумавшись и сопоставивъ всѣ изложенныя выше данныя. Скажемъ только, что если на основаніи имѣющихся данныхъ нельзя категорически утверждать, что старецъ Феодоръ Козьмичъ былъ именно Императоръ Александъ Благословенный, то въ такой же степени нельзя и отрицать того, что Александръ Павловичъ могъ явиться въ образѣ таинственнаго сибирскаго старца-отшельника.

А пока остается надѣяться, что „есть предѣлъ тайнѣ и придетъ время, когда тайное станетъ явнымъ“...

И мы глубоко убѣждены, что не за горами это время.

ОПИСАНІЕ РИСУНКОВЪ.

1.

Портреты старца Феодора Козьмича.

(Рис. помѣщ. на стр. 8 и 139).

Въ началѣ нашей книги, помѣщенъ портретъ старца Феодора Козьмича, весьма распространенный не только въ Сибири, но и въ Европейской Россіи. Феодоръ Козьмичъ изображенъ на портретѣ стоящимъ въ кельѣ, въ длинной бѣлой рубахѣ, подпоясанной поясомъ, сѣдымъ старцемъ съ бородою. Лицо круглое, носъ тонкій, небольшой; на головѣ большая лысина. Сѣдые волосы падаютъ ниже ушей со стороны висковъ и затылка. Въ углу убогой кельи виднѣются св. крестъ и икона Божіей Матери. Вглядываясь въ этотъ портретъ, нельзя не замѣтить во всѣхъ чертахъ лица его, и въ особенности въ выраженіи глазъ, отпечатокъ глубокой, невыразимой грусти, какой-то тяжелой, давящей сердце скорби. Лицо старца удивительно напоминаетъ черты лица Императора Александра Павловича.

Говорятъ, что этотъ портретъ воспроизведенъ съ портрета, писаннаго въ Томскѣ какимъ-то неизвѣстнымъ художникомъ.

По поводу портрета Феодора Козьмича И. Г. Чистяковъ разсказывалъ намъ удивительную исторію.

Когда въ 1866 г., по порученію С. Ф. Хромова, былъ воспроизведенъ описанный выше портретъ старца, Хромовъ повезъ его въ Москву къ тамошнему живописцу Аполлинарію Якимову, чтобы заказать ему на

писать портретъ старца масляными красками. Когда С. Ф. Хромовъ пріѣхалъ къ Якимову, тотъ со сло-

Старецъ Феодоръ Козьминъ на смертномъ одрѣ.

вами: „а вотъ идемъ, посмотримъ, что я вамъ покажу“,—повелъ его въ другую комнату. Лишь только Хромовъ взошелъ въ ту комнату, какъ увидѣлъ на мольбертѣ портретъ старца, какой имѣлся у него и

какой ему желательно было имѣть писаннымъ масляными красками. Между тѣмъ, Якимовъ не видалъ никогда не только старца, но даже его портрета и не зналъ о цѣли пріѣзда Хромова.

Оказывается, что онъ видѣлъ старца во снѣ и на память написалъ его портретъ.

По словамъ С. Ф. Хромова, портретъ старца Феодора Козьмича, который воспроизведенъ и у насъ, весьма удаченъ. Нѣкоторая неправильность замѣчается только въ бородѣ: у старца борода была волнистая, на портретѣ-же она изображена прямою.

Второй портретъ, помѣщенный на страницѣ „139“ изображаетъ старца на смертномъ одрѣ, на второй день послѣ его кончины. Портретъ писанъ карандашемъ, съ натуры, неизвѣстнымъ художникомъ.

2.

Богородице-Алексіевскій мужской монастырь въ Томскѣ.

Монастырь этотъ основанъ въ 1605 году, черезъ годъ послѣ основанія г. Томска, въ 9 верстахъ отъ послѣдняго, къ сѣверу, на правомъ берегу рѣки Томи, при устьѣ рѣки Большой Киргизки, впадающей въ рѣку Томь, и назывался по мѣстоположенію Усть-Киргизскимъ. Земельныя угодья, какъ-то пашни, покосы, рыбныя ловли,—частью были пожертвованы разными лицами, а частью куплены строителемъ монастыря, старцемъ Ефремомъ, такъ что въ этомъ отношеніи монастырь былъ съ первыхъ же лѣтъ своего существованія обезпеченъ.

Первая церковь построена была деревянная, недалеко отъ берега рѣки Томи, которая однако немного лѣтъ простояла, такъ какъ въ одну весну сильнымъ разливомъ воды она была снесена вся безъ остатка. Вслѣдствіе такого несчастія, бывшій строитель монастыря съ братіею должны были собирать въ міру Христовымъ именемъ доброхотныя подаянія и на собранныя съ большимъ трудомъ деньги построили, уже далеко отъ берега, новую церковь Пресвятыя Богородицы, въ память явленія иконы Ея въ городѣ Казани 8 іюля. Эта вторая церковь въ 1656 году сгорѣла, а затѣмъ хотя монастырь и строился снова послѣ пожара, но отъ бывшихъ до пяти разъ съ 1614 года набѣговъ киргизъ и калмыковъ на городъ Томскъ и на самый монастырь, послѣдній сильно разорился. Для защиты отъ непріятельскихъ набѣговъ устраивались окопы, остатки которыхъ до настоящаго

времени сохранились довольно явственно въ видѣ разныхъ размѣровъ вырытыхъ ямъ, квадратныхъ и круглыхъ, вдоль крутого берега рѣки Киргизки. Чтобы избавиться отъ непріятельскихъ набѣговъ, въ концѣ концовъ настоятелю съ братіею пришлось съ устья рѣки Киргизки перейти на жительство въ г. Томскъ.

Видъ Томскаго мужского монастыря, гдѣ погребенъ Старецъ.

Какъ видно изъ челобитной къ царю государю и великому князю Алексѣю Михайловичу въ 1657 году отъ строителя старца Ефрема съ братіею и отъ Томскихъ гражданъ, заложенъ былъ въ 1658 году монастырь въ городѣ Томскѣ, въ концѣ посада, съ полуденной стороны, при рѣчкѣ Ушайкѣ, на пригористомъ мѣстѣ, и съ помощію вкладчиковъ окончательно построенъ въ 1663 году, при преосвященномъ Симеонѣ, Архіепископѣ Тобольскомъ.

По мѣсту построенія монастырь сталъ называться Томскимъ, а такъ какъ въ немъ построена была церковь во имя преп. Алексія человѣка Божія, то получилъ названіе еще Алексіевскій. Съ этого времени монастырь сталъ называться еще по главному храму, Богородице-Алексіевскимъ. Эта вторая церковь въ 1755 году сгорѣла и вмѣсто ея была выстроена въ 1760 году новая, съ престолами тѣхъ же святыхъ, но и этотъ храмъ 24 января 1779 года сгорѣлъ.

Основанный въ концѣ посада, въ настоящее время монастырь оказался въ центрѣ города:—такъ его застроили со всѣхъ сторонъ новые насельники.

Нынѣ существующая церковь въ монастырѣ каменная, построена усердіемъ купца Шевырина, съ пособіемъ отъ казны; главный храмъ во имя Казанскія иконы Пресвятыя Богородицы; освященъ 20-го ноября 1789 года. Колокольня каменная, восьми угольная, устроена въ связи съ церковью, строилась послѣ освященія храма и закончена только въ 1860 году.

Въ ризницѣ монастыря не мало цѣннаго, достопримѣчательнаго. Любитель старины найдетъ достаточно любопытнаго матеріала въ архивѣ монастыря, но самый монастырь скроменъ. И всетаки славенъ онъ. Какъ небесная звѣзда, сіяетъ онъ на фонѣ суроваго края, утоляя духовную жажду вѣрующихъ, помогая имъ въ скорбяхъ, посылая имъ высшія радости—даръ неба.

Настоятели монастыря были насадителями вѣры Христовой среди инородцевъ (остяковъ), и особенно здѣсь проповѣдывалъ архимандритъ Іона Грекъ (1669—1705) и новокрещенные имъ принимали фамилію „Гречанинъ“, и нынѣ среди ясашныхъ крестьянъ много потомковъ новокрещенныхъ, носящихъ фамилію Гречанинъ. Миссія эта была не случайная и не кратковременная, о чемъ свидѣтельствуетъ письменное наставленіе, преподанное отъ преосвященнаго Тобольскаго. Другимъ виднымъ миссіонеромъ былъ настоятель, Игуменъ Иннокентій. (1781—1806).

Около храма находится монастырское кладбище, на которомъ и покоится великій старецъ Феодоръ Козьмичъ.

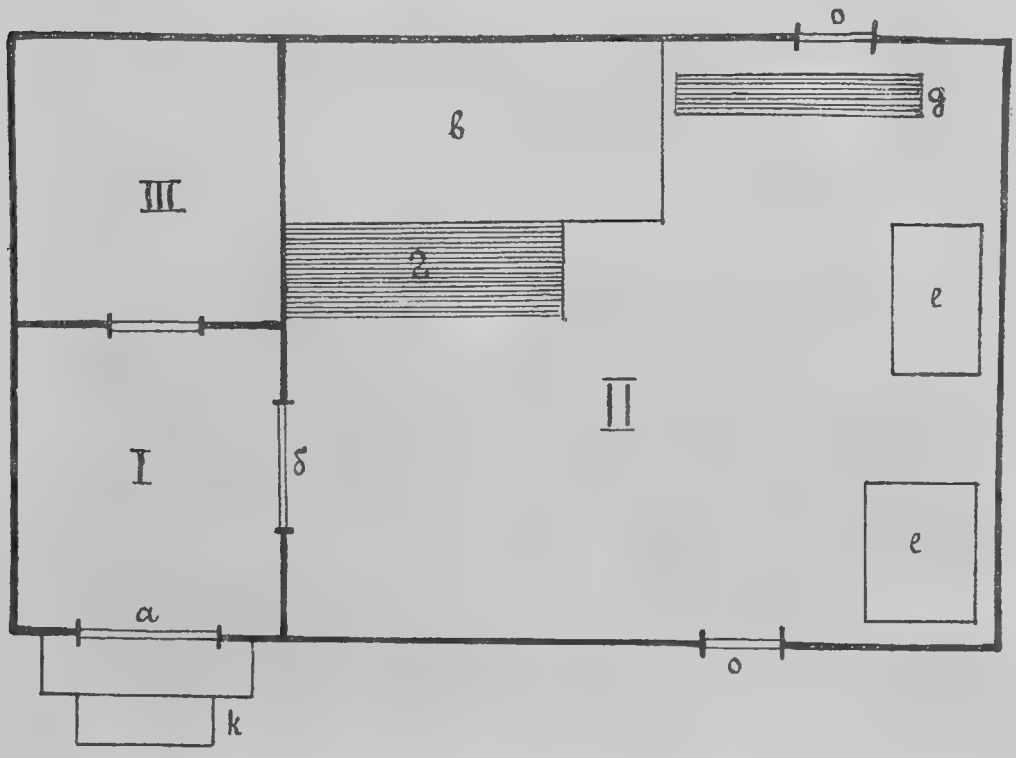
3.

Келія Феодора Козьмича въ г. Томскѣ.

(Рисунки помѣщ. на стр. 60, 61 и 66).

Изображенная на страницѣ 60 келія старца Феодора Козьмича—(внутренній видъ ея изображенъ на страницѣ 61), находится въ городѣ Томскѣ, по Монастырской улицѣ, въ садикѣ при домѣ наслѣдницы Хромова—Чистяковой. Келія представляетъ собою небольшую бревенчатую избушку, въ одну комнату съ сѣнцами и крылечкомъ. При входѣ въ комнату, на лѣво, большая печь, съ лежанкой (см. планъ); на лежанкѣ гладкая доска, служившая старцу постелью, и деревянный обрубокъ, служившій ему подушкой. На доскѣ замѣтны слѣды отдыхавшаго тѣла, а на обрубкѣ впадина, образовавшаяся отъ долгаго лежанія на немъ головы. Два небольшихъ окошка едва освѣщаютъ эту скромную келію скромнаго подвижника. Въ переднемъ правомъ углу—столъ, покрытый пеленою; всѣ стѣны увѣшаны иконами и картинами религіознаго содержанія. Здѣсь-же имѣются портреты старца, воспроизведенные у насъ, а также два портрета Императора Александра Благословеннаго; одинъ изъ нихъ въ коронаціонномъ облаченіи, а другой—копія съ извѣстнаго портрета Доу. Всѣ иконы, картины и портреты позднѣйшаго происхожденія; отъ временъ старца осталась лишь сильно попорченная икона Почаевской Божіей Матери, на которой въ нѣсколькихъ мѣстахъ еле замѣтны иниціалы: „А“.

Мельницкій разсказываетъ, что послѣ смерти старца оказалось, что назади за иконою скрыта была переписка, которую Хромовъ въ скоромъ времени повезъ показать покойному Филарету, митрополиту Московскому, а затѣмъ въ Петербургъ и чрезъ шефа жандармовъ, князя Василія Андреевича Долгорукова, Хромовъ, будто-бы, просилъ свиданія съ покойнымъ



Планъ келіи Феодора Козьмича въ Томскѣ.

Императоромъ Александромъ II; свиданіе не послѣдовало, бумаги отъ Хромова отобраны, а его за болтливость, будто-бы, посадили въ Петропавловскую крѣпость, гдѣ, продержавъ нѣсколько мѣсяцевъ, отпустили, съ тѣмъ, чтобы онъ болѣе не болталъ.

Послѣднее обстоятельство, совершенно не вѣрно: С. Ф. Хромовъ въ Петропавловской крѣпости никогда не сидѣлъ. Это категорически утверждаетъ зять его

И. Г. Чистяковъ [1]), а такъ же и Великій Князь Николай Михайловичъ въ своей брошюрѣ.

Дѣйствительно-ли существовала подобная переписка, а въ утвердительномъ случаѣ, гдѣ она находится въ настоящее время, намъ не удалось собрать никакихъ свѣдѣній.

Изъ остальныхъ вещей, принадлежавшихъ старцу, въ келіи долгое время находились перламутровый крестъ, кафтанъ, шапка, туфли, стаканъ, деревянная дощечка, служившая тарелкою подвижнику, немного бѣлья и чулки. Всѣ эти вещи нѣсколько лѣтъ тому назадъ похищены неизвѣстными злоумышленниками со вломомъ замковъ.

Кому нужны были эти, не имѣющія никакой матеріальной цѣнности, вещи въ то время какъ предметы, имѣющіе извѣстную цѣнность, были оставлены?

По этому поводу г. Д. Д. въ саратовской газетѣ „Волга“ (№ 272, отъ 20 декабря 1907 г.) пишетъ:

„Лѣтъ 25 тому назадъ, когда я жилъ въ Восточной Сибири, въ деревнѣ, мнѣ одинъ человѣкъ передалъ что-то о Феодорѣ Кузьмичѣ, съ увѣреніемъ, что кто-то, чуть ли не какой-то иностранецъ, во всякомъ случаѣ не сибирякъ, даетъ большія деньги тому, кто какимъ бы то ни было путемъ достанетъ оставшіяся послѣ смерти Феодора Козьмича какія бы то ни было вещи. И вотъ какъ будто это сбылось: лѣтъ шесть тому назадъ изъ кельи старца выкрали все. Кѣмъ и съ какой цѣлью это сдѣлано—неизвѣстно;

---

[1]) Весь разсказъ Мельницкаго—досужая фантазія. Послѣ смерти старца остались записки, которыя были въ мѣшечкѣ, висѣвшемъ на гвоздѣ стѣны въ кельѣ; найденныя записки всѣ извѣстны и помѣщены въ этой книгѣ. За иконой въ селѣ Зерцалахъ послѣ смерти старца найденъ былъ только вензель-буква А. Къ Московскому Митрополиту Филарету Хромовъ не ѣздилъ и никакихъ бумагъ не представлялъ; съ княземъ Долгоруковымъ Хромовъ былъ знакомъ, и князь Долгоруковъ не былъ шефомъ жандармовъ, а былъ Предсѣдателемъ Комиссіи принятія прошеній на Высочайшее имя; никакихъ бумагъ отъ Хромова не было отобрано, свиданія съ Императоромъ Александромъ II онъ не просилъ и въ Петропавловской крѣпости не сидѣлъ. *И. Чистяковъ.*

одно лишь можно сказать, что тогда къ старцу особеннаго живого интереса не было—нашихъ серьезныхъ сибиряковъ интересовалъ всегда смыслъ легенды, но не вещи и реликвіи послѣ старца, да и самыя вещи въ келіи, оставшіяся неприкосновенными послѣ смерти старца, ровно никакой цѣнности не имѣли и взяты онѣ были, разумѣется, не ради

Наружный видъ кельи старца Феодора Козьмича въ с. Бѣлоярскомъ, Ачинск. уѣзда, Томск. губ.

своей абсолютной цѣнности и, конечно, не для иноземцевъ, да и для чего онѣ имъ“... [1]).

И. Г. Чистяковъ передаетъ:

„Послѣ одной изъ покражъ кельи пріѣзжаетъ изъ 1-й части помощникъ частнаго пристава, который вскорѣ былъ переведенъ частнымъ приставомъ во-

[1]) И совсѣмъ наоборотъ. Въ Томскѣ ходятъ слухи, что украденныя вещи сбыты именно за-границу, въ одинъ изъ французскихъ музеевъ.

скресенской части, а потомъ бійскимъ исправникомъ, фамилію я забылъ, и передалъ Чистякову, что покраденное бѣлье изъ кельи послѣ старца попало заграницу и продается каждый вершокъ на вѣсъ золота".

Въ настоящее время изъ вещей старца Феодора Козьмича сохранились только палка и записки, воспроизведенныя у насъ (см. рисунки на страницахъ 63—65), затѣмъ метелка, которою онъ подметалъ крылечко около своей кельи, два мѣшечка и бумажныя иконы. Всѣ эти вещи хранятся у И. Г. Чистякова.

Въ общемъ келія старца не только скромна, но убога... Это настоящій очагъ смиренія...

Самый строгій аскетъ не нашелъ-бы въ ней ничего лишняго. Все въ ней для подвига и молитвы... Возстаетъ въ памяти образъ старца. Ушелъ помыслами отъ земной суеты, вознесся духомъ къ горнимъ высотамъ. Душа, точно цвѣтокъ послѣ лѣтняго дождя, развернулась и заблагоухала. Помыслы о плоти разсѣялись, какъ дымъ. Если были кумиры, то теперь они разрушились... Міръ, великій, необъятный міръ съузился такъ, что весь вошелъ въ убогую келію, а она въ своемъ убожествѣ явила новыя радости, красоты; она открыла тайну неба и дала возможность,—да, да, она, а не пышныя хоромы,—слышать голоса небожителей, славословящихъ Творца. Что нужнѣе человѣку: земля или небо? Земля погрязла въ грѣхѣ. А небо такъ прекрасно. Быть ближе къ небу—быть ближе къ вѣчному блаженству. И стремленіе къ небесному есть уединеніе. А уединеніе не есть ли мать всего великаго, вѣчнаго, нужнаго?..

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ извѣстный почитатель старца Феодора Козьмича Елисей Захаровичъ Захаровъ обратился къ городскому головѣ А. П. Корнакову съ заявленіемъ, въ которомъ сообщаетъ, что нѣкоторыя лица, пожелавшія остаться неизвѣстными, съ благословенія извѣстнаго отца Іоанна Кронштадтскаго, рѣшили ознаменовать день бракосочетанія Ихъ Императорскихъ Величествъ устройствомъ трехпрестольнаго храма, во имя Козельщанской Божіей Матери, Николая Чудотворца и Федора Стратилата,

съ домомъ трудолюбія, но при томъ непремѣнномъ условіи, чтобы этотъ храмъ былъ построенъ на мѣстѣ келіи Феодора Козьмича. Г. Захаровъ о разрѣшеніи построить этотъ храмъ обращался къ духовному вѣдомству. Духовная консисторія увѣдомила его, что для полученія разрѣшенія требуется представленіе документа о пріобрѣтеніи мѣста для возведенія на немъ храма съ домомъ трудолюбія.

Насколько намъ извѣстно, велись переговоры съ домовладѣлицей по поводу пріобрѣтенія мѣста, но дѣло до сихъ поръ еще окончательно не рѣшено...

Въ дѣлѣ постройки церкви и пріобрѣтеніи мѣста принималъ участіе К. П. Побѣдоносцевъ, который требовалъ отъ мѣстнаго Епископа Макарія объясненія по поводу отказа Захарову [1]) въ постройкѣ церкви надъ кельей Феодора Козьмича.

Въ келіи еженедѣльно, по Воскресеньямъ, въ пять часовъ вечера, братіей Томскаго Алексѣевскаго монастыря служатся панихиды; осмотръ келіи доступенъ во всякое время.

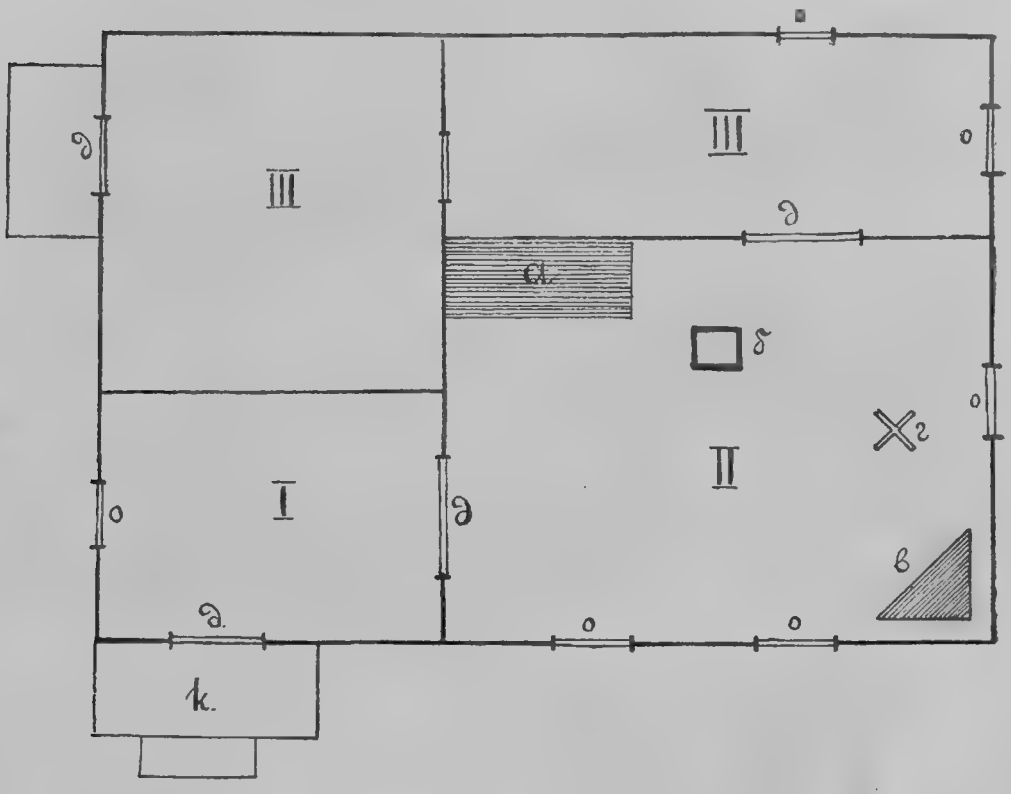
---

[1]) Захаровъ изъ Москвы пріѣзжалъ въ Томскъ для покупки мѣста, гдѣ келья старца.

4.

Келія старца на Хромовской заимкѣ.

Во время пребыванія своего въ г. Томскѣ у С. Ф. Хромова, старецъ Феодоръ Козьмичъ жилъ на заимкѣ



Внутренній видъ кельи старца на заимкѣ н-ковъ Хромова, нынѣ Чистяковыхъ, около Томска.

Хромова всего года полтора, пока не была выстроена въ городѣ новая для него келья, а на заимкѣ изъ стараго зданія была приспособлена келья съ кухней при отдѣльномъ ходѣ.

Старецъ Феодоръ Кузьмичъ кушалъ одинъ разъ въ день; въ 10 часовъ утра приносили жена Хромова Наталья Андреевна или дочь ихъ Анна Семеновна ему кушать и стаканъ чаю и это оставалось до 4-хъ часовъ пополудни; въ 4 часа приходили къ нему брать посуду и онъ всегда говорилъ наканунѣ, что ему готовить; онъ круглый годъ ѣлъ пост-

Наружный видъ кельи старца Феодора Козьмича на заимкѣ н-ковъ С. Ф. Хромова, нынѣ Чистяковыхъ, близь Томска.

Лица—старикъ Ив. Гр. Чистяковъ, сконч. въ декабрѣ 1911 г., слѣва жена его Зинаида Семеновна, (младшая дочь Хромова), справа почитатель старца Томскій житель Д. Г. Романовъ, собиравшій матеріалъ о жизни старца.

ное, и только въ великіе праздники какъ-то Рождество, Новый годъ, Крещенье и Пасху разрѣшалъ изъ мелкой рыбки варить себѣ уху, а постныя кушанья готовились: щи съ бѣлыми грибами, горохъ, лапшу съ бѣлыми грибами, супъ изъ овощей съ бѣлыми грибами. Часто, особенно лѣтомъ, проводилъ время на принадлежащей Хромову заимкѣ, въ 4-хъ верстахъ отъ Томска,

гдѣ для старца была выстроена особая скромная келія. Рисунокъ на страницѣ 151 изображаетъ наружный видъ этой келіи, а на страницѣ 66 ея внутренность.

„Хромовская заимка", какъ мы уже сказали, расположена въ 4-хъ верстахъ отъ г. Томска, недалеко отъ праваго берега рѣчки Ушайки, почти у самаго полотна Томской желѣзнодорожной вѣтки, въ весьма

Видъ села Зерцалы, Ачинск. уѣзд., Томск. губ.

живописной мѣстности. Съ желѣзнодорожнаго полотна заимка видна какъ на ладони. Въ настоящее время она принадлежитъ дочери покойнаго С. Ф. Хромова Зиновіи Семеновнѣ Чистяковой.

Въ настоящее время на заимкѣ, кромѣ келіи старца Феодора Козьмича, находится домъ, гдѣ лѣтомъ проживаетъ семья Чистяковыхъ, нѣсколько помѣщеній для дачниковъ и хозяйственныя постройки.

Самая келія старца представляетъ собою небольшой бревенчатый домикъ, состоящій изъ сѣней и трехъ комнатъ. Старецъ Феодоръ Козьмичъ занималъ,

собственно, только одну комнату, обозначенную на планѣ цифрою II. Комната эта оштукатурена, но отъ времени штукатурка во многихъ мѣстахъ обвалилась. Вообще келія требуетъ ремонта. При входѣ въ келію старца изъ сѣней, на лѣво находится большая печь съ лежанкой, на которой старецъ спалъ и отдыхалъ на простой деревянной доскѣ такъ-же, какъ и во всѣхъ келіяхъ, гдѣ онъ жилъ. Въ правомъ переднемъ углу виситъ нѣсколько иконъ и стоитъ треугольный краснаго дерева шкафчикъ, съ стеклянными дверцами, который былъ и при старцѣ. Влѣво на стѣнѣ виситъ писанный красками портретъ Феодора Козьмича. Невдалекѣ отъ передняго угла стоитъ принадлежавшій старцу складной аналой съ кожанымъ верхомъ, за которымъ Феодоръ Козьмичъ молился. Вотъ и вся убогая обстановка скромной келіи благословеннаго старца.

Недалеко отъ печки, въ лѣвой сторонѣ келіи находится ходъ въ подвалъ. Подвалъ представляетъ собою довольно обширное сухое помѣщеніе, стѣны котораго обложены кирпичемъ. Среди этого подвала находится небольшой колодезь, глубиною не болѣе одного аршина.

Разсказываютъ, что, когда С. Ф. Хромовъ, во время ремонта келіи, сталъ подводить подъ нее фундаментъ, то подъ самой келіей показался источникъ воды. На этомъ самомъ мѣстѣ вырыли небольшой колодезь, устроили подвальное помѣщеніе, стѣны котораго обложили кирпичемъ и вообще приняли мѣры для благоустройства этого мѣста. Съ тѣхъ поръ въ колодцѣ вода стала появляться ежегодно разъ или два, и, говорятъ, преимущественно въ большіе праздники: Св. Пасху, Благовѣщеніе и др. Вода имѣетъ цѣлебный характеръ. Зарегистрованъ цѣлый рядъ случаевъ, когда принимавшіе ее съ вѣрою, молитвами старца Феодора Козьмича исцѣлялись отъ разныхъ болѣзней. Воды появляется немного и она разбирается вѣрующими въ ея чудодѣйственную цѣлебность, часто даже пріѣзжающими издалека. Говорятъ, что вода эта совершенно не портится отъ времени, если даже она сохраняется въ открытомъ сосудѣ.

Лица, пробовавшія эту воду даже въ жаркое время года, находили ее совершенно свѣжею и превосходнаго вкуса.

Келія вокругъ обсажена пихтами и кедрами и снаружи имѣетъ довольно привлекательный видъ. Передъ келіей находится небольшая полянка, на которой когда-то часто прогуливался старецъ Феодоръ Козьмичъ.

Однажды благословенный старецъ, прогуливаясь по полянкѣ съ С. Ф. Хромовымъ, пророчески сказалъ послѣднему:

„Панокъ, на этомъ мѣстѣ когда нибудь, можетъ быть не скоро, можетъ быть черезъ сто и болѣе лѣтъ, будетъ столько народу, сколько звѣздъ на небѣ или песку на берегу морскомъ“...

Послѣ смерти Феодора Козьмича Хромовъ возъимѣлъ намѣреніе построить на этомъ мѣстѣ монастырь. Когда возникъ вопросъ, какъ назвать предполагаемый монастырь: Александровскимъ или Феодоровскимъ, рѣшили бросить жребій, и жребій указалъ, что монастырь долженъ быть названъ Феодоровскимъ.

Хромовъ для постройки монастыря отвелъ значительное мѣсто, говорятъ, до 60 десятинъ; но до сего времени для постройки Феодоровскаго монастыря еще ничего не предпринято, хотя въ Томскъ неоднократно приходили монахи, желавшіе поселиться въ этомъ монастырѣ. Дѣло, очевидно, останавливается за недостаткомъ средствъ...

5.

„Тайна“ Феодора Козьмича.

(Рисунки помѣщ. на стр. 63 и 64).

Какъ извѣстно, послѣ смерти старца Феодора Козьмича въ его келіи, въ особомъ мѣшечкѣ, были найдены рукописные остатки отъ старца, а именно: Записка Феодора Козьмича, датированная 2-мъ іюня 1849 года, и два продолговатыхъ листочка бумаги, въ видѣ ленты, на которыхъ съ обѣихъ сторонъ написаны отдѣльныя слова, обрывки изрѣченій, буквы, цифры и помѣтка: „26 марта 1837 года“.

Послѣднія двѣ записки, несомнѣнно, шифрованныя тѣмъ или инымъ способомъ, извѣстны подъ именемъ „тайны“ Старца Феодора Козьмича. На страницахъ 20—21 (Мирный Трудъ № 2) мы помѣщаемъ точное воспроизведеніе всѣхъ этихъ документовъ.

Къ раскрытію шифра записокъ Феодора Козьмича, къ разгадкѣ его „тайны“, стремились многіе и, между прочимъ, покойный архимандритъ Томскаго Богородице-Алексѣевскаго мужского монастыря о. Викторъ. Но всѣ старанія въ этомъ направленіи оставались тщетными.

Для примѣра мы укажемъ на одну изъ такихъ попытокъ раскрыть „тайну“ старца, произведенную бывшимъ библіотекаремъ покойнаго оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода, г. И. Митрополовымъ. Иванъ Денисовичъ Митрополовъ завѣдывалъ синодальной лавкой, что подъ Святѣйшимъ Синодомъ; разборъ ключа, оставленнаго Феодоромъ Козьмичемъ происходилъ въ Императорской публичной библіотекѣ при директорѣ публичной библіотеки А. Ф. Бычковѣ.

Въ основу своей попытки г. Митрополовъ положилъ слѣдующее: онъ перекладывалъ буквы записки на соотвѣтствующія имъ цифры славянскаго счисленія и ему путемъ арифметическихъ дѣйствій съ этими цифрами удалось получить нѣкоторыя числа, имѣющія значеніе въ жизни Императора Александра I.

Но необходимо замѣтить, что нижеуказанныя цифры получены г. Митрополовымъ благодаря цѣлому ряду натяжекъ и потому предлагаемая имъ „разгадка“ „тайны“ старца Феодора Козьмича не можетъ имѣть никакого серьезнаго значенія.

Г. Митрополовъ, перелагая буквы, находящіяся на лѣвой сторонѣ записки, (помѣщенной у насъ на стр. 63 второй сверху), на цифры соотвѣтственно славянскому счисленію и складывая ихъ, получаетъ сумму, равную 548-ми. При сложеніи этой суммы съ находящеюся на той же сторонѣ записки цифрою 1234, въ свою очередь получается цифра 1782. При этомъ буква „ж“, какъ не имѣющая въ славянскомъ алфавитѣ соотвѣтствующаго цифроваго значенія была оставлена безъ вниманія. Изъ цифры 1782 г-нъ Митрополовъ вычитаетъ цифру 5, соотвѣтствующую по славянскому счисленію буквѣ „е“, находящейся яко-бы на правой сторонѣ записки. Получается число 1777, соотвѣтствующее году рожденія Императора Александра Павловича.

Но если посмотрѣть на фотографическій снимокъ записки, которую старается дешифровать г-нъ Митрополовъ, (см. стр. 63), то окажется, что на правой сторонѣ этой записки никакой буквы „е“ нѣтъ, а тамъ написаны слова: „а, крыютъ струфианъ“.

Изъ находящагося на лѣвой сторонѣ записки числа 1234 первыя двѣ цифры—12, по мнѣнію г-на Митрополова означаютъ число рожденія Императора Александра I (12 декабря). Далѣе г. Митрополовъ вычисляетъ: если изъ 14-ти—число буквъ на лѣвой сторонѣ записки, исключая букву „ж“,—вычтемъ 2,—число буквъ на правой сторонѣ,—(е и V)—то получимъ 12,—мѣсяцъ рожденія Императора Александра Павловича—декабрь.

Но и тутъ натяжка: на правой сторонѣ записки

вовсе нѣтъ буквъ „е“ и „V“, а, какъ уже было сказано выше, кромѣ словъ: „крыютъ струфианъ“, находится одна только буква „а“.

Взявъ изъ находящихся въ запискѣ цифръ 1234, —продолжаетъ г. Митрополовъ свои вычисленія,—послѣднія цифры 34 и вычтя изъ нихъ число буквъ лѣвой стороны записки—14 (также безъ „ж“),—получимъ 20—число кончины старца Феодора Козьмича (20 января). Одна буква „ж“, не идущая въ счетъ, можетъ обозначать первый мѣсяцъ (январь), мѣсяцъ кончины Благословеннаго старца.

Переводя на цифры буквы словъ правой стороны записки: „крыютъ струфианъ“, а затѣмъ сложивъ эти цифры, получаемъ число 1979. Точно такъ-же, переведя на цифры буквы, находящіяся на лѣвой сторонѣ, а именно: о, в, а, ж, з, Д, Л, при сложеніи этихъ цифръ, при чемъ „ж“ принимается за единицу, получимъ сумму 115; при вычитаніи этого числа изъ ранѣе полученнаго числа 1979, получается 1864—годъ кончины старца Феодора Козьмича...

Въ виду изложенныхъ натяжекъ и произвольной вставки буквъ, исчисленія г-на Митрополова, конечно не имѣютъ никакой цѣны и если мы привели ихъ, то лишь какъ доказательство страстнаго, но, къ сожалѣнію, безрезультатнаго желанія нѣкоторыхъ открыть „тайну“ Феодора Козьмича.

Гораздо любопытнѣе нѣкоторыя другія соображенія г-на Митрополова, напримѣръ его объясненіе таинственныхъ словъ: „крыютъ струфианъ“. Г-нъ Митрополовъ эти слова объясняетъ такимъ образомъ:

„Государей сравниваютъ съ орлами, парящими въ высотѣ небесной, здѣсь же Александръ Павловичъ приравниваетъ себя къ единственной птицѣ, имѣющей крылья и не летающей, т. е. страусу, или струфіану, такъ какъ онъ изъ орла добровольно превратился въ страуса“.

Слова одной изъ записокъ: „Видиши ли на какое васъ безсловесіе счастіе слово изнесе“, г-нъ Митрополовъ объясняетъ такъ:

„Видишь ли, на какое безсловесіе, т. е. молчаніе

о моемъ прежнемъ величіи, въ чемъ я нашелъ свое счастіе, предназначило меня Слово, т. е. Спаситель нашъ Іисусъ Христосъ".

Наиболѣе вѣроятною является расшифровка „тайны" старца Феодора Козьмича, произведенная преподавателемъ Императорскаго С.-Петербургскаго театральнаго училища, Иваномъ Степановичемъ Петровымъ.

Прочтя въ іюльской книжкѣ „Историческаго Вѣстника" за 1907 годъ изслѣдованіе Великаго Князя Николая Михаиловича: „Легенда о кончинѣ Императора Александра I въ Сибири въ образѣ старца Феодора Козьмича", И. С. Петровъ спеціально занялся разгадкой записокъ старца.

Послѣ долгихъ и упорныхъ стараній, помощію простой перестановки буквъ, г. Петровъ добился возможности возстановить текстъ загадочныхъ записокъ.

Вотъ какъ, по его мнѣнію, нужно читать „тайну" старца:

„Се Зевесъ Е. И. В. Николаї Павловичъ, безсовѣсти сославшій Александра, отъ его азъ нынче (или: отъ чего азъ нынѣ) такъ страдающъ брату вѣроломну вопію. Да возсія моя Держава. 1837 г. марта 26".

Эта первая, сколько нибудь удачная попытка дешифрировать записки старца Феодора Козьмича, конечно, заслуживаетъ полнаго вниманія и можно только съ благодарностію отнестись къ находчивости И. С. Петрова. Великій Князь Николай Михайловичъ замѣчаетъ, что, если записи старца дешифрированы правильно, то легенда о старцѣ Феодорѣ Козьмичѣ должна потерпѣть значительное видоизмѣненіе.

Но если принять во вниманіе то обстоятельство, что намъ неизвѣстно, (если, конечно, принять истинность легенды), гдѣ провелъ 12 лѣтъ жизни Императоръ Александръ I послѣ своего таинственнаго исчезновенія изъ Таганрога, а затѣмъ вспомнить разсказъ о не менѣе загадочномъ посѣщеніи Императоромъ Николаемъ Павловичемъ Свеаборгской крѣпости и исчезновеніи вслѣдъ затѣмъ какого то таинственнаго узника, въ лицѣ котораго моряки, сопровождавшіе Николая I, почему то склонны были видѣть именно

Императора Александра Павловича,—то мы, вопреки мнѣнію Великаго Князя Николая Михаиловича, не видимъ, въ чемъ бы интересующая насъ „легенда“ могла потерпѣть значительное видоизмѣненіе...

Можетъ быть разгадка „тайны“ Феодора Козьмича, предложенная И. С. Петровымъ, вызоветъ новыя изслѣдованія и тѣмъ приблизитъ насъ къ болѣе вѣрной разгадкѣ дѣйствительной личности загадочнаго сибирскаго старца...

6.

Архимандритъ Викторъ.

Покойный настоятель Томскаго Богородице-Алексѣевскаго монастыря о. архимандритъ Викторъ (въ

Архимандритъ Викторъ.

мірѣ Василій Лебедевъ), усерднѣйшій почитатель старца Феодора Козьмича, близко знавшій его, настоятельствовалъ въ монастырѣ съ 1839 года по 1883-й. Настоятельство о. архимандрита было самымъ продолжительнымъ за все время существованія монастыря.

О. Викторъ много потрудился надъ составленіемъ исторіи монастыря и едва-ли не первый выпустилъ краткое историческое обозрѣніе обители. Въ теченіи 60 лѣтъ онъ велъ дневникъ подъ названіемъ „Мысли“, въ которомъ русскій языкъ чередовался съ греческимъ и латинскимъ, коихъ онъ былъ знатокомъ. Послѣ него осталось также много бесѣдъ, словъ и поученій на Св. Евангеліе, двунадесятые, царскіе и храмовые праздники.

Онъ былъ человѣкъ необычайной доброты, никто не уходилъ отъ него безъ помощи. Пользуясь добротой о. архимандрита, его не разъ обманывали и даже обкрадывали.

О. архимандритъ Викторъ умеръ въ глубокой старости—88-ми лѣтъ, 29 августа 1889 г. и погребенъ на монастырскомъ кладбищѣ.

Архимандритъ Іона.

7.

Архимандритъ Іона.

Настоятель Томскаго Богородице-Алексѣевскаго мужского монастыря о. архимандритъ Іона (въ мірѣ Илія Іонновичъ Изосимовъ),—также усерднѣйшій почитатель старца Феодора Козьмича, родился 20 іюля 1838 года. Въ 1860 году онъ окончилъ курсъ Томской Духовной Семинаріи и въ томъ же году былъ рукоположенъ во священники въ село Верхъ-Ирменское, Томской епархіи. Прослуживъ затѣмъ нѣкоторое время въ селахъ Зеледѣевскомъ и Болотномъ, о. Илія Изосимовъ въ декабрѣ 1872 г. былъ переведенъ въ г. Томскъ настоятелемъ Тюремной церкви, гдѣ и прослужилъ цѣлыхъ 19 лѣтъ; затѣмъ 7 лѣтъ о. Илія былъ настоятелемъ Александро-Невской церкви при Томскомъ исправительномъ арестантскомъ отдѣленіи. Во время продолжительной службы своей по тюремному вѣдомству о. Илія, кромѣ своихъ прямыхъ обязанностей, исполнялъ цѣлый рядъ отдѣльныхъ отвѣтственныхъ порученій: по спеціальному порученію гу-

бернатора ходатайствовалъ по дѣламъ арестантовъ въ мѣстныхъ судебныхъ установленіяхъ, былъ распорядителемъ арестантскихъ артельныхъ мастерскихъ, состоя въ то же самое время учителемъ тюремной школы, и проч.

Долгое время о. Илія Изосимовъ былъ законоучителемъ въ Томскихъ приходскихъ школахъ, нѣкоторое время былъ благочиннымъ церквей г. Томска, исправлялъ обязанности эконома архіерейскаго дома и духовника Томской Духовной Семинаріи. Кромѣ того въ продолженіи 9 лѣтъ о. Илія занималъ отвѣтственную должность члена Томской Духовной консисторіи.

10 октября 1901 года о. Илія Іонновичъ Изосимовъ принялъ монашество, съ именемъ Іоны, и тогда же былъ назначенъ настоятелемъ Томскаго Богородице-Алексѣевскаго мужского монастыря, а 9 ноября того же года былъ возведенъ въ санъ архимандрита.

За непродолжительное сравнительно время своего настоятельства въ Алексѣевскомъ монастырѣ, о. архимандритъ Іона успѣлъ уже многое сдѣлать для управляемой имъ обители. Такъ, онъ обновилъ внутренность монастырскаго храма, которая представляетъ теперь прелестный видъ, значительно улучшилъ состояніе монастырской заимки и проч.

Благодаря иниціативѣ и трудамъ о. архимандрита Іоны, на частныя пожертвованія воздвигнута прекрасная каменная часовня на могилѣ Благословеннаго старца Феодора Козьмича. Какъ почитатель Великаго старца, о архимандритъ при жизни своей каждое воскресеніе совершалъ панихиду и краткій молебенъ въ келіи Феодора Козьмича, что на Монастырской улицѣ, при домѣ Чистякова.

За свои труды по духовному вѣдомству о. архимандритъ награжденъ орденами св. Анны 3 ст. и св. Владиміра.

Скончался о. архимандритъ Іона 28 іюля 1908 года и погребенъ на кладбищѣ Томскаго мужского монастыря.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Легенда о Цесаревичѣ Константинѣ Павловичѣ.

Среди матеріаловъ, которыми пришлось пользоваться при составленіи настоящаго очерка, намъ попалось любопытное указаніе на то, что и Цесаревичъ, Великій Князь Константинъ Павловичъ покончилъ свое земное странствованіе въ далекой Сибири. Вотъ что читаемъ въ интересныхъ запискахъ настоятеля Томскаго Богородице-Алексіевскаго монастыря о. архимандрита Іоны: однажды въ келію старца Феодора Кузьмича пришелъ іеромонахъ Германъ. Это было въ 1885 году, въ январѣ мѣсяцѣ. Помолившись Богу, о. Германъ сталъ молча разсматривать портретъ старца, а затѣмъ сказалъ Семену Феофановичу Хромову: а братъ-то его жилъ въ Иркутскѣ.

— Какой братъ? спросилъ Хромовъ.

— Константинъ, лаконически отвѣтилъ о. Германъ.

— За кого вы, батюшка, признаете этого старца? указывая на портретъ, еще спросилъ Хромовъ.

— Этотъ Александръ Первый, сказалъ онъ.

— А развѣ вы знавали Константина? снова сказалъ Хромовъ.

— На этотъ вопросъ о. Германъ разсказалъ слѣдующее:

— „Когда я жилъ въ Забайкальскомъ Посольскомъ монастырѣ, ко мнѣ приходитъ незнакомый человѣкъ и проситъ напутствовать больного. Взявши

что нужно, я пошелъ съ незнакомцемъ и пришелъ въ хижину. Здѣсь я увидалъ больного человѣка, который лежалъ на кровати и закрытъ былъ старою солдатскою шинелью. Послѣ обычнаго привѣтствія, я спросилъ больного, чѣмъ онъ боленъ и желаетъ ли исповѣдаться и Св. Таинъ пріобщиться. Онъ сказалъ: я боленъ горячкою и дѣйствительно желаю пріобщиться. Когда же я надѣлъ на себя эпитрахиль и приготовился читать положенныя молитвы, то больной сказалъ мнѣ: „Прежде, нежели исповѣдаться вамъ, я спрошу васъ, отецъ духовный, сохраните-ли вы тайну, которую я вамъ открою?“ На это я сказалъ: „если въ этой тайнѣ будетъ виденъ злой умыселъ противъ Царя или Отечества, то я не могу скрыть“. „Сохрани меня Богъ отъ какого-либо злого умысла, никогда я его не имѣлъ и не буду имѣть. Тайна моя,—продолжалъ онъ,—касается лишь меня одного и сохраните-ли вы ее, пока я живъ?“ Я на это сказалъ больному: „если ваша тайна ничего зловреднаго противъ Царя и Отечества не имѣетъ, то я буду молчаливъ, какъ стѣна, и буду только свидѣтелемъ между Богомъ и вами“. Тогда больной сказалъ: „чтобы исповѣдь моя была полная и искренняя, то долженъ вамъ сказать, кто я такой“...

Часто духовному отцу приходится видѣть предъ собой бродягъ и преступниковъ, открывающихъ свое званіе и преступленіе, поэтому я подумалъ, что вижу предъ собой или бродягу или страшнаго преступника и сказалъ ему: „вы будете раскаяваться передъ Богомъ, а я буду лишь молчаливымъ свидѣтелемъ“.

— Сохраните-ли мою тайну, пока я живъ? снова повторилъ больной, а я тоже подтвердилъ ему, что сохраню. Тогда онъ сказалъ: „Я Великій Князь Константинъ Павловичъ“.

Услышавъ это, я подумалъ, что больной заговорилъ въ бреду и переспросилъ его, какъ его настоящее имя. Онъ же сказалъ: „я здѣсь извѣстенъ подъ именемъ дезертира Федора Михайлова, но настоящее званіе и имя мое: Великій Князь Константинъ“. Я не могъ вѣрить этому, и не рѣшался начать молитвъ

предъ исповѣдью. Замѣтивши это, больной снова повторилъ: „имя мое Константинъ“. Послѣ этого я началъ читать молитвы предъ исповѣдью, произнося на нихъ имя Константинъ. Больной въ совершенной памяти и съ чистымъ сердечнымъ сокрушеніемъ исповѣдалъ свои грѣхи передъ Богомъ такъ, какъ подобало истинному христіанину, послѣ чего онъ удостоился и причаститься Св. Таинъ. Окончивъ требу, я подсѣлъ къ больному и долго съ нимъ бесѣдовалъ о превратностяхъ земной жизни. Во время всей бесѣды я не замѣтилъ въ немъ ни разстройства умственныхъ способностей, ни горячечнаго бреда, какъ я въ началѣ предполагалъ.

Оказалось, продолжалъ о. Германъ, что этотъ больной выздоровѣлъ и часто сталъ приходить ко мнѣ въ келію и бесѣдовать со мной о дѣлахъ минувшихъ дней. Въ бесѣдахъ своихъ онъ подробно разсказывалъ мнѣ о придворной жизни и о дѣлахъ политическихъ. Ростомъ онъ былъ выше средняго и со вздернутымъ немного вверхъ носомъ...

Вдова, жена протоіерея Лаврова, Марфа Гавриловна подтверждаетъ, что и она слышала этотъ разсказъ отъ о. Германа, какъ своего ближайшаго родственника...

II.

Легенда объ Императрицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ.

Настоятель Томскаго Богородице-Алексіевскаго монастыря о. архимандритъ Іона, со словъ бывшаго ключаря Томскаго Кафедральнаго Собора о. протоіерея Донецкаго, въ своихъ запискахъ приводитъ слѣдующій разсказъ:

Въ городѣ Бѣлевѣ одна помѣщица получила увѣдомленіе, что Государыня Елизавета Алексѣевна, проѣзжая черезъ Бѣлевъ имѣетъ остановиться въ ея домѣ. Помѣщица несказанно обрадовалась случаю видѣть и принимать у себя Государыню. Совѣтуясь съ опытными людьми, она со всѣмъ усердіемъ приготовила все, что нужно было сдѣлать для торжественной встрѣчи и пріема Государыни. Въ 10 часовъ вечера Царская карета остановилась у подъѣзда и хозяйка, преклонивши колѣно, поспѣшила поцѣловать протянутую руку Государыни, а затѣмъ стала помогать ей взойти на лѣстницу. Когда Государыня вошла въ залъ, то закрыла руками глаза и сказала:

„Свѣту слишкомъ много... уменьшить“. Хозяйка тотчасъ погасила свѣчи и оставила только двѣ свѣчи. Потомъ хозяйка спросила Государыню, не желаетъ-ли она чаю или кофе. На это государыня отвѣтила:

— Ничего я не хочу, я утомилась и мнѣ нуженъ покой.

Пожелавъ спокойной ночи, хозяйка удалилась въ другую половину дома и нераздѣваясь прилегла на диванъ.

Въ 12 часовъ ночи входитъ къ хозяйкѣ придворный чиновникъ и громко произноситъ:

— „Государыня скончалась!“ Хозяйка немедленно вошла въ залъ и увидѣла, что Государыня уже переодѣтая, положена на столъ... Хозяйка подошла поцѣловать руку умершей и увидѣла, что она встрѣчала не ту, которая оказалась умершею... На другой день, въ 10 часовъ утра, тѣло Государыни увезли изъ Бѣлева.

Спустя нѣсколько времени послѣ похоронъ Государыни Елизаветы Алексѣевны, къ о. Донецкому вечеромъ приходитъ странница и просится переночевать. Входитъ она съ котомкою на плечахъ. Съ перваго взгляда хозяева замѣтили, что эта странница не изъ простого рода. Ея рѣчь и манеры обличали въ ней высокообразованную особу, изъ высшаго общества. Когда ей указали особую комнату, то она въ присутствіи хозяйки переодѣлась въ другое платье, причемъ хозяйка не могла не подивиться, что у этой странницы бѣлье, платки, полотенца и другія вещи были изящны и сложены въ сумочкѣ аккуратно и умѣло. Когда она стала пить чай, то высказала, что она давно не пила хорошаго чаю. Во время чая она разсказывала много подробностей о придворной жизни и обнаружила свое высокое образованіе...

Невольно послѣ ея разговоровъ привелось спросить ее, кто она такая и что ее заставило странствовать?

— Кто я такая, сказать не могу, а что я странствую, то на это Божія воля, отвѣчала странница.

Кто такая была эта странница,—осталось загадкой, а только она своимъ видомъ, манерами и разсказами поселила къ себѣ высокое уваженіе и даже любовь.

Тогда же у нѣкоторыхъ явилось предположеніе, что это была Императрица Елизавета Алексѣевна, супруга Императора Александра I.

Къ изложенному можно добавить слѣдующее:

Въ 6-ти верстахъ отъ Новгорода, на рѣкѣ Стипенкѣ, расположенъ старинный Сырковъ монастырь, основанный въ 1548 году новгородскимъ бояриномъ Федоромъ Дмитріевичемъ Сырковымъ, на мѣстѣ древней и нѣкогда разоренной Сырковой пустыни.

Въ этомъ монастырѣ долгое время прожила и

скончалась знаменитая „Молчальница“ Вѣра Александровна. Тайна происхожденія „Молчальницы“ до сихъ поръ не обнаружена, хотя нѣкоторые склонны видѣть въ ея лицѣ Императрицу Елизавету Алексѣевну.

О „Молчальницѣ“ точно могла знать только графиня Анна Алексѣевна Орлова-Чесменская, которая хорошо знала „Молчальницу“ и которая ее устроила въ Сырковѣ монастырѣ. Несомнѣнно, что Вѣра Александровна была знатнаго рода и хорошо образована; на вопросъ своей келейницы Амфилохіи, кто она родомъ—отвѣтила: „Я прахъ земли, но родители мои были такъ богаты, что я горстію выносила для раздачи бѣднымъ, а крещена я на Бѣлыхъ горахъ“. Валдайскому же слѣдователю на подобный нескромный вопросъ сказала: „Если судить по небесному, то я прахъ земли, а если судить по земному, то я выше тебя“. Всѣ ея пріемы, по словамъ очевидцевъ, ея внѣшность, ея удивительная изысканность, при всемъ ея убожествѣ, и чистота, которую она тщательно поддерживала вокругъ себя, все это говорило за ея высокое происхожденіе. Жизнь она вела строгую, пребывая въ молитвѣ, чтеніи священнаго писанія и въ молчаніи.

Въ Новгородской губерніи „Молчальница“ появилась въ 1834 году, сначала въ городѣ Тихвинѣ, потомъ послѣ различныхъ злоключеній, въ 1840 г., въ Сырковѣ монастырѣ, гдѣ и скончалась 6 мая 1861 г., имѣя отъ роду около 70 лѣтъ и пробывъ въ молчаніи и молитвѣ болѣе 25 лѣтъ.

Келія „Молчальницы“ построена въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Вознесенской церкви, на западъ отъ нея, въ видѣ маленькой крестьянской избушки, состоящей внутри изъ одной большой выбѣленной комнаты, высотою около трехъ аршинъ, длиною 7 и шириною 6 аршинъ, и маленькихъ сѣней съ такимъ же крытымъ крыльцомъ. Келія съ двускатной крышей и снаружи обшита тесомъ [1]).

На могилѣ „Молчальницы“ поставленъ памятникъ

[1]) Интересная подробность: келія „Молчальницы“ по своему внѣшнему виду почти копія съ Томской келіи старца Ѳеодора Козьмича.

въ видѣ гроба изъ темнаго гранита съ бронзовыми львиными лапами, стоящаго на высокомъ прямоугольномъ и шлифованомъ пьедесталѣ изъ краснаго гранита, длиною около двухъ аршинъ и вышиною до одного аршина. На узкой сторонѣ гроба, въ головахъ, находится небольшой финифтевый образъ Св. Мучен. Вѣры за стекломъ, а подъ нимъ на пьедесталѣ вырѣзанъ большой восьмиконечный крестъ. На крышкѣ гроба горельефно изображенъ большой восьмиконечный крестъ. На боковыхъ длинныхъ сторонахъ гроба находятся слѣдующія надписи: на правой сторонѣ: „Здѣсь погребено тѣло возлюбившей Господа всею крѣпостью души своея и Ему Единому извѣстной рабы Божіей Вѣры, скончавшейся 1861 года мая 6-го дня въ 6 часовъ вечера, жившей въ своей обители болѣе 20 лѣтъ въ затворѣ и строгомъ молчаніи, молитву, кротость, смиреніе, истинную любовь ко Господу и сострадание къ ближнимъ сохранившей до гроба и мирно предавшей духъ свой Господу А. С.“. На лѣвой: „Во царствіи Твоемъ помяни Господи рабу Твою и подаждь отъ земныхъ трудовъ и скорбей упокоеніе небесное. Н. Л.“, Памятникъ этотъ поставленъ с.-петербургскимъ купцомъ, Н. О. Сапожниковымъ, однимъ изъ усерднѣйшихъ почитателей „Молчальницы“. „Молчальница“ сама выбрала себѣ мѣсто для своей могилы, недалеко отъ могилы игуменіи Александры Шубиной.

Въ монастырѣ свято сохраняются вещи „Молчальницы“: листъ со священными текстами и монограмами изъ сочетаній буквъ; Е. А и П., сдѣланными киноварью и чернилами, тетрадь съ различными выписками изъ житій святыхъ, сдѣланными карандашемъ и чернилами, сребро-позлащенный крестикъ, внутри коего положена прядь бѣлокурыхъ волосъ „Молчальницы“, изъ чего можно заключить, что „Молчальница“ была блондинка. На лицевой сторонѣ крестика нарисовано Распятіе, а на задней слѣдующая надпись: „Незабвенной молчальницы Вѣры Александровны 6 мая 1861 года“.

Кромѣ того сохраняются бумажные бѣлые чулки,

картонныя коробочки, сдѣланныя „Молчальницей“ и ею украшенныя священными текстами. Эти коробочки „Молчальница“ раздавала своимъ посѣтителямъ.

Затѣмъ—бѣлый коленкоровый капотъ, съ тройнымъ капюшономъ и подвязками и такой же бѣлый чепчикъ съ многочисленными сборками по краямъ. Въ этой одеждѣ „Молчальница“ всегда ходила дома, когда же выходила на улицу, то надѣвала лѣтомъ черный „люстриновый“ салопъ, а зимой старенькую шинельку на ватѣ, съ чернымъ капюшономъ и коленкоровымъ чернымъ кушакомъ, черную сборчатую шапочку и ветхій теплый платокъ...

Въ томъ же монастырѣ находится могила игумени Александры (Шубиной), бывшей воспріемницей Императрицы Елизаветы Алексѣевны, при переходѣ ея въ православіе, какъ о томъ гласитъ слѣдующая надпись на могилѣ игумени Александры: „Здѣсь погребено тело игумении александры шубиной, природой была Смоленскаго шляхетства смладыхъ летъ взошла вмонастырь Смоленски и пострижена воономъ же взята указомъ всмольной монастырь и посвѣшена игумению владогу и переведена игуменію всырковъ монастырь ивзята воспріемницею государыни императрицы елизаветы алексѣевны скончалась 1797 года октября 27 дня“.

Заслуживаетъ также вниманія, что одинъ изъ храмовъ обители возобновленъ на сумму 11.500 руб., пожалованную Императоромъ Александромъ I. Въ свою очередь гр. А. А. Орлова-Чесменская, бывшая въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ съ Императоромъ Александромъ I и положительно обожавшая Благословеннаго, пожертвовала въ 1848 году въ Томскій Алексіевскій монастырь 5000 рублей.

III.

44-я годовщина со дня смерти Феодора Козьмича.

Въ воскресеніе 20 Января 1908 г., въ 44-ю годовщину со дня кончины старца Феодора Козьмича, въ церкви Томскаго Богородице-Алексѣевскаго монастыря, на кладбищѣ котораго погребенъ Благословенный Старецъ Феодоръ Козьмичъ, состоялось поминовеніе покойнаго. Торжество началось литургіей, совершенной въ храмѣ монастыря о. настоятелемъ архимандритомъ Іоною. Послѣ литургіи была отслужена соборнѣ торжественная панихида, въ которой, кромѣ священнослужителей изъ братіи монастыря, приняли участіе и нѣкоторые изъ городскихъ священниковъ. Передъ панихидою о. архимандритомъ Іоною было произнесено прочувствованное слово, посвященное памяти покойнаго Великаго Старца. Храмъ не могъ вмѣстить въ себя всѣхъ желающихъ помолиться о Феодорѣ Козьмичѣ. Здѣсь были представители всѣхъ городскихъ сословій. Многіе, за недостаткомъ мѣста въ храмѣ, стояли на паперти. Говорятъ, что такого стеченія народа не бывало даже въ храмовые монастырскіе праздники.

Послѣ окончанія панихиды, всѣ направились къ могилѣ-часовнѣ Благословеннаго Старца, гдѣ нѣсколькими священниками была отслужена краткая литія.

Въ заключеніе въ покояхъ отца настоятеля, духовенству и приглашеннымъ лицамъ была предложена скромная поминальная трапеза.

Народу раздавались безплатно листки съ портре-

томъ старца Феодора Козьмича, краткимъ его жизнеописаніемъ и слѣдующимъ стихотвореніемъ-акростихомъ г-жи А. И. Макаровой-Мирской, озаглавленнымъ: „Почитателямъ Великаго подвижника Сибири Благословеннаго Старца Феодора Козьмича въ воспоминаніе 44-ой годовщины, со дня его смерти“.

Были родятся, преданія жизни прошедшей... изъ нихъ
Лица выходятъ, страданія, подвиги кроткихъ, святыхъ...
А для кого здѣсь не памятна старца смиреннаго жизнь?
Гдѣ по Сибири не славима?... Всякій о немъ помолись!
Онъ, взявъ одежду убогую, тайну вложивши въ уста,
Строгому подвигу... строгому вдался во имя Христа.
Листья слетали и ясная вновь приходила весна,
Осень... шли годы безстрастные... ночь онъ молился безъ сна.
Видимъ мы келью смиренную: въ тѣни деревьевъ, одна..
Если-бы мысль сокровенную намъ сохранила она!...
Надо-жъ завѣсу туманную здѣсь приподнять и о немъ
Нужно-бы слово пространное молвить о старцѣ святомъ.
Онъ, скрывшись въ келью убогую, тайну свою не открылъ,
Молча скрылъ многое... многое... но иногда говорилъ.
Устъ его слово правдивое свято иные хранятъ,
Слово о словѣ не лживое міру всему говорятъ!
Тайна уже не туманная, тайна слагается въ сказъ,
А по Сибири, желанная, вписана въ краткій разсказъ.
Русскіе любятъ преданія... любятъ святыхъ имена...

Цѣлыя были, сказанія, быль Твою... чтима она!..
Умъ сочетавъ и смиреніе, подвигъ понесшій всю жизнь,
— Ты научи насъ терпѣнію; въ небѣ о насъ помолись...

Той-же г-жей Макаровой-Мирской къ этому дню написано еще слѣдующее стихотвореніе, посвященное памяти старца Феодора Козьмича.

Родной Сибири ты подвижникъ и молчальникъ,
Какъ рѣдкіе цвѣты, передъ Христомъ печальникъ.
За ту страну, гдѣ жизнь смиренную ты несъ,
Какъ заповѣдалъ Самъ въ Евангельи Христосъ.
Шумятъ еще теперь надъ кельею убогой
Деревья старыя, и стѣны тамъ хранятъ
Воспоминаній горестныхъ и строгихъ,
Задумчивыхъ воспоминаній рядъ.
Благословенный Старецъ! У порога
На небо сѣвера смотрѣлъ съ печалью ты,
И жизнь твоя была свята и строга,
Какъ о странѣ родной завѣтныя мечты...
Родной Сибири ты подвижникъ и молчальникъ,
Какъ рѣдкіе цвѣты, передъ Христомъ печальникъ
За ту страну, гдѣ жизнь смиренную ты несъ,
Какъ заповѣдалъ Самъ въ Евангельи Христосъ.

IV.

Кто онъ?

(Памяти Феодора Козьмича, Благословеннаго Старца и Великаго подвижника Сибири).

Тайга... Въ глуши ея, близъ малаго селенья,
Въ бору когда то старецъ чудный жилъ...
Кто онъ—не зналъ никто, но утѣшенье
Печальный и больной у старца находилъ...
Высокій, ласковый, съ прекрасными глазами,
Съ улыбкой мягкою и полный доброты
Онъ одѣлялъ нуждавшихся дарами...
Имѣлъ онъ тонкія и строгія черты;
И было въ немъ такое обаянье,
Такая сила въ взглядѣ чудныхъ глазъ,
Что на Сибири сложилося сказанье:
„Благословенный Царь давно живетъ у насъ“,
Разсказывали мнѣ: когда сгущались тѣни
Въ лѣсной глуши, къ сну близилась земля,
Онъ выходилъ на низкія ступени
И, сѣвъ, глядѣлъ на лѣсъ и на поля
Съ убогаго крыльца и, подперевъ рукою
Сѣдую голову, задумывался онъ...
Что видѣлось ему—не знали, но иное,
Чѣмъ эта жизнь. Тогда онъ слышалъ красный звонъ,
Онъ видѣлъ города обширную громаду,
Кресты церквей, огромный свѣтлый храмъ,
Могилъ священныхъ рядъ, сіяніе лампады
И чудный слышалъ хоръ... Курился фиміамъ...
Видали, какъ средь думъ лицо его сіяло,

Надъ лѣсомъ ранняя вставшая заря
Его высокую фигуру озаряла...
И ссыльный-каторжникъ въ немъ разъ узналъ Царя:
Бывъ сосланъ изъ дворца за грѣхъ и преступленье
Въ глуши лѣсовъ онъ Старца увидалъ,
И въ страхѣ радостномъ, въ глубокомъ умиленьи
Къ его ногамъ въ безпамятствѣ припалъ...
Но Старецъ запретилъ ему промолвить слово
И заградилъ ему молчаніемъ уста...
Онъ людъ простой любилъ и подвигу святого
Отдался, бросивъ міръ для Господа Христа...
А всетаки, когда спускалась ночь, и тѣни
Ложились на поля, когда тайга спала,
Онъ бодрствовалъ въ тиши, и рядъ вставалъ видѣній,
Картины лицъ, добра прошедшаго и зла...
И видѣлись ему огромныя равнины,
И гулъ сраженія, жестокая война,
И Франціи прекрасныя долины,
И молодость его и ранняя весна....
Летѣла Старца мысль: вотъ барабановъ звуки...
Ряды солдатъ по городу идутъ...
— Кто блѣдный мертвенно, кому связали руки?
— Солдатъ-бѣглецъ... сквозь строй его здѣсь проведутъ!..
И странно: тонкія и строгія черты—
Съ его чертами тождественны были...
Тогда о подвигѣ въ немъ вспыхнули мечты,
О дальней сторонѣ... пустынѣ и могилѣ...
Удары слышатся... команда... рѣдко—стоны...
На площади сквозь строй проводится солдатъ.
Наказанъ строго онъ: суровые законы
Солдату каждому исполнить долгъ велятъ...
— За что? За что солдатъ такъ битъ былъ безпощадно?..
— За то, что, услыхавъ на двадцать пятый годъ,
Что умиралъ отецъ, увидѣть старца жадно
Онъ, пожелавъ, ушелъ. И вотъ за тотъ уходъ
Былъ заключенъ въ тюрьму, но сердце тосковало:
Солдатъ опять бѣжалъ, чтобъ смерть принять средь мукъ...
— А „онъ?.“ Отца „его“ давно уже не стало...

И былъ ли сынъ ему, какъ этотъ, вѣрный другъ?
Шумитъ тайга... Удары... барабаны—
Отшельнику слышны, и палокъ звукъ тупой...
Невыносимы сердца страждущаго раны,
Когда коснешься ихъ холодною рукой.
— Уйти, бѣжать теперь пора... Людямъ ни слова...
Конецъ всему... Предъ старикомъ сѣдымъ
Подлекаремъ стоитъ у трупа „онъ“. Суровы.
Черты убитаго: несутъ его за нимъ.
Въ гробъ дорогой положенное тѣло
Съ почетомъ повезли. „Залѣченный“ больной
Здоровымъ всталъ, чтобы исполнить дѣло...
И безпощадно былъ опять прогнанъ сквозь строй...
Тайга шумитъ... Чьи имена шептали
Уста отшельника?—Родныя имена...
А по камнямъ ручьи спокойно рокотали,
И тайной вся тайга была вездѣ полна...
Средь усыпальницы церковной, подъ плитою,
Безвѣстный міру спитъ. А здѣсь, въ глуши лѣсной
„Онъ“—вольный мученикъ, съ своей святой тоскою,
Найдетъ могилу... Здѣсь онъ ляжетъ подъ землей...
Да, жизнь его прошла, катясь, какъ волны моря,
Онъ видѣлъ тронъ, войну... Онъ казни зналъ и кнутъ...
Онъ зналъ довольство, блескъ, страданіе и горе:
Онъ зналъ, какъ тяжко бьютъ преступниковъ... какъ бьютъ!
Онъ не жалѣлъ о томъ, что пронеслось, какъ грезы,
Онъ славы не искалъ: бѣжалъ ея, но онъ
Все-жъ лилъ въ тиши ночей задумчивыя слезы,
И слышался ему въ глуши таежный звонъ;
И видѣлись ему прошедшаго видѣнья:
Надъ головой его спускались знамена;
За нимъ ряды вставали поколѣній,
И слышались ему святыя имена.
Тайга шепталася... Журчали по каменьямъ
Ручьи говоруны, плескалася рѣка,—
И звѣзды блѣдныя, какъ прошлаго видѣнья,
Глядѣли ласково сквозь мглу и облака.
Преданье говоритъ, когда въ Сибири чтимый
Благословенный Старецъ умиралъ,

Небесный свѣтъ въ часы его кончины
Надъ кельей, гдѣ онъ жилъ, надъ мѣстомъ тѣмъ сіялъ...
Въ одеждѣ бѣлой, чистой облеченный
Смиренно, какъ простецъ, въ могилу Старецъ легъ,
И знаетъ только Царь Царей—Отецъ вселенной,
Кто былъ усопшій тотъ... То знаетъ только Богъ...
Онъ тайну сохранилъ, не выдавъ ее, свято,—
Но міру всетаки завѣсу пріоткрылъ;
Молва летитъ людей, что будто бы когда-то
„Благословенный"—Царь Великой Руси... былъ...
Но подвигъ взявъ великаго смиренья,
Онъ славою мірскою пренебрегъ
И Старцемъ-бѣглецомъ безъ имени въ терпѣньи
Проведшимъ жизнь свою, въ могилу мирно легъ...

А. Мирская.

V.

Старецъ Феодоръ Козьмичъ и скопцы.

Феодоръ Козьмичъ, эта загадочная личность, пользовавшаяся извѣстностью у мѣстнаго населенія, не только среди простого класса, но даже и высшей духовной іерархіи г. Томска, обращавшая на себя вниманіе всего окружающаго населенія своей таинственностью, обратила также вниманіе и скопцовъ, жившихъ тогда въ г. Томскѣ, незамедлившихъ увидѣть въ Феодорѣ Козьмичѣ своего послѣдователя и учителя, популяризировать его имя среди сектантовъ, а также возвести его на степень святого, великаго апостола своего.

Скопцамъ, какъ и всякой тайной сектѣ, для ободренія колеблющихся и для пріобрѣтенія своихъ послѣдователей, необходимо было въ прошломъ столѣтіи поставить во главѣ секты Императрицу Елизавету Петровну въ мірѣ, и Акулину Ивановну въ скопчествѣ, какъ богородицу, Петра III Спасителемъ и Александра I великимъ апостоломъ.

По словамъ скопцовъ, 14 декабря 1825 года, умеръ въ Таганрогѣ не Александръ I, а приближенный къ нему офицеръ, имѣвшій большое сходство съ Императоромъ, вмѣсто котораго онъ и былъ похороненъ. Александръ-же I, добровольно отказавшійся отъ престола въ пользу своего брата Николая I, наложилъ на себя мученическій вѣнецъ, сдѣлался бродягой и поселился въ Томскѣ у купца Хромова подъ именемъ Феодора Козьмича. Портретъ или фотографическая карточка небольшихъ размѣровъ Феодора Козьмича

имѣется у всякаго скопца. Она всегда виситъ въ большомъ углу рядомъ съ портретомъ Александра I. На фотографической карточкѣ Феодоръ Козьмичъ одѣтъ въ длинную бѣлую рубаху, подпоясанъ поясомъ, волосы острижены въ скобку, на подбородкѣ торчитъ маленькая бородка, носъ съ небольшимъ горбомъ. Судя по карточкѣ, скопческій Феодоръ Козьмичъ былъ дѣйствительно скопецъ, имѣвшій сходство съ портретомъ Александра I. Но если сравнивать скопческую карточку съ фотографіей Феодора Козьмича, помѣщенной у насъ, то всякое сходство исчезаетъ.

Нужно думать, что скопцы присвоили себѣ Феодора Козьмича вотъ почему: несомнѣнно, Феодоръ Козьмичъ былъ загадочный человѣкъ, мистикъ, жилъ въ кельѣ, сокращалъ свои потребности до минимума и на предлагаемые вопросы отвѣчалъ уклончиво, а послѣ смерти у него, будто бы, найдено письмо Наполеона I, писанное на французскомъ языкѣ къ Александру I. Одного этого слуха было достаточно для скопцовъ, чтобы быть причисленнымъ къ лику скопческихъ апостоловъ.

Скопцы видя передъ собою такого таинственнаго человѣка, какъ Феодоръ Козьмичъ, руководимые своими учителями и пророками,—говорили: смотрите, братцы родимые, ужъ если Царь принялъ мученическій вѣнецъ, чистоту дѣвства принялъ, ужъ если Царь умомъ просвѣтлѣлъ, то намъ ничего не остается дѣлать, какъ только славить Бога, и обращать еретиковъ въ свою вѣру: и вотъ по этому поводу у нихъ въ честь Императора Александра I сложилась даже пѣсня, поющаяся при крестовомъ радѣніи.

Вотъ ея содержаніе:

Государь, ты нашъ родный батюшка,
Государыня, наша матушка,
Ты задумалъ, нашъ батюшка,
Изъ дворца укатить.
Это честно и достохвально.
Ангелъ Божій благословилъ его крестомъ,
Молитвой и постомъ,
И чувствительнымъ крестомъ.

Сами кресты преподнесли,
Своему брату отдали.
Не хочу быть царь царемъ
И земнымъ я королемъ,
Потому я оставляю
Всю земную суету,
Свою ленту голубую,
Свою шпагу золотую.
Ангелъ Божій шпагу взялъ,
И на престолъ ее поднялъ,
И вторую жизнь онъ далъ:
Во второе перекрестился,
По бѣлому убѣлился.
Богу слава, честь, держава во вѣки вѣковъ.
Аминь.

Скопцы, наградивъ Александра I апостольскимъ чиномъ, не обошли своимъ вниманіемъ и Наполеона I. Они на половину считаютъ его своимъ, т. е. принявшимъ ангельскій чинъ по малой печати, большую же печать онъ приметъ, когда случится 3-е пришествіе на землю скопческаго спасителя, которому будетъ воздвигнуто 12 престоловъ въ Москвѣ, у Сухаревой башни, гдѣ онъ будетъ окруженъ скопцами, вернувшимся изъ Якутской области, на бѣлыхъ якутскихъ коняхъ, гдѣ всѣ цари земные, скованные цѣпями, будутъ стоять недалеко отъ трона и скопцовъ. Здѣсь Наполеонъ I приметъ большую печать, Александръ-же I, какъ пострадавшій, вмѣстѣ съ Елизаветой Петровной и Мартыномъ Родіоновичемъ (Воронцевымъ-Дашковымъ), будутъ сидѣть на престолахъ.

VI.

С. Ф. Хромовъ.

Считаемъ далеко не лишнимъ привести краткія біографическія данныя о С. Ф. Хромовѣ, усерднѣйшемъ почитателѣ Благословеннаго старца Феодора Козьмича, у котораго послѣдній проживалъ послѣдніе дни своей жизни и въ келіи при домѣ котораго покончилъ свое земное существованіе.

Семенъ Феофановичъ Хромовъ родился въ маѣ мѣсяцѣ 1813 года, въ селѣ Мугрѣевѣ, Вязниковскаго уѣзда, Владимірской губерніи. Отецъ его, Феофанъ Васильевичъ Хромовъ, былъ крѣпостнымъ крестьяниномъ графини Боргъ, отъ которой все семейство Хромовыхъ откупилось и стало свободнымъ.

Воспитаніе Семенъ Феофановичъ получилъ домашнее и съ раннихъ лѣтъ сталъ заниматься торговлею въ г. Томскѣ, куда пріѣхалъ по вызову дяди своего со стороны матери Е. Д. Бобкова, который велъ обширную торговлю въ Сибири. Съ теченіемъ времени Семенъ Феофановичъ сдѣлался главнымъ довѣреннымъ Бобкова, причемъ по торговымъ дѣламъ разъѣзжалъ по всей Россіи, часто дѣлая до 20.000 верстъ ежегодно.

По смерти Бобкова, С. Ф. Хромовъ началъ свое собственное торговое дѣло въ городѣ Маріинскѣ и въ то же самое время занялся золотопромышленностью, пріобрѣтя золотые пріиски въ Сѣверной системѣ Енисейскаго горнаго округа.

Въ 1847 году Семенъ Феофановичъ пріобрѣлъ домъ въ городѣ Томскѣ, тотъ самый, при которомъ

и сейчасъ сохраняется келія, гдѣ жилъ и скончался старецъ Ѳеодоръ Козьмичъ. При частыхъ разъѣздахъ изъ Томска на промысла С. Ф. Хромовъ и познакомился со старцемъ Ѳеодоромъ Козьмичемъ и съ теченіемъ времени сталъ къ нему въ самыя близкія отношенія.

Выдающейся чертой Семена Ѳеофановича была его непоколебимая честность. Въ то „доброе, старое время" положеніе пріисковыхъ рабочихъ въ общемъ было невыносимо: ихъ заставляли работать сверхъ силы, даже по большимъ праздникамъ, обсчитывали, обмѣривали, обращались почти какъ съ рабами. Не то было на пріискахъ у С. Ф. Хромова. Быть можетъ, подъ вліяніемъ увѣщаній старца Ѳеодора Козьмичъ Семенъ Ѳеофановичъ относился къ своимъ рабочимъ совершенно инымъ образомъ, чѣмъ даже вызывалъ нареканія другихъ золотопромышленниковъ. Онъ не обременялъ своихъ рабочихъ непосильною работою, праздничные дни у нихъ были свободны, ни обсчетъ, ни обмѣръ, ни что другое, клонящееся ко вреду рабочихъ, на пріискахъ Хромова никогда не практиковалось.

Та же безукоризненная честность практиковалась и въ его торговыхъ дѣлахъ и сношеніяхъ. Къ нему ни въ коемъ случаѣ нельзя было примѣнить извѣстной поговорки: „не обманешь—не продашь".

Въ результатѣ—послѣ своей долголѣтней торговой и золотопромышленной дѣятельности онъ оставилъ своимъ наслѣдникамъ только ветхій деревянный домъ, почти никакого капитала и... честное имя.

За то Семенъ Ѳеофановичъ пользовался вполнѣ заслуженною любовію и уваженіемъ всѣхъ его знавшихъ. Онъ находился въ близкихъ отношеніяхъ со многими высокопоставленными лицами: губернаторами, архіереями и другими высшими представителями духовной и свѣтской администраціи. Между прочимъ онъ пользовался большимъ уваженіемъ и находился въ перепискѣ съ такимъ выдающимся архипастыремъ, какъ покойный епископъ Томскій преосвященный Парфеній, котораго извѣстный профес-

соръ П. В. Знаменскій характеризуетъ, какъ „человѣка глубокаго ума и разносторонне образованнаго, съ обширными свѣдѣніями какъ въ области богословскихъ наукъ, такъ и свѣтскихъ, отличнаго администратора и человѣка неутомимо дѣятельнаго и живого“. Знавшіе преосвященнаго Парфенія говорятъ, что онъ въ высшей степени строго и съ большимъ разборомъ относился къ людямъ. И, конечно, онъ не всталъ бы въ близкія отношенія съ С. Ф. Хромовымъ, человѣкомъ, не занимавшимъ высокаго положенія въ обществѣ, если бы онъ не отличался выдающимися нравственными качествами.

Таковъ былъ С. Ф. Хромовъ.

И вотъ такого человѣка заподозрѣваютъ въ корыстолюбивомъ отношеніи къ памяти глубоко, безпредѣльно почитаемаго имъ Старца, дѣлаютъ намеки на то, что извѣстныя записки Феодора Козьмича есть поддѣлка, совершенная или самимъ Хромовымъ, или кѣмъ либо изъ его семьи, упрекаютъ въ интригантствѣ... Все это, конечно, плодъ сплошного недоразумѣнія. Не таковъ былъ человѣкъ Семенъ Феофановичъ Хромовъ, чтобы хоть чѣмъ-нибудь оскорбить дорогую память Благословеннаго старца.

С. Ф. Хромовъ скончался въ глубокой старости 29 апрѣля 1893 года.

ДОПОЛНЕНІЯ И ПОПРАВКИ.

I. Издаваемый сборникъ составленъ въ 1907—1908 г.г. и къ этому времени относятся обозначенія на стр. 65 „два года тому назадъ“ и на стр. 146 „лѣтъ шесть тому назадъ“, равно какъ упоминанія о „нынѣ здравствующемъ“ (стр. 9 сн.) архимандритѣ Іонѣ (Ср. приложенія стр. 162—163).

II. Кромѣ упоминаемыхъ на стр. 66 „деревяннаго посоха“ и „складного аналоя“ сохранилась также рубашка Старца Ѳеодора Козьмича. Эти вещи прежде хранились у И. Г. Чистякова, имѣвшаго чинъ статскаго Совѣтника и занимавшаго посты Управляющаго Отдѣленіями Государственнаго Банка въ Томскѣ и Красноярскѣ. Нынѣ же онѣ хранятся у А. С. Чистяковой и А. С. Оконишниковой, дочерей С. Ф. Хромова.

III. На стр. 41 строка 4 сверху вмѣсто „съ тебѣ“ надо читать „съ тебя“, а на стр. 178 строка 9 сверху вмѣсто „молва летитъ“ надо читать „молва мутитъ“. Всюду вмѣсто „Феодоръ“ надо „Ѳеодоръ.

IV. **Объясненіе плана кельи Старца въ г. Томскѣ** (см. стр. 145). *I.* Сѣни. *II.* Келья Старца. *III.* Клозетъ. *а* входъ въ сѣни. *б* входъ въ келью. *в* печь. *г* лежанка. *д* скамья. *е* столики. *о* окна. *ж* крыльцо.

V. **Объясненіе плана кельи на хромовской заимкѣ** (см. стр. 150). *I.* Сѣни. *II.* Келія Старца. *III.* Нежилыя комнаты. *а* лежанка. *б* ходъ въ подполье. *в* столикъ подъ образами. *г* аналой. *д* двери. *о* окна. *ж* крыльцо.

VI. Копія съ ключа, найденнаго И. С. Петровымъ. *) *(Къ стр. 158).*

видишили	накакое	васъ	бѣз'словесие	счастие	славо	из'нѣсе
11.10.53.13.43.25.16.18.	12.55.49.17.14.15.9.	42.41.50.8.	27.28.3.37.40.38.5.4 39.44.6	7.26.51.34.35.36.48.	30.47.46.32.31.	45.29.52.33.1.2.

Но	егда	убо	а	молчатъ	П	Нѣвозвѣщаютъ
65.56.	59.60.78.62	96 83.61.	77.	94.93.92.68.85.57.58.	99.	67.69.97.98.63.88.89.81.71.101.70.64

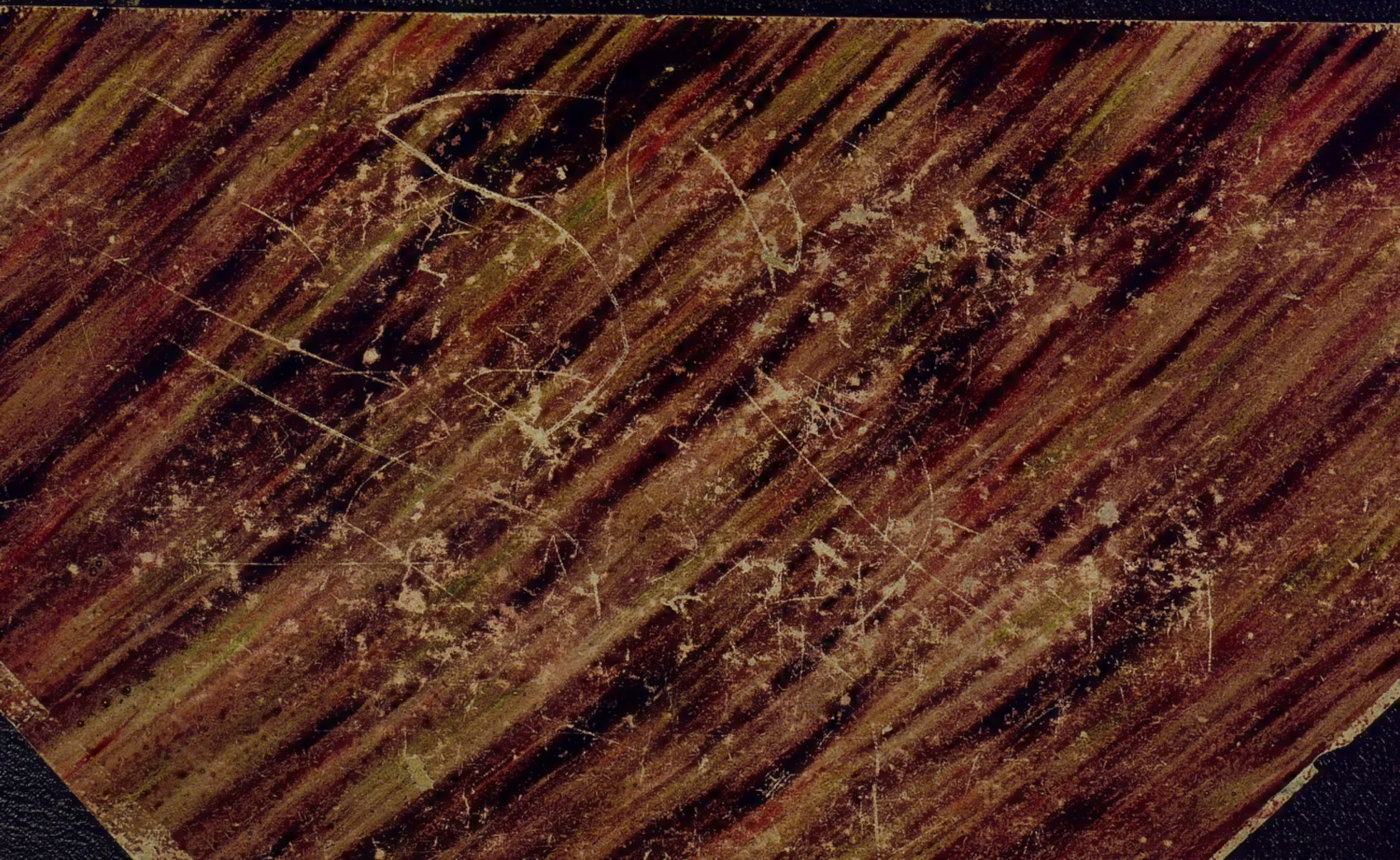
о	в	а	ж
105.	104.	117.	116.

і	Д	Я	ео	а	м	в	р	а	крыютъ	струорианъ
108.	113.	109.	114.111.	103.	110.	118.	115.	119.	72.84.66.80.86.73.	74.75.76.87.91.90.100.79.95.82.

с	з	Д	я
107.	106.	102.	112.

Се Зевесъ Е. И. В. Николай Павлович	(1—26)
бѣз'совѣсти сославшій Александра	(27—55)
отъ его азъ нынчѣ } такъ страдающъ	(56—82)
отъ чего азъ нынѣ }	
брату вѣроломну вопию	(83—101)
Да возсія моя Держава	(102—119)

1837-го г. мар. 26-го.

го	го	
1837 Г. Мар.	26.	в вол
		24. 21.23.22.
	43.	Пар.
		19.20.54.

*) Взята изъ книжки „Легенда о кончинѣ Императ. Александра I въ Сибири въ образѣ старца Феодора Козьмича". Вел. Князя Николая Михаиловича.